

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2019

ББК 81
С 69

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор, *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* – д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* – д-р филологии, *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии, *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук, *В.А. Плунгян* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук, *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: С 69 РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2019. – № 2. – 171 с.

В журнале представлены новые отечественные и зарубежные исследования, посвященные проблемам общего и сравнительно-исторического языкознания, теоретическим проблемам лингвистики, работы по фонетике и фонологии, морфологии и синтаксису, лексикологии и стилистике, по прикладному языкознанию, психолингвистике и социолингвистике.

ББК 81

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

2019.02.001. В.М. Костева. Исследование «тоталитарной» лингвистики как компонента лингво-философской парадигмы XX в. (Обзорно-аналитическая статья)	6
2019.02.002. Информационная структура текста	16
2019.02.003. Репрезентация событий: Интегрированный подход с позиции когнитивных наук	23

Психолингвистика

2019.02.004. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: Проблемы взаимовлияния	30
2019.02.005. Языковое бытие человека и этноса	34

Социолингвистика

2019.02.006. Конкуренция языков и языковых стратегий	46
2019.02.007. Аммон У. Политика поддержки немецкого языка в мире	55

Прикладное языкознание

2019.02.008. В.В. Потапов. Просодия как основа многоцелевых междисциплинарных исследований. (Обзор)	58
---	----

Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры

2019.02.009. Ильясова С.В., Амири Л.П. Язык СМИ и рекламы: Игра как норма и как аномалия	63
2019.02.010. Историческая динамика дискурсивных практик	65
2019.02.011. Корпоративная коммуникация в России	68
2019.02.012. Н.Н. Трошина. Дискурсивные исследования текстов культуры. (Обзор)	74
2019.02.013. А.Б. Бушев. Лингвистика интертекстуальности и интермедиальности. (Обзор)	76
2019.02.014. А.Б. Бушев. Традиционные жанры русской культуры: Лингвистические аспекты. (Обзор)	95

Корпусная лингвистика

2019.02.015. Фернандес А.Г. Всемирная Сеть как корпус данных	115
--	-----

Нейролингвистика

2019.02.016. В.В. Потапов. Экспериментальное электрофизиологическое исследование работы мозга применительно к восприятию речи в моно- и поликодовом режимах. (Обзор) ..	119
---	-----

Регионоведение

2019.02.017. Якимов П.А. Коммуникативное пространство Оренбуржья	123
--	-----

УРОВНИ ЯЗЫКА

Лексикология. Фразеология. Ономастика

2019.02.018. Е.О. Опарина. Идиомы как часть языковой компетенции носителя языка. (Обзор)	127
--	-----

Терминология

2019.02.019. Термины в коммуникативном пространстве	132
---	-----

ЯЗЫКИ МИРА

2019.02.020. Э.Б. Яковлева. Контрастивное изучение языков разных типов. (Обзор)	139
---	-----

LINGUA-RETRO

2019.02.021. М.Б. Раренко. Исследования итальянского языка и культуры. (Обзор)	158
2019.02.022. Л.Р. Комалова. Вербально-визуальный образ мигрантов и представителей миноритарных лингвокультур на страницах учебной литературы в современной Испании и Мексике. (Обзор)	160
2019.02.023. Л.Р. Комалова. Корпусные исследования в лингвистике на материале институционального дискурса. (Обзор)	162
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА	166
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 2)	167

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

2019.02.001. В.М. КОСТЕВА. ИССЛЕДОВАНИЕ «ТОТАЛИТАРНОЙ» ЛИНГВИСТИКИ КАК КОМПОНЕНТА ЛИНГВО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ XX в. (Обзорно-аналитическая статья). V.M. KOSTEVA. The research of the «totalitarian» linguistics as a component of the linguistic-philosophical paradigm of the twentieth century.

***Аннотация.** «Тоталитарная» лингвистика рассматривается как особое направление в лингвистике XX в., зависящее от влияния общественной парадигмы. Дается определение «тоталитарной» лингвистики как совокупности дискурсивных практик. Используется нарративный метод лингвоисториографии, предусматривающий рассмотрение лингвистических концепций в тесной связи с историческим фоном и сложившимися условиями работы лингвистов.*

***Abstract.** «Totalitarian» linguistics is considered as a special direction in the linguistics of the twentieth century, depending on the influence of the social paradigm. The definition of «totalitarian» linguistics as a set of discursive practices is given. A narrative method of linguo-historiography is used, which provides for the consideration of linguistic concepts in close connection with the historical background and the prevailing conditions of work of linguists.*

***Ключевые слова:** тоталитарная лингвистика; нарративный метод; дискурс; эпистема; дискурсивная практика; концептуальная метафора; пуризм; философия языка.*

Keywords: *totalitarian linguistics; narrative method; discourse; epistem; discourse practice; conceptual metaphor; purism; philosophy of language.*

Тоталитаризм как исторический феномен привлекает внимание ученых разных специальностей на протяжении нескольких десятилетий. Результатом этого интереса стало появление ряда исследований в различных областях научного знания, прежде всего философии, политологии, истории и социологии. Кроме детального анализа тоталитаризма, описания его основных признаков и создания моделей, отметим наличие исследований о развитии отдельных областей научного знания в условиях тоталитаризма, к числу которых относятся «тоталитарная культура», «тоталитарное искусство», «тоталитарная архитектура», под которыми, в целом, понимаются официальная культура и официальное искусство в тоталитарном обществе, имеющие несколько доминирующих признаков.

Данные предпосылки побудили нас начать исследование лингвистики в тоталитарном обществе и позволили выдвинуть рабочую гипотезу о наличии особой лингвистики в тоталитарном обществе, отличной от лингвистики других периодов. Конечной целью работы видится обоснование лингвистики тоталитарного общества как особого направления в парадигме языкознания XX в., полное и эксплицитное описание данного феномена в русле нарративной лингвоисториографии в контексте основных тенденций развития мировой науки и культуры XX в. в целом.

Для достижения намеченной цели нами были поставлены несколько задач, главная из которых состояла в проведении метакритического анализа лингвистического наследия тоталитарных государств XX в.

Для лингвистики тоталитарных государств предлагается термин «тоталитарная» лингвистика [Костева, 2008; 2012]. Необходимость использования особого термина определяется рядом причин, главной из которых является отсутствие единого названия для языкознания указанного периода. Этот факт можно объяснить недостаточной степенью изученности данного феномена, а также отсутствием сравнительно-обобщающих работ по лингвистике хотя бы двух тоталитарных государств.

С учетом отрицательной коннотации слова «тоталитарный» в современной политической семантике выражение «тоталитарная лингвистика» при первом упоминании вызывает неприятие и осуждение со стороны многих специалистов в языковедческой и смежных отраслях, поскольку противоречит высокой оценке научного наследия лингвистики в тоталитарных государствах, особенно в СССР. В нашей концепции признание лингвистики определенных эпох и государств «тоталитарной» не означает отрицания или игнорирования научного результата деятельности лингвистов, работавших в условиях тоталитарного государства; ее исследование позволяет выявить степень и характер влияния общественной парадигмы на условия научной работы лингвистов.

В связи с этим мы поставили вопрос о статусе «тоталитарной» лингвистики: можно ли считать ее объективным явлением, или же она представляет собой некую идеологическую конструкцию, искусственное идеологическое образование / вымысел западных политологов.

Как многие политико-философские категории, понятия «тоталитарность» и «тоталитаризм» не являются абсолютно признанными в мире и часто становятся предметом дискуссий. Особенно острая полемика связана с концептуальностью данных терминов и с их проецированием на общественные явления и институты власти. Тем не менее в литературе по общественно-политической тематике термины, входящие в тоталитарную парадигму, нашли широкое распространение. Отметим также многочисленность диссертационных исследований на тему тоталитаризма¹.

Таким образом, считаем, что концепт «тоталитарной» парадигмы является составной частью современного мировоззрения и может быть исследован в приложении к ряду явлений и структур. Вследствие этого полагаем, что «тоталитарная» лингвистика является частью общей тоталитарной парадигмы и термин «тоталитарная» лингвистика может считаться термином особой терминологической системы, связанной с функционированием общественных

¹ В базе диссертационных исследований [dissercat.ru. – Mode of access: <http://www.dissercat.com>] содержится 8157 научных работ, связанных с исследованием различных аспектов тоталитарности: тоталитарного государства, тоталитарного общества, тоталитарной личности, тоталитарного сознания, тоталитарного типа, тоталитарного дискурса, тоталитарного языка и др. – *Прим. авт.*

институтов, научного знания и других общественно-социальных явлений тоталитарного общества (подробно о термине «тоталитарная» лингвистика (см.: [Костева 2008; 2012; 2013; 2014 б]).

Важной составляющей исследования является определение списка стран, относящихся к тоталитарным. В рамках статьи не представляется возможным дать экскурс в историю этого вопроса и оценку основным теориям, позволяющим причислить то или иное государство к тоталитарному типу (подробно об этом см.: [Костева, 2013]). Отметим, что в фокусе нашего внимания находится лингвистика следующих тоталитарных государств: СССР (1923–1953), Германии (1933–1945), Италии (1922–1943), Испании (1933–1975), Албании (1941–1985), Румынии (1948–1989) и Китая (1949–1976). Таким образом, мы имеем возможность проанализировать материал разных временных периодов, начиная с 1920 и заканчивая 1980-ми годами, и, кроме того, разных регионов, географически отдаленных друг от друга, но имеющих общие тенденции политического развития, что должно аргументированно подтвердить нашу гипотезу о наличии в тоталитарном государстве особого типа лингвистики.

При исследовании «тоталитарной» лингвистики мы использовали нарративный подход для описания ее как целостной системы, механизмы которой порождают тоталитарной идеологией, что предусматривает рассмотрение лингвистических концепций в тесной связи с историческим фоном и сложившимися условиями работы лингвистов. Использование данного метода позволило получить новые качественные результаты, что было ранее невозможно в связи с традиционным, преимущественно критическим рассмотрением истоков и результатов развития языкознания в государствах, которые в современной политологии и философии истории принято относить к тоталитарным (подробно см.: [Костева, 2014 в]).

В основу концепции «тоталитарной» лингвистики была положена философская база М. Фуко (1928–1984), в частности идея эпистемы и дискурсивных практик, подробно разработанная им в ряде работ, в том числе в «Археологии знания» М. Фуко [Фуко, 2004]. Представляется, что основной тезис о том, что каждая эпоха является носителем своей эпистемы, понимаемой как совокупность идей, теорий и практик, является релевантной для нашего

исследования. В соответствии с концепцией М. Фуко любой объект может быть исследован на основе материалов дискурсивных практик, которые входят в состав эпистемы и реализуются как свод предписаний и запретов. В нашем исследовании мы перенесли тезис М. Фуко об эпистеме эпох из археологии знаний (истории конца XVIII – XIX в.) в исторический период, более близкий к нашему времени. Таким образом, в отличие от М. Фуко, мы исследуем не «археологию», а период относительно недавнего времени и, кроме того, проецируем исследование на наши дни. Расширение концепции М. Фуко происходит также за счет произведенного среза эпох по странам и географии. Будучи элементом тоталитарной эпистемы, «тоталитарная» лингвистика представляется совокупностью дискурсивных практик, реализация которых составляет «тоталитарность» лингвистики.

Учитывая существующее определение тоталитарного языка в концепции Н.А. Купиной [Купина, 2003, с. 552], а также тоталитарного дискурса [Кегеян, 2009, с. 46], мы даем определение «тоталитарной» лингвистики как: а) совокупности дискурсивных практик, характерных для лингвистики тоталитарных обществ, оказывающих влияние на формирование тематики, направления и методы теоретической и прикладной лингвистики; б) совокупности лингвистических концепций тоталитарного общества как воплощения господствующей идеологии; в) доминанты языковой политики и лингвистики тоталитарного государства.

Использование кавычек в отношении «тоталитарной» лингвистики объясняется восприятием данного термина как концептуальной метафоры.

В русле современной теории дискурса каждый элемент тоталитарной парадигмы (тоталитарный дискурс, тоталитарный язык, тоталитарное государство) можно соотнести с одним из видов дискурса. «Тоталитарная» лингвистика, будучи многогранным явлением, имеющим теоретический и прикладной аспекты, представляет собой объект нескольких дискурсов: с одной стороны, она является частью политического дискурса, функции которого связаны с представлением о нем как об инструменте политической власти; с другой – учитывая личное участие руководства тоталитарных государств в постановке и решении языковых задач, а также создание особого «языкового» законодательства в странах с

тоталитарным общественным устройством, направленным на формирование системы запретов и ограничений, полагаем правильным считать «тоталитарную» лингвистику также частью дискурса власти. Принимая во внимание такие проявления «тоталитарной» лингвистики, как существование системы запретов и манипулирование данной системой при осуществлении различных видов научной деятельности, «тоталитарную» лингвистику можно рассматривать как составляющую агрессивного дискурса.

При определении последнего мы опираемся на дефиницию О.А. Радченко, согласно которой дискурс понимается как культурно-историческое явление и может рассматриваться как фрагмент «лингвокультурной реальности конкретного языкового общества <...>» [Радченко, 2009, с. 61].

Агрессия тоталитарного научного дискурса регулируется набором определенных дискурсивных практик, которые можно отнести к двум группам – практикам, используемым сторонниками тоталитарного режима, и практикам, используемым противниками агрессии. Примеры дискурсивных практик приведены в таблице.

Выделяя дискурсивные практики, используемые учеными-лингвистами, мы имеем дело с феноменом выбора приоритетов с их стороны. Этот выбор можно представить как следование некой формуле, предполагающей изменение тематики научных изысканий и поддержку любых идей правящих кругов по вопросам языка как реакцию на перспективу получения власти и доминирующего положения в научной области.

Изучение «тоталитарной» лингвистики в соответствии с выдвинутой рабочей гипотезой мы начали с исследования и сопоставления языковой политики тоталитарных государств. По мнению зарубежных исследователей, изучающих ее проявление в тоталитарных обществах [Bochmann, 1989; Klein, 1986], языковая политика в таких странах весьма специфична и охватывает лишь такие области, как отношение государства к диалектам и языкам национальных меньшинств, пуризм и языковую экспансию. Но на наш взгляд, список этот далеко не полон. Кроме вышеуказанных параметров можно отметить и другие общие характеристики, например подготовку и реализацию орфографических реформ в тоталитарных обществах, решение вопросов языкового образования в школе, обучение родному языку в школе и высших учебных за-

ведениях и др., что в современной лингвистической терминологии определяется как *языковое планирование*.

Таблица

Дискурсивные практики,		
используемые партийными и государственными органами	используемые лингвистами,	
<ul style="list-style-type: none"> – привлечение ученых в партийные ряды, внедрение партийных представителей в научную и университетскую среду, создание преференций для лингвистов – членов правящей партии и ученых, работающих в русле новой идеологии; – обязательное цитирование в лингвистических статьях лидеров тоталитарного режима, классиков марксизма-ленинизма и положений из работ официально признанных лингвистов; – государственный и партийный контроль за научными исследованиями; – привлечение к лингвистической деятельности представителей рабочего класса, крестьянства, армейских работников и других социальных групп для борьбы с врагами среди языковедов; – создание системы круговой поруки в академических кругах; – манипулирование созданной системой запретов на осуществление различных видов научной деятельности; – использование различных методов устарения и / или запугивания оппонентов 	приверженцев тоталитарного строя	не приемлющих агрессию
	<ul style="list-style-type: none"> – конъюнктурная смена направления исследований, быстрое приспособление старых идей к новым идеологическим постулатам; – организация акций по публичному признанию и поддержке идей нового государства. 	<ul style="list-style-type: none"> – занятия относительно «мирными» темами, не имеющими отношения к основной лингво-философской парадигме (например, теологическое направление немецкой лингвистики и, отчасти, неогумбольдтианство в Германии, лингвоисториография в Италии); – эмиграция, выбор иного рода деятельности.

Исходя из нашей концепции, языковое планирование в тоталитарных государствах состоит в реализации ряда дискурсивных практик, имеющих специфическое воплощение в государствах с тоталитарным устройством общества.

Результатом сопоставительного анализа языковой политики вышеперечисленных тоталитарных государств стало выявление двух этапов осуществления языковой политики, идущих параллельно с изменениями в политической сфере и национальной по-

литике [Костева, 2010, с. 121], а также ряда дискурсивных практик, используемых государственными и партийными органами.

Для первого этапа (периода становления тоталитарного государства) типичны следующие дискурсивные практики: 1) использование административного ресурса для поддержки национальных языков и диалектов – издание специальных указов, декретов и постановлений о статусе национальных и миноритарных языков, а также диалектов; 2) выступления лидеров тоталитарных государств по вопросу отношения к диалектам и языкам национальных меньшинств; 3) использование авторитета ведущих лингвистов для поддержки проводимой государственной политики.

Для второго этапа (периода развитого тоталитарного государства) общими дискурсивными практиками являются издание специальных указов, запрещающих использование языков национальных меньшинств в той или иной сфере, в том числе в области культуры. Крайней формой проявления этой политики можно считать запрет на использование родного языка в бытовой сфере и такие проявления, как запрет на собственные личные имена на национальном языке, например, «Кампания по искоренению всего романского» («Entwelschungs»-Kampagne) в Эльзасе, начиная с 1940 г. [Костева 2010 б; Костева 2017 в].

Изучение пуризма позволило говорить об его уникальности в тоталитарных государствах, которая состоит в том, что он сочетает в себе черты нескольких типов пуризма, согласно классификации Г. Томаса [Thomas, 1991, с. 76], а именно архаический пуризм, элитарный пуризм, реформаторский пуризм и ксенофобный пуризм. Каждый тип проявляется с различной интенсивностью, которая определяется наличием конкретного врага и предпосылками становления тоталитарного общества. Так, в государствах с фашистским устройством мы наблюдаем преимущественно ксенофобный и архаический пуризм; в тоталитарных государствах второй половины XX в. преобладает реформаторский пуризм.

В области прикладной лингвистики, в частности лексикографии, нами была отмечена основная черта развития лексикографической практики в условиях тоталитаризма – прямая зависимость лингвистической парадигмы от общественной парадигмы. Влияние, оказанное последней, включает в себя непосредственное участие государства, в том числе лидеров тоталитарных госу-

дарств, в словарном деле, выражающееся в государственном и политическом заказе того или иного вида лексикографического источника, в его финансировании, освещении работы над ним в периодической печати и авторитетных научных журналах, в определении его содержания с точки зрения идеологических, политических и экономических предпосылок (подробно о лексикографической деятельности см.: [Костева, 2014 а; Костева, 2017 а; Костева, 2017 б]). Ученые, работающие в области философии языка, действовали в рамках общей философской парадигмы «язык и государство (народ, нация)», при которой категории «язык» и «государство» («народ», «нация») взаимосвязаны между собой по двум моделям: 1) политическое (государственное) единство → языковое единство; 2) языковое единство → политическое (государственное) единство. Это свидетельствует об отсутствии четких критериев и установок на оценку первичности и вторичности в соотношении государства и языка.

Будучи неотъемлемой частью общей идеологии, язык в философских концепциях тоталитарного государства тесно связан с понятиями нации, народа, государства, (мировой) культуры, расы, кровного родства и представляет собой, таким образом, стержень, вокруг которого строится иерархия взаимоотношений общественных институтов и индивидуумов.

Полагаем, что проведенное исследование открывает ряд дальнейших исследовательских перспектив, среди которых наиболее актуальным представляется исследование лингвистики и новояза тоталитарных государств с точки зрения формирования механизма семантических трансформаций и его функционирования в рамках политико-идеологического дискурса. В качестве второй перспективы исследования можно рассматривать изучение тоталитарного дискурса с точки зрения его участников, с привлечением научных публикаций, архивных материалов, критических рецензий и других аутентичных материалов.

Представляется, что полученные результаты будут способствовать объективации взглядов на парадигматику и синтагматику языка, а также на особенности развития науки о языке на различных этапах ее становления в XX столетии.

Список литературы

Кегеян С.Э. Лингвориторические параметры политического дискурса: (На материале текстов идеологов большевизма): Дис. ... канд. филол. наук. – Сочи, 2009. – 236 с.

Костева В.М. «Тоталитарная» лингвистика в современной лингвоисторикографии: Постановка проблемы // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. – М., 2008. – № 2. – С. 52–56.

Костева В.М. К вопросу о языковой политике тоталитарных государств // Вестн. ИГЛУ. Сер.: Филология. – Иркутск, 2010 а. – № 1. – С. 120–125.

Костева В.М. Языковой империализм тоталитарных государств XX века // Молодой ученый. – Казань, 2010 б. – Т. 2, № 1/2 (13). – С. 79–81.

Костева В.М. О термине «тоталитарная» лингвистика // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. – М., 2012. – № 1. – С. 59–67.

Костева В.М. «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике. – М.: МПГУ, 2013. – 128 с.

Костева В.М. История создания Академического словаря русского языка как отражение «тоталитарной» лингвистики // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. – Волгоград, 2014 а. – № 5 (90). – С. 87–91.

Костева В.М. О правомерности термина «тоталитарная» лингвистика в современной исследовательской парадигме // Вестн. Адыг. гос. ун-та. – Майкоп, 2014 б. – Вып. 1 (134). – С. 63–68.

Костева В.М. Об использовании нарратива в изучении «тоталитарной» лингвистики: (Из опыта исследования) // Вестн. Мичурин. гос. аграр. ун-та. – Мичуринск, 2014 в. – № 3. – С. 102–105.

Костева В.М. Словари тоталитарной Италии и Албании // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2017 а. – Т. 8, № 4. – С. 884–891.

Костева В.М. Словарная деятельность в тоталитарных Германии и Испании // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. – Пятигорск, 2017 б. – № 3. – С. 113–116.

Костева В.М. «Тоталитарная лингвистика» и ее дискурсивные практики // Вестн. МГЛУ. Сер.: Гуманитарные науки. – М., 2017 в. – № 6 (777). – С. 381–390.

Купина Н.А. Тоталитарный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Кожиной М.Н. – М., 2003. – С. 552–554.

Радченко О.А. Исследования агрессивного дискурса: Проблемы и перспективы // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. – М., 2009. – № 1. – С. 61–65.

Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.

Bochmann K. Sprachnormierung und Standardsprache. – Tübingen: De Gruyter, 1989. – Bd 3: Lexikon der Romanistischen Linguistik (LRL). – S. 239–251.

Klein G. La politica linguistica del fascismo. – Bologna: Il Mulino, 1986. – 234 p.

Thomas G. Linguistic purism. – L.; N.Y.: Longman, 1991. – 250 p.

2019.02.002. ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА: Сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед.; отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2018. – 214 с.

Ключевые слова: информационная структура текста; содержание текста; смысл текста; инференция; выводное знание; вторичный текст; встречный текст; вербальная реакция; денотатная структура текста; денотатный граф; текст в статике; текст в динамике; стилистический процесс; смысловая свертка текста; первичный текст; вторичный текст; реферат; аннотация; перевод.

Сборник статей посвящен 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Института языкознания Российской академии наук Анатолия Ивановича Новикова и написан его учениками и последователями – сотрудниками Института языкознания РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН, Пермского национального исследовательского политехнического университета и Башкирского государственного университета.

Сборник состоит из введения и шести разделов.

Как подчеркивается во введении (Н.Н. Трошина), словосочетание «школа А.И. Новикова» стало знаковым для лингвистов, относящих себя к различным областям языкознания – общей теории языка, психолингвистике текста, теории дискурса, стилистике, переводоведению, машинному переводу, – поскольку все эти специалисты неизбежно сталкиваются с проблемой понимания текста и сохранения его содержания и смысла при разнообразных текстовых трансформациях.

Информационная структура текста понимается А.И. Новиковым как совокупное значение его языковых единиц, организованное в соответствии с коммуникативной целью отправителя текста. Эта структура соотносима с его содержанием, т.е. мыслительным образованием, возбуждаемым «в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств текста, а также дополнительной информации, привлекаемой для его понимания»¹, т.е. выводного знания.

¹ Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – С. 6.

Однако понимание текста не заканчивается переработкой текстовой информации: «Оно продолжается на уровне мышления, в результате чего непосредственный результат понимания данного текста, возбуждая различные связи и отношения, ‘обрастает’ дополнительными компонентами не только познавательного, но и эмоционального, субъективного, прагматического характера»¹. Эти дополнительные компоненты участвуют в формировании смысла текста. К этому заключению, позволившему дифференцировать понятия «содержание текста» и «смысл текста», А.И. Новиков пришел в 80-х годах XX в. и сформулировал в определении, ставшим классическим: «Если содержание текста – это проекция текста на сознание, то смысл – это проекция сознания на текст» (там же).

А.И. Новиков разработал методы анализа текста, активно используемые сегодня лингвистами и специалистами в области искусственного интеллекта и компьютерных технологий – методы построения «встречного текста» и денотатного графа. Под встречным текстом понимается «набор вербализованных реакций реципиента, возникающих в его сознании в процессе восприятия и осмысления текстовой информации»², т.е. «встречный текст» – совокупность вербальных реакций реципиента на воспринимаемую им текстовую информацию, которая играет роль стимула.

Денотатный граф имеет вид иерархического дерева, отражающего денотатную структуру текста. Денотатами являются единицы содержания текста. Такой граф представляет собой «свернутое эксплицитное отображение структуры содержания текста, которой могут соответствовать различные языковые формы»³.

В статьях сборника раскрываются различные возможности применения теории и методов анализа, разработанные А.И. Новиковым, в вузовской практике.

В разделе первом «Когнитивная лингвистика и теория А.И. Новикова» показано соотношение понятий «понимание»,

¹ Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – С. 6.

² Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. – Уфа, 2010. – С. 31.

³ Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М., 1991. – С. 61.

«интерпретация» и «выводное (инференциальное) знание». Как указывает М.И. Киосе («Текстовая инференция: источники современных когнитивных концепций выводного знания»), выбор одной или нескольких из множественных возможностей формирования выводного знания (например, при чтении текста) обуславливается тем, что какой-либо из инференциальных путей оказывается в более выгодном положении. Систематизация подходов к изучению инференции позволяет определить возможные пути формирования выводного знания, которыми может руководствоваться читатель при извлечении текстовой информации. Лингвокогнитивное изучение возможностей текстовой инференции связано с решением вопросов успешности понимания текста. Именно наличие успешности позволяет разграничить инференцию как модель выводного знания и интерпретацию как способ выведения этой модели, где при дефинировании последней (интерпретации) обычно отмечаются такие характеристики, как индивидуальный характер и вариативность, но не успешность. Инференция предполагает схватывание / понимание концептуального содержания в разных формах выводного знания: осознанного и неосознанного, индивидуального и коллективного, спонтанного и целенаправленного. Схватывание и понимание связываются с результативностью данного процесса, т.е. с распознаванием текстовых смыслов с помощью определенных инференциальных схем, что может являться показателем успешности интерпретации.

В статье называются ранние источники современного знания об инференции (Платон, Конфуций, Аристотель, Фома Аквинский, Джон Пуансо), т.е. знания, получившего определенное развитие в философских концепциях XVI–XIX вв. (например, в теориях Ф. Бэкона, Дж. Локка, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни). В это время возможности разных типов опытного знания (чувственного, опытного, деятельностного, индивидуального, психологического) начинают изучаться более целенаправленно.

В качестве непосредственных источников инференциальных концепций лингвокогнитологии называются: 1) «истинное vs ложное знание» (в логико-философских теориях Б. Рассела, У. Куайна, Ш. Крипке, А. Тарского); 2) «правильное vs ошибочное знание» (в формально-логических теориях, в том числе, в лингвистической семантике Р. Монтэгу, Я. Лукасевича и в логико-прагматической

концепции Г.П. Грайса); 3) «знание, выводимое из предшествующего опыта vs знание, не имеющее аналогов в прошлом» (в ранних когнитивных теориях инференции Ч.С. Пирса, Г.Г. Шпета, М. Мерло-Понти и Я. Хинтикка).

«Для современной когнитивной науки особое значение приобретают концепции ‘опытного знания’ как предусматривающие участие разных сенсорных модальностей, когниции и перцепции, разных типов знаний; описывающие проявление разной степени активности познающего субъекта и другие факторы. Систематизация данных подходов позволяет определить возможные пути формирования выводного знания, которыми нельзя пренебрегать при анализе особенностей извлечения текстовой информации» (с. 24).

Н.Н. Трошина («Стилистическая структура текста и его смысл») исходит из различения статического и динамического аспектов рассмотрения текста в речевой коммуникации: текста в статике (графически зафиксированной цепочки вербальных и невербальных знаков) и двух текстов в динамике (порождаемого и воспринимаемого, т.е. «встречного»). Текст в статике обладает стилистической структурой, очерчивающей поле, в котором развиваются стилистический и семантический процессы. Поскольку этот текст является соединительным элементом для двух текстов в динамике (порождаемого и встречного), то стилистические процессы в нем определяют первичный вклад стиля в смысл, формирующийся в сознании адресата. Реальная же доля стилистического смысла в ментальном образовании, которое складывается в результате интерпретации сообщаемого в тексте, зависит от кругозора адресата, его подготовленности к восприятию и пониманию данного текста.

И.А. Гусейнова («Роль научного наследия А.И. Новикова в отечественной теории институционального дискурса») показывает, что разработанные А.И. Новиковым подходы к анализу текста и к его интерпретации позволяют распознавать имплицитные смыслы в полимодальных текстах, репрезентирующих разновидности институционального дискурса. Отмечается, что «институциональная коммуникация настолько глубоко проникла в различные сферы человеческой деятельности, что ее присутствие можно отметить в любом виде дискурса, например, в рекламном, презентационном, имиджевом, электронном, публицистическом, спортивном, эколо-

гическом и других» (с. 43). Статья написана на материале электронной деловой переписки на немецком языке.

Авторы статьей раздела второго «Исследования информационной структуры и смысла текста: Методы А.И. Новикова» доказывают, что научное наследие А.И. Новикова является тем надежным концептуальным основанием, на котором строятся исследования представителей Уфимской ветви школы А.И. Новикова: Н.П. Пешковой. «‘Встречный текст’ как продукт понимания адресатом и отражение содержательно-смысловой структуры воспринимаемого сообщения», И.В. Кирсановой «Имплицитность как характеристика текста и ее роль в процессах восприятия и понимания информации», А.С. Титловой «Поликодовая оценка в реакциях реципиентов текстов микроблога», Я.А. Давлетовой «Исследование особенностей оценочного мышления в процессах понимания и интерпретации смысла текста: (На материале текста Библии)», Моисеевой А.В. «Исследование соотношения содержательных и смысловых реакций в ядре модели понимания текста глянцевого журнала: (С использованием метода «встречного текста» А.И. Новикова). Как отмечает Н.П. Пешкова, «экспериментальные исследования по проблеме понимания письменных сообщений различных типов с использованием метода ‘встречного текста’ способствовали выявлению нескольких видов стратегий обработки информации, на которые опираются реципиенты в зависимости от своих индивидуальных психологических особенностей, опыта, предшествующих знаний, а также и от типа воспринимаемого и интерпретируемого текста. Полученные данные показывают, что в общем поле реакций, составляющих ‘встречные тексты’ испытуемых, как правило, наблюдается преобладание реакций того или иного вида. Такие доминирующие реакции, как можно предположить, составляют ядро стратегии обработки информации адресатом» (с. 58).

Метод построения денотатного графа нашел применение в работах пермских последователей А.И. Новикова – сотрудников Пермского национального исследовательского политехнического университета – при решении задач, связанных с искусственным интеллектом (раздел третий «Теория А.И. Новикова и автоматическая обработка текстов»). С этой целью разработана модель автоматического построения денотатного графа гипертекста как моде-

ли предметной области интеллектуальной системы (Курушин Д.С., Леонов Е.Р., Соболева О.В. «О возможном подходе к автоматическому построению денотатного графа гипертекста», Курушин Д.С., Соболева О.В., Вяткин Д.С. «Денотативная модель основного содержания текста в лингвистическом обеспечении робототехнических исследований»).

Этот же метод предлагается использовать в практике обучения студентов в техническом вузе: строится денотатный граф, возникающий в сознании студента как проекция изучаемого учебного материала (Ерискина Е.К., Коваль А.Е., Курушин Д.С., Менжаева О.А. «Применение денотативной модели для автоматической генерации тестовых заданий»). Таким путем выявляется, что «с помощью правильной постановки задачи и верно описанной предметной области представляется возможным оценить уровень понимания теоретического материала, который был дан на лекции. Дальнейшие исследования в этой области способны привести к автоматизации процесса проведения контрольных мероприятий по дисциплинам в вузе и позволит измерить уровень понимания теоретического материала, что, безусловно, является фундаментальной задачей всего процесса обучения» (с. 122).

Сохранение не только содержания текста, но и его структуры при смысловой свертке является важнейшей задачей при создании так называемых вторичных текстов, прежде всего рефератов и аннотаций и переводов. Комплексу этих проблем обработки текстов посвящен раздел четвертый «Информационная структура текста и перевод».

Исследования в этой области, также основанные на методе построения денотатного графа, выполняются в том же Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Эти исследования направлены на выявление механизмов преобразования первичных текстов во вторичные информационные документы (статьи: Герте-Немцева Н.А., Котельникова А.И., Курушин Д.С., Нестерова Н.М. «Смысловое свертывание в сокращенных видах перевода», Шияпова А.А. «Перевод текста: Особенности смыслообразования»). Возникающие сложности объясняются тем, что переводу подвергаются не только языковые составляющие текста, но и стоящая за ними культурно-историческая информация. Это требует учета пресуппозиционных и имплицативных со-

ставляющих содержания текста, что при переводе «соответствует переходу от уровня формирования содержания на уровень смыслообразования», пишет А.А. Шияпова (с. 166).

Обзор истории переводоведения как истории концепций смыслообразования и смыслопреобразования дается в статье М.Б. Раренко «Перевод как способ актуализации смысла». Этот аспект теории перевода важен для переводческой практики, поскольку с проблемой адекватной передачи смысла оригинала сталкивается каждый переводчик как в случае собственно перевода, так и при автопереводе (прежде всего, при переводе художественных текстов), что показано на примере автопереводов В.В. Набокова.

В статьях раздела пятого «Информационная структура текста и его типологическая специфика» подчеркивается необходимость учитывать типологическую принадлежность текста при его смысловой свертке, что происходит, например, при подготовке текста для обложки книги (рус. «книжное рекламное эссе», англ. blurb, нем. Klappentext). Механизм свертки информации исходного текста – текста рекламируемой таким образом книги – анализируется в статье Н.В. Васильевой «Текст на обложке книги: Место в классификации вторичных текстов».

Информационная свертка текста при сохранении его содержания – это важнейший аспект подготовки материалов для академических презентаций, структура которых должна учитывать «клиповость» мышления, характерную для молодого поколения, подчеркивает М.В. Томская («Информативность академических презентаций»). Корреляция вербальных и визуальных материалов призвана дополнить и развернуть содержание демонстрируемых слайдов и тем самым повысить информативность научного текста – доклада или лекции.

В заключительном, шестом разделе помещен реферат на монографию Л.О. Чернейко «Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования» (подготовлен Е.О. Опариной).

Н.Н. Трошина

2019.02.003. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ: Интегрированный подход с позиции когнитивных наук / Отв. ред. Заботкина В.И. – М.: Издат. Дом ЯСК, 2017. – 360 с. – (Разумное поведение и язык. Language a. reasoning).

Из содерж.:

ДЕМЬЯНКОВ В.З. Событие как предмет гуманитарных наук. – С. 21–27.

ЗАБОТКИНА В.И. Репрезентация событий в когнитивных моделях и дискурсе: Аксиосфера культуры. – С. 28–45.

КОННОВА М.Н. Прецедентное событие как аксиологическая основа категоризации темпоральности бытия. – С. 279–297.

БЕЛОУСОВ К.И., ГАТАУЛИНА В.Н., ЕРОФЕЕВА Е.В. Ментальная репрезентация научного события: Содержание, структура, вариативность. – С. 131–149.

ШАБАТ Г.Б. О сближении двух культур в цифровую эпоху. – С. 178–189.

Ключевые слова: событие; темпоральность; событие в СМИ; репрезентация событий в ментальных моделях; явление прецедентности; наука и культура; язык современной науки.

Авторы коллективной монографии исследуют вопросы языковой репрезентации событий, интегрируя в рамках когнитивной науки методики разных антропологически ориентированных дисциплин: лингвистики, психологии, философии, культурологии, а также формальной логики. По мнению авторов, интегрированный подход способствует возможно полному изучению такого сложного и многоаспектного понятия, как «событие».

В.З. Демьянков обосновывает необходимость междисциплинарного исследования событийности в текстах СМИ. Создание и восприятие сообщений в СМИ являются актами интерпретации. Тексты о событиях обретают воздействующую функцию в зависимости от индивидуальных особенностей читателей и отношений между системой текстов и «обыденным миром» читателей (с. 22), и эти особенности по-разному анализируются различными дисциплинами.

В плане психологии, наиболее действенными оказываются тексты, активизирующие в читателе чувство сопричастности к описываемому событию, в первую очередь – эмпатию по отноше-

нию к его главной фигуре. Для современной цивилизации характерна активная демонстрация сопричастности к событию. Культурологический аспект выявляет варьирование оценки и эмоций по отношению к событию в разных культурах, а также определяет выбор событий, заслуживающих упоминания в СМИ.

На основе когнитивного подхода к категории события в логике и философии В.З. Демьянков предлагает различать три значения термина: событие как идею; референциальное событие; событие как текст. События как сосуществующие идеи могут противоречить друг другу, например, разные версии о том, каким образом произошел тот или иной несчастный случай (с. 25). Референциальные события являются прообразами событий-идей, при этом одному референциальному событию могут соответствовать разные события-идеи, т.е. разные интерпретации. Событие как текст создается как упорядоченность, которая может быть различной: опираться на логику, хронологию (прямую или обратную), или же излагать события «как бы в хаотическом порядке» (с. 26). Интерпретация события читателем является гипотетической, осуществляемой через текст.

В.И. Заботкина анализирует процесс репрезентации событий через ментальные модели. Автор отмечает, что ментальные модели не являются копиями реальных событий – они конструируются как результат индивидуального восприятия и опыта, общего социокультурного опыта и уже существующих моделей. Предлагаемая В.И. Заботкиной модель события основана на фреймовой семантике Ч. Филлмора, однако ее элементы модифицируются. Предлагается объединить категории агенса, пациенса и экспериенцера (в терминологии Ч. Филлмора это участник события, на которого оно производит определенное воздействие) в единую категорию «участник». В результате общая ментальная модель события состоит из следующего набора элементов: пространственные и временные параметры; агенты / участники; отношения между участниками / субъектами события; причина; действие; инструмент (стимул или участник события, оказывающий непосредственное физическое воздействие); цели; задачи; результат; эффект (с. 34).

В работе также предлагается ментальная модель события культуры, в которой учтена его специфика по сравнению с другими типами событий. В моделях культурных событий происходит

выдвижение, или профилирование, элемента «эффект», который включает в себя эстетический, эмоциональный и ассоциативный компоненты, на основе которых происходит аксиологизация или деаксиологизация. Предлагаемая В.И. Заботкиной модель события культуры имеет следующий набор элементов: эффект; инструмент (музыкальный инструмент, кисть, голос и т.д.); способ создания; пространственные и временные параметры; участники; отношения между участниками события; причина; действие; цель (с. 38).

В дискурсе культурное событие репрезентируется различными средствами, при этом, согласно Т. ван Дейку, «интенциональная роль ментальных моделей для производства дискурса заключается в том, что пользователи языком способны соотнести дискурс и его значение с событиями реального мира, которые он репрезентирует» (цит. по реф. работе, с. 38).

Далее автор рассматривает англоязычную лексику, обозначающую новые направления искусства. Дискурс, имеющий в своей основе такую лексику, рассматривается как специфический вид презентации событий в современной англо-саксонской культуре¹. На материале статей из американских журналов «Time» и «American annual» автор выявляет присутствие в них разных элементов модели. Устанавливается также то, что дискурс может быть направлен как на аксиологизацию события (содержать его позитивную оценку), так и на деаксиологизацию (т.е. содержать негативную оценку или стремление пересмотреть те или иные установки направления). Например, в рассматриваемых текстах аксиологизация выражается через упоминание большого числа посетителей шоу или выставки, а деаксиологизация – через оценочное словосочетание *to avoid aggressive electronics* «избегать агрессивной электроники».

В работе М.Н. Конновой исследуется роль концепта 'прецедентное событие' в структуре категории 'праздник'. 'Праздник' рассматривается как темпоральная по своей сущности ментальная категория, при этом в ней могут сводиться воедино концептуальные признаки по меньшей мере двух взаимосвязанных событий:

¹ Автор выделяет следующие направления: концептуальное искусство (conceptual art, antiform art, impossible art); цифровое искусство (digital art); минимализм (minimalism, reductivism, ABC art); кинетическое искусство (kinetic art); люминистское искусство (luminist art) (с. 39). – *Прим. реф.*

прецедентного события, соотносящегося с темпоральным планом истории, и сложного концепта 'празднование', связанного с темпоральным планом настоящего. Исследование проводится на материале словосочетаний, описывающих и характеризующих праздники¹.

Субстантивные генитивные конструкции, называющие религиозные праздники, являются основным типом наименования праздников вплоть до начала XX в. Их структура и устойчивость характеризуют важность церковных праздников для русской картины мира. Указание на прецедентное событие может быть в этих конструкциях как эксплицитным (*праздник Рождества Христова; праздник Богоявления*), так и имплицитным (*праздник Иоанна Крестителя; праздник Петра и Павла*). Религиозные праздники ориентированы на прецедентные события из Священной Истории, которые осмысляются в картине мира православного русского человека как «вечно настоящее» (с. 280). Таким образом, прецедентное событие в концептуализации и в наименовании религиозного праздника соотносит темпоральные планы прошлого, настоящего и будущего с категорией вечности.

Постепенно изменения в социально-политической жизни и в мировоззрении трансформировали характер культуры праздника в России. В первой четверти XVIII в., в период правления Петра I, религиозная в своей основе культура страны была преобразована в культуру светскую, главной ценностью стало государство. Соответственно этому, в концепте 'праздник' прецедентным становится событие из истории государства (*«торжественный праздник рождения Ея Императорского Величества декабря 18 дня»*) – из сочиненного М.В. Ломоносовым проекта празднования дня рождения императрицы Елизаветы) (с. 288). На рубеже XIX–XX вв. происходит вытеснение религиозной веры из многих сфер жизни, мировоззрение многих индивидов и целых социальных групп складывается вне религии. Возникают гражданские праздники, посвященные знаменательным датам истории (дни основания городов, политических событий, юбилеи известных людей). После 1917 г. праздники в стране обретают выраженный идеологический

¹ Исследуются образцы текстов из Национального корпуса русского языка, охватывающие период с конца XVII в. – до настоящего времени (с. 282). – *Прим. реф.*

характер. Результатом такого сдвига стало вытеснение концепта 'прецедентное событие' из когнитивной структуры концепта 'праздник' и замена его хронологическим концептом 'день', соотносимым с ценностями нового политического строя. Так, в Корпусе регистрируются следующие конструкции с хрононимом *первое мая*, относящиеся к первой четверти XX в. (начиная с первой русской революции): *заграничное 1-е мая, праздник рабочих; Первое мая – праздник свободных людей; первомайский праздник, праздник первого мая; праздник Весны и Радости*¹.

В современных постиндустриальных обществах усилилась утилитарная, часто откровенно маркетинговая составляющая праздника, что проявляется и в русской лингвокультуре: *праздник мороженого; праздник пива; праздник хлеба* (с. 295). Таким образом, в русской языковой картине мира из концепта 'праздник' в течение трех в половине веков постепенно исчезало представление о духовно значимом прецедентном событии и вместе с этим стиралась связь праздника с категорией темпоральности.

В работе К.И. Белоусова, В.Н. Гатаулиной и Е.В. Ерофеевой на основе экспериментальных данных анализируется структура понятия «научное событие» в сознании самих представителей научного сообщества. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить стабильные и вариативные семантические признаки в структуре данного понятия и определить социально-демографические параметры, обуславливающие их стабильность или вариативность – такие как ученая степень, специальность и пол участников эксперимента.

«Признаки в структуре понятия являются его семантически составляющими и могут трактоваться как семантические поля (зоны), представленные в сознании респондентов в связи с осмыслением заданного понятия. Все семантические поля – это частота реакций, входящих в данное поле» (с. 133)². Каждый из респон-

¹ Написание строчных и прописных букв сохранено. – *Прим. реф.*

² Информантами в эксперименте стали 58 человек, из которых 33 – имеют степени кандидата наук, 25 – доктора наук; 33 участника имели гуманитарные специальности, 25 – естественнонаучные; 25 человек мужчины, 33 – женщины (с. 133–134). Как пишут авторы, исследование осуществлялось в ИС «Семограф» (<http://semograph.com>). Особые программные средства применялись также для построения графов и для статистической обработки данных (с. 134). – *Прим. реф.*

дентов должен был написать пять-десять слов или словосочетаний, которые первыми приходят на ум как ассоциаты выражения НАУЧНОЕ СОБЫТИЕ.

Реакции информантов позволили выделить в структуре понятия ядро, среднюю зону и периферию. В ядро вошли 11 полей, среди которых: КОНФЕРЕНЦИЯ, ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ, ОТКРЫТИЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НОВИЗНА, СУБЪЕКТЫ и ряд др. В средней зоне оказались поля: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ, МАСШТАБ, ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА, ДИСКУССИОННОСТЬ, Я-СФЕРА и ряд др. (всего десять полей). Периферию понятия составили 13 полей, в числе которых: НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА, ПОТЕНЦИАЛ, ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА, ЛОКУСЫ, ФОРМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, РЕСУРСЫ / ЖУРНАЛЫ, НАУКОМЕТРИЯ и ряд др.

Ответы информантов дифференцируются в зависимости от статуса: для докторов наук более важными оказались поля, квалифицирующие научное событие как значимое открытие, сделанное определенными субъектами в определенной области (ОТКРЫТИЕ, НОВИЗНА, НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ, ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА, ВРЕМЯ). Кандидаты наук в большей степени осмысливают научное событие как требующее интеллектуальных усилий, обсуждения, как нечто, способствующее продвижению (КОНФЕРЕНЦИИ, КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НАУЧНАЯ КАРЬЕРА, ПРИЗНАНИЕ). Факторы пола респондентов и их специальности также формируют вариативность представлений. Так, поля ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ и КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ оказались наиболее значимыми для филологов и наименее – для биологов. Для физиков значимее, чем для представителей других специальностей, оказались поля: ИНСТРУМЕНТЫ ПОЗНАНИЯ, ПОТЕНЦИАЛ, ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ, ПРОГНОЗ. Таким образом, изучение социально-демографической обусловленности структуры понятия НАУЧНОЕ СОБЫТИЕ выявило дихотомические основы признакового пространства, его зависимость от оппозиций: кандидаты / доктора наук, мужчины / женщины, естественнонаучные / гуманитарные специальности. Кроме того, таблица, построенная с помощью

инструментария ИС «Семограф», выявила оппозицию признаков, относящихся, с одной стороны, к научной деятельности и ее результатам (РЕЗУЛЬТАТ, ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ, ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ), с другой – к полю научной коммуникации (КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУССИОННОСТЬ, СУБЪЕКТЫ, Я-СФЕРА, ПРИЗНАНИЕ).

Г.Б. Шабат исследует тенденции, свидетельствующие о сближении двух явлений современного общества – естественных наук и гуманитарной / общечеловеческой культуры. Начиная со второй половины XX в. данному явлению, по мнению автора, способствует ряд обстоятельств. К таким факторам относится, например, освобождение от концепции единственного «реального» мира и признание возможных миров, отображаемых и воссоздаваемых средствами как искусства, так и математики, физики (с. 186). Этому явлению способствуют также социально-исторические условия: в цифровую эпоху резко повысились скорость и доступность разнообразных видов информации и возможность научных контактов, в том числе междисциплинарных и межнациональных. Особенности современного университетского образования также создают предпосылки для такого сближения: программы становятся более гибкими и индивидуализированными, возможно получение дипломов по двум и более специальностям, студенческая мобильность в целом повышается.

Включению естественнонаучных открытий в общекультурный контекст в значительной степени помогает сочетание в языке науки профессиональных и общедоступных языковых средств. Наличие в научном тексте общеупотребительных слов и выражений способствует расширению круга адресатов, настраивает на размышление и стремление понять, даже при невозможности глубокого понимания вопросов современной науки со стороны неспециалиста. Г.Б. Шабат иллюстрирует эту идею примером сделанного недавно (2016) открытия гравитационных волн, связанного с такими понятиями, как «пространство» и «время»: соответствующие лексемы имеют терминологические смыслы в физике и математике, но они также «сохранили общечеловеческую понятность» (с. 184) и имеют длительную историю в языке художественной литературы.

Представители точных наук и гуманитарной сферы «вторгаются» в области друг друга. С одной стороны, философы, как в направлении трансмодернизма, применяют сложные понятия современной математики, с другой – в последние годы появляются гуманитарные тексты представителей точных наук, принимаемые в гуманитарной сфере доброжелательно¹.

Г.Б. Шабат подчеркивает, что для развития междисциплинарных исследований и сближения двух культур большое значение имеет изучение языка науки – уточнение терминологии, установление границ формализации, возможность выражения научных понятий и положений «на естественно-подобных языках» (с. 188), структуризация понятийного аппарата.

Е.О. Опарина

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

2019.02.004. РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КОМИ, РУССКИХ, ТАТАР: Проблемы взаимовлияния: Кол. монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.; Ярославль: Канцлер, 2017. – 240 с.

Ключевые слова: национальная идентичность; языковое сознание; образы языкового сознания; картина мира; свободный ассоциативный эксперимент; ассоциативная вербальная сеть; ядро и периферия языкового сознания; слово-стимул; слово-реакция.

Цель коллективной монографии состоит в выявлении и описании общечеловеческих и культуроспецифических знаний, отражающихся в значениях единиц национальных языков, в результате чего формируется национальный образ мира, опирающийся на основные константы национальной культуры. Актуальность такого описания обусловлена влиянием глобализационных и интеграционных процессов на эти константы и усложнившимся взаимодействием различных форм национальной идентичности.

Для достижения заявленной цели были проведены психолингвистические эксперименты, в которых участвовали студенты

¹ Автор приводит пример литературоведческой работы специалиста по логике и информатике: Лахути Д.Г. Вдумываясь в текст. – М., 2015. – 165 с. – *Прим. реф.*

вузов Республик Коми и Татарстана, т.е. носители языков коми, татарского и русского.

Книга состоит из предисловия, двух частей и заключения.

В предисловии сформулированы следующие частные задачи проекта:

«– исследование региональной специфики языкового сознания носителей современного русского языка;

– исследование национальной специфики языкового сознания коми и татар, проживающих на территориях, соответственно, Республик Коми и Татарстана и взаимодействующих с русским населением данных регионов в основных сферах жизнедеятельности;

– выявление социально-культурных доминант регионального языкового сознания и тенденций их изменения в современных условиях;

– исследование влияния языкового фактора (по результатам опроса респондентов на русском и национальном языках) на структуру и содержание образов языкового сознания представителей данных этносов;

– установление степени влияния факторов “регион проживания” и “родной язык” (а также фактора билингвальности) на содержание и структуру образов языкового сознания указанных этносов» (с. 4–5).

В части первой «Региональное языковое сознание как объект этнопсихолингвистического исследования» авторы исходят из концепции Гумбольдта, согласно которой различие между языками есть различие самих картин мира. Картина мира трактуется как целостное образование. Подчеркивается, что в отечественной психолингвистике к настоящему времени созданы как теоретические, так и экспериментальные предпосылки для изучения картины мира именно как целостного образования. В качестве таких предпосылок называются: 1) представление о культуре как о системе сознания; 2) представление о языке как отображении социокультурной реальности, откуда следует, что именно система значений должна составлять предмет исследования; 3) «введение понятия ‘языковое сознание’, синонимичного психологическому понятию ‘образ мира’, определяемому как система предметных значений, которые могут овнешняться, в том числе и в вербальной форме» (с. 7);

4) использование свободного ассоциативного эксперимента как метода исследования языкового сознания – метода, предполагающего в качестве «невидимого контекста» весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка / культур; 5) «моделирование языкового сознания через построение по данным ассоциативного эксперимента ассоциативно-вербальной сети (т.е. неполно связанного, ориентированного графа со взвешенной частотой)» (с. 7); 6) использование понятия значимости / ценности (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра), организующего как языковое сознание в целом, так и отдельный его фрагмент; 7) представление о наличии в языковом сознании ядра и периферии.

В рамках выполненного исследования особое внимание уделяется понятию национальной идентичности, а именно следующим ее видам: этнической, региональной и языковой. Подчеркивается функция языка как особого средства связи между культурой и образом мира, причем указывается, что эта связь имеет двусторонний характер: «в процессе онтогенеза и социализации происходит формирование индивидуального образа мира на основе общекультурного через присвоение значений (в деятельности и общении) и их осмысление, а затем – постоянный обмен значениями между индивидуальным образом мира и общекультурным образом мира. Следовательно, значения принадлежат культуре, индивиду, который культурой овладевает, но не языку как внешней формальной структуре»¹. Сохранение языка предполагает, прежде всего, осознание и сохранение моделей национальной культуры.

Описывая ситуацию в Республике Коми, авторы ссылаются на, в целом, благоприятные показатели мониторинга социальных условий для межгруппового взаимодействия, объясняя это «достаточно устойчивым этническим идентитетом» (с. 32) коми-зырян. Однако отмечается, что это не исключает латентных этнических конфликтов, так как городская часть коми-этноса неспособна сдерживать нарастание процессов аккультурации и ассимиляции. «Данные разных социологических исследований показывают, что этнические предубеждения и интолерантные настроения, представляющие угрозу для позитивного межэтнического взаимодей-

¹ Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии. – Режим доступа: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/30_1.pdf

ствия, свойственны значительной доле респондентов»¹. Авторы коллективной монографии объясняют такое положение дел стремлением титульного населения республики к поддержанию своей этнической самобытности.

Хотя в Татарстане существуют в качестве государственных два языка – татарский и русский (это закреплено в Конституции Татарстана), – в реальности двуязычие до сих пор не стало нормой даже в практике работы Госсовета республики. В татарском парламенте не хватает квалифицированных переводчиков для подготовки законов на двух государственных языках. В работе органов государственной власти «доминирует русский язык, а татарский используется эпизодически»².

В части второй «Экспериментальное исследование регионального языкового сознания коми, русских и татар» показана организация свободного ассоциативного эксперимента. Список слов-стимулов был составлен с учетом следующих двух основных принципов: 1) включения лексических единиц, репрезентирующих наиболее значимые (применительно к задачам проводимого исследования) образы языкового сознания носителей коми, русского и татарского языков; 2) учета семантических и морфолого-синтаксических особенностей слов-стимулов, что позволяло бы не только описать значение отдельного стимульного слова, но и выявить компоненты его смысла, реализуемые в рамках типовой синтаксической модели, где соответствующая лексема (или ее синонимы) могла бы быть как стимулом, так и реакцией (словом-реакцией). «В результате предполагалось получить общий набор сходных семантических признаков для построения семантического гештальта – модели репрезентации ассоциативного значения» (с. 58).

В разделе «Заключение» констатируются некоторые особенности национальной специфики языкового сознания коми и татар, проживающих в постоянном контакте с русскими на территориях Республик Коми и Татарстана. В частности, отмечается, что для

¹ Рожкин Е.Н., Шабаев Ю.П. Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений в Республике Коми: Информационный бюллетень. Спецвыпуск. – Сыктывкар, 2014. – 44 с.

² Шафигулина И.Ф. Система образования в условиях развития двуязычия в Татарстане // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – Челябинск, 2011. – № 10. – С. 195–204.

татар характерно сильное ощущение разнообразных родственных и родовых связей, что выражается, например, в многообразных обозначениях субъекта, хотя ранг стимула «семья» в ядре их языкового сознания не так высок, как у русских. В этом проявляется региональная и языковая идентичность татар, заключают авторы исследования.

В противоположность этому последствия ассимиляции культуры коми с русским населением очевидны, что проявляется не только в факторе монолингвизма (и, следовательно, в ослаблении языковой идентичности), но и в содержательном сходстве языкового сознания коми с русским языковым сознанием.

Н.Н. Трошина

2019.02.005. ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА: Сб. науч трудов по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / РАН. ИНИОН; под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. – М., 2018. – Вып. 20: Материалы XV Березинских чтений. – 293 с. – Режим доступа: http://inion.ru/site/assets/files/1566/iazykovoe_bytie_cheloveka_i_etnosa_2018-20.pdf

Ключевые слова: понимание текста; интерпретация; язык; дискурс; перевод; художественное произведение; ассоциативный эксперимент; концепт; языковое сознание; речевая деятельность; смысл.

Сборник содержит статьи по материалам докладов, представленных на ежегодных международных Березинских чтениях. Освещаются различные направления современной лингвистики, отражающие реальную картину изучения языковедческой проблематики в разных регионах России. В сборнике представлены статьи по методологии лингвистических исследований, переводоведению, когнитивной лингвистике, проблемам социального существования языка и др. Издание предназначено для широкого круга специалистов, аспирантов и магистрантов гуманитарных областей знания.

Сборник включает пять разделов.

1. «Содержание языковых единиц и понимание текста»

В статье *Н.И. Бочкова «Влияние социально-идеологических факторов на бытие грамматических категорий (на материале нидерландского языка)»* автор затрагивает проблему стирания границ между мужским и женским родом в современном нидерландском языке. Он приходит к выводу, что на этот процесс в большей степени повлияли социальные изменения в обществе, наблюдаемые в Нидерландах во второй половине XX в., а именно наделение женщин такими же правами, какие были тогда у мужчин. Последнее произошло под влиянием феминистских движений, которые требовали равноправия полов. На подобные перемены в общественном строе отреагировал и нидерландский язык. Автором статьи были проанализированы работы ведущих нидерландских лингвистов, в которых выражается обеспокоенность нынешним состоянием языка. На основе изучения нидерландской периодики установлено, что в современном языке между мужским и женским родом нет никаких формальных различий. Определение рода слова носит, в основном, условный характер. Тем не менее еще в начале XX в. и даже несколько десятков лет назад по форме слова, по заменяющему его местоимению можно было четко определить, к какому роду оно принадлежит. По результатам проведенного исследования автором статьи выдвигается гипотеза о полной утрате категории рода в нидерландском языке в ближайшее время.

Е.В. Вдовина в статье *«Ритм и смысл как взаимообуславливающие явления текстообразования (на материале отрывка из романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”)*» рассматривает взаимовлияние и взаимообусловленность ритма и смысла художественного произведения на материале конца шестой главы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (признание Раскольникова). Анализируется лексико-семантический контекст, синтаксическое и синтагматическое устройство предложений и проявления ритма на разных уровнях текста. Делается вывод о текстообразующей функции ритма.

Работа *«Через оценочные значения к аксиологии биографического текста» А.А. Водяницкой* посвящена аксиологическому компоненту биографий ученых как участников академического дискурса. В качестве предмета исследования выступает аксиологический потенциал текстов биографий, в качестве объекта – оце-

ночные средства, участвующие в формировании ценностной составляющей образа ученого. Анализируются этические, интеллектуальные, телеологические оценки применительно к приложимым к ним объектам: творческой, созидающей, интеллектуальной, морально-этической сторонам научно-педагогической деятельности ученых. Составители биографических текстов стремятся отразить жизнь ученого во всей многогранности, что выражается в использовании целого спектра оценочных средств, участвующих в портретизации ученого.

С.Ю. Вязигина в работе *«Аватар как смысловой элемент самопрезентации в интернет-блогах»* полагает, что современная блогосфера представляет собой новый способ массового общения в Интернете, имеющий ряд особенностей, отличающих данный тип взаимодействия от акта реального общения коммуникантов. Одним из важных смыслообразующих элементов акта самопрезентации в интернет-блоге является аватар автора дневника. Изучение данного явления требует детального исследования, поскольку графическое представление пользователя создается автором лично и несет в себе дополнительную к сообщению смысловую и эмоциональную нагрузку.

Статья *«Национальная специфика вербализации концепта "Heim"»* *Е.А. Ефименко* посвящена описанию ключевого концепта австрийской лингвокультуры «Heim» («отчий дом») на материале австрийской малой прозы второй половины XX в. и его роли в представлении австрийских этнических ценностей. Особое внимание уделяется особенностям вербализации концепта «Heim» и средствам его репрезентации в австрийском художественном дискурсе.

Е.А. Корнеева в работе *«Особенности самопрезентации политиков различных темпераментов в ходе публичного выступления»* исследует психотипы политиков на примере выступлений Д. Трампа и Т. Мэй в ходе пресс-конференции. В статье ставится задача рассмотреть характерные черты, свойственные типам личности политиков. Показано, что психологические характеристики индивида проявляются в его социальной деятельности, которая обусловлена различными условиями, таким образом, поведение индивидов, а также их психотипы не являются схожими. Они

имеют ряд особенностей, которые могут быть выявлены в результате анализа определенной ситуации и поведения индивида в ней.

В статье *Е.Ф. Косиченко «Конструирование события в художественном тексте (на материале произведения Д. Барнса “Попугай Флобера”)*» проводится анализ повести Д. Барнса «Попугай Флобера» в рамках интерпретативного подхода к категории события. Проведенное исследование позволяет продемонстрировать, что даже самое незначительное происшествие способно приобрести статус центрального события и предопределить дальнейшее развитие сюжета благодаря введению в фокус внимания эпизода, предшествующего центральному событию и / или эпизода, следующего за ним.

Вопросы функционирования прилагательных пространственной семантики в плане их потенциала для развития вторичных переносных значений рассматриваются в статье *«Отражение свойств пространства и пространственных отношений средствами адъективной лексики (на материале английского языка)» Ю.С. Лобановой*. Автор анализирует особенности отражения свойств пространства посредством адъективной лексики современного английского языка и описывает различные виды метафорических переносов, основанных на пространственных значениях, а также определяет роль антропоцентрического фактора в процессе вторичной номинации пространственных признаков.

Е.М. Масленникова в работе *«Текст как концептуализация и категоризация мира (прикладные аспекты психолингвистики и когнитологии)»* утверждает, что концептуализация действительности обусловлена спецификой языковой картины мира. Художественный текст выступает как лингвокультурный маркер языковой личности его создателя и национальной ментальности в целом. Личностные особенности восприятия позволяют читателю строить собственную проекцию текста, выбирать вектор понимания и определять систему доминант текста относительно момента «я–здесь–и–для–меня». В статье обсуждаются особенности вторичной концептуализации Мира текста при переводе.

В статье *«Навык чтения и проблемы понимания текста» Е.Ю. Мяжковой* вопросы функциональной неграмотности рассматриваются в связи со спецификой формирования навыка чтения как основы понимания текста. Важность обучения чтению и письму

обсуждается в контексте современной системы образования, особенностей социализации в условиях превалирования аудиовизуальной информации, а также в связи с отсутствием у обучаемых необходимых предметных знаний.

В статье *Е.С. Панкратьевой* «*“Корабль дураков” С. Бранта как лингвовизуальный комплекс*» рассматривается специфика взаимодействия вербальных и иконических составляющих сатирического шедевра XV в. Особое внимание уделяется особенностям визуализации устойчивых словесных комплексов, являющихся неотъемлемой частью произведения С. Бранта. Произведение С. Бранта «Корабль дураков», впервые изданное на немецком языке в 1494 г., представляет собой острую сатиру, беспощадно обличающую и высмеивающую различные недостатки и пороки современников автора. Поэму дополняют яркие иллюстрации, большинство из которых были гравированы А. Дюрером.

В работе *Е.А. Поповой* «*Колоративы испанского языка как источник трудностей в межкультурной коммуникации*» рассматриваются особенности дополнительной семантики колоративов (лексики со значением цвета) в пиренейском и ряде латиноамериканских национальных вариантов испанского языка. Проводится сопоставительный анализ значений наиболее частотных прилагательных со значением цвета в Испании и разных странах Латинской Америки. Выделяются основные лексико-семантические группы, в рамках которых происходит функционирование испанской колоративной лексики. Особое внимание уделяется анализу цветового спектра, охватываемого многозначным прилагательным *tinto*, исследуется его этимология. В каждой лексико-семантической группе рассматриваются процессы, обуславливающие появление у цветковых прилагательных дополнительных значений. Приводятся примеры возможных трудностей и «ловушек» в межкультурной коммуникации, связанных с межвариантными отличиями в значениях колоративов. Делается вывод о необходимости дальнейшего, более детального изучения подобной лексики с целью предупреждения коммуникативных трудностей и неудач.

В статье «*Количественная оценка как параметр речи политика*» *О.В. Поповой* анализируется частотность и характер представления количественной оценки в предвыборных дебатах как показатель типа личности политика. Количественная оценка мо-

жет быть выражена различными языковыми средствами и использоваться с различными коммуникативными целями. Анализ количественных оценок и характер их использования участниками предвыборных дебатов показывает, что преобладание оценок с точным численным содержанием указывает на рациональность и стремление к объективности, а использование приблизительных и метафорических оценок свидетельствует о высоком уровне эмоциональности, что позволяет выделить два типа коммуникативного поведения: 1) «экстравертированный», с опорой на количественные оценки из разнообразных внешних источников (опросы общественного мнения, переписи населения, статистические данные; 2) «интровертированный» тип коммуникативного поведения, когда количественные оценки имеют источником не статистические данные, а единичные случаи, часто связанные с личным опытом коммуниканта.

Аналізу немецких газетно-публицистических текстов с позиций использования в них сравнений как средства реализации эмотивности посвящена статья *Т.А. Скотниковой «Сравнения как средство реализации эмотивности немецких газетно-публицистических текстов на правовую тематику»*. Сравнения, построенные на прямой аналогии между внутренним эмоциональным состоянием адресанта и объектом сравнения, рассматриваются как механизм лингвистического обеспечения эмоционального отношения автора к складывающимся правовым ситуациям и способствуют преодолению языкового барьера в общении между специалистом и неспециалистом.

Статья *О.Ю. Стародубовой «Метаморфозы авторской модальности и понимание текста»* посвящена исследованию текстовой художественной действительности как конструкта ценностной авторской системы. Проблема методов понимания, аутентичности авторской модальности и читательского восприятия в эпоху антропоцентризма является наиболее значимой, так как позволяет определить аксиологические константы. Методика аналитического чтения, включающая анализ затекстовых механизмов порождения субъектной организации в пространственно-временном континууме, позволяет привести автора и читателя к одному знаменателю – пониманию.

В статье *Н.Н. Трошиной «Понимание и трансформация текста: школа А.И. Новикова»* кратко излагается модель процесса понимания текста, разработанная А.И. Новиковым, в которой дифференцируются понятия «содержание текста» и «смысл текста». Показано значение этой модели для оценки сохранения информации в тексте при различных видах его структурной трансформации и получении вторичных текстов – аннотаций, рефератов, переводов и т.д.

Исследованию текстов социальной сети «Twitter» посвящена работа *М.В. Хитиной «Исследование возможности применения метода позитивного анализа текста (на материале твитов)»*. Результаты исследования показали, что метод позиционного анализа не очень подходит для анализа короткого текста, особенно если его разделять на предложения.

Цель статьи *С.Н. Шевченко «Метод прямого шкалирования в исследовании поэтической коннотации (на примере русской поэтической картины мира)»* – показать особенности формирования и функционирования поэтической коннотации в национальной языковой картине мира. Исследование выявляет некоторые факторы, влияющие на появление у слов поэтических коннотативных значений. Для решения поставленных задач используется психолингвистический метод непрямого шкалирования. В статье описываются отдельные этапы эксперимента и его результаты. Приводится методика определения степени выраженности поэтической коннотации у слов, выявления *поэтизмов, антипоэтизмов, нейтральной коннотации*.

2. Раздел **«Проблемы прикладной и экспериментальной лингвистики»** состоит из статьи *Н.И. Степыкина «Анализ и интерпретация ассоциативного поля “долг”: контекстный подход»*, в которой рассматривается проблема анализа и интерпретации ассоциативных данных. Автор демонстрирует преимущества контекстного подхода к данной проблеме на примере ассоциативного поля «долг».

3. Раздел **«Картина мира и ее компоненты»**

В статье *Ж.П. Залипаевой «Категория “темпоральности” и ее отражение в национальном языковом сознании (на примере французского языка)»* на примере проведенного ассоциативного эксперимента с респондентами – носителями французского языка

анализируются факторы, влияющие на индивидуальное восприятие темпорального значения в языковых единицах разного уровня: от слова и словосочетания до идиомы.

В работе *«Ощущения и чувства: к проблеме достоверности вербализации»* С.В. Ионовой рассматривается вопрос о достоверности вербальных обозначений эмоциональных явлений и сферы человеческих ощущений. Данные явления рассматриваются как предмет речи, имеющий специфические качества: динамичность, кластерность, вариативность способов выражения. Демонстрируется, что аппроксимация как неустраняемое качество языкового представления эмоций и ощущений в речи проявляется в разной степени: а) при выборе им речевых форм вербализации наблюдаемых ситуаций; б) при пересказе изображенных в тексте ситуаций; в) при подборе субъектом языкового знака непосредственно переживаемых ощущений.

О.И. Колесникова и А.С. Королькова в совместной работе *«Лингвокреативные способы убеждения в медиакартине одного дня (на материале СМИ о здоровом образе жизни)»* полагают, что прагматика массово-информационного дискурса о стиле и образе жизни современного человека предполагает реализацию воздействующей целеустановки не только в стереотипных, но и в лингвокреативных знаках. Исследование медиадискурса и персуазивности как его категории позволяет обнаружить этноспецифичные средства выражения авторской интенции нестандартными знаками языка. Здоровый образ жизни в медиакommunikации стал одним из ключевых трендов социокультурного развития. Репрезентация ментальных структур данного концепта в «медиакартине одного дня» разнообразна, но немногочисленна в ее лингвокреативной составляющей.

Целью исследования *«Когнитивный образ предконфликтной ситуации в организационных условиях»* Л.Р. Комаловой является формирование модели коммуникативного взаимодействия в конфликтной ситуации, которая разворачивается в организационной среде. В ходе лингвистического анализа речи коммуникантов определяются содержательные и интенциональные составляющие конфликта.

В коллективном труде М.А. Костенко, О.А. Староселец, М.Л. Шалабод *«Духовно-нравственное воспитание в региональной*

системе образования как фактор формирования гуманитарной картины мира обучающегося» характеризуются основные направления региональной системы духовно-нравственного воспитания школьников, выделены основные факторы формирования гуманитарной картины мира обучающегося, предложена модель гуманитарной картины мира.

Статья *«Динамика понятия “терроризм” в политическом дискурсе»* М.С. Котенкова посвящена исследованию динамики концепта 'терроризм' в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры в синхроническом и диахроническом аспектах. Методом ассоциативного эксперимента, проведенного в группе студентов МГЛУ в возрасте 18–22 лет, были получены и проанализированы вербальные реакции на слово «терроризм» и предпринята попытка выстроить предварительную схему ассоциативного поля лексического значения данного понятия. Полученные данные позволяют выдвинуть предположение о возможном сдвиге в ядре лексического значения исследуемого слова, произошедшем в течение последних десяти лет под воздействием информационной среды и снижением интеллектуального уровня представителей русской лингвокультуры.

В исследовательской работе Н.И. Кургановой *«К исследованию национально-культурной специфики картины мира через призму газетного дискурса: сопоставительный подход»* обсуждается проблема исследования национально-культурной специфики картины мира в современной этнопсихолингвистике. С этой целью автором уточняются понятия картины мира и национальной картины мира. Картина мира как определенная система знаний, представлений, ценностных суждений представляет собой результаты когнитивно-дискурсивной деятельности нации или народа, зафиксированные в слове (речи). Национальная картина мира как одна из моделей коллективного знания репрезентирует результаты познания и общения социума и может быть описана в виде совокупности концептов, образующих концептосферу нации или народа. Концепт в этом случае выступает как структурная единица картины мира. Национальная концептосфера отражает результаты когнитивно-дискурсивных практик и ценностных ориентаций социума, что проявляется в ее содержании и структуре. В статье предлагается набор процедур и приемов сопоставительного изучения на-

циональных концептосфер через призму газетного дискурса, который был разработан в рамках проекта «Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона». Применение подобной методики с целью сравнительного изучения национальных картин мира жителей четырех северных регионов, включая Россию (Мурманская область), Норвегию (губерния Финнмарк), США (Аляска) и Канаду (Квебек) позволило выявить существенные различия как в структуре национальных концептосфер, так и отдельных ее фрагментах.

М.В. Попова в статье «*Роль иноязычного акцента в вопросах культурно-социальной интеграции мигрантов*» ставит задачу определить роль иноязычного акцента в вопросах социальной идентичности при приеме на работу мигрантов. В статье приводятся результаты исследований, подтверждающие сформулированную автором гипотезу, согласно которой произносительный акцент оказывает влияние на формирование социального портрета, что в значительной мере определяет его соответствие требованиям в отношении должностей разного статуса. Делается вывод о необходимости учета научных исследований в данной области в вопросах оптимизации программ интеграции.

С.И. Пучков в статье «*Специфика вербальной репрезентации политического события в разноязычных СМИ*» исследует специфику вербальной репрезентации политического события в лингвокультурах Испании, Франции и США. В основе исследования – сравнительный анализ представления вербального образа М. Каддафи на материале периодических изданий «El País», «Le Figaro», «Le Monde», «The Washington Post» и «USA Today». В основе компаративного анализа – теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла.

В статье «*Эмотивность нуля*» *А.А. Штебы* рассматривается проблема контекстуальной актуализации в семантике эмоционально-оценочно нейтральных лексических единиц эмотивных сем. Данный процесс обуславливает переход эмотивного статуса из потенциатива в ситуативный коннотатив, когда эмотивная сема становится не факультативной, а облигаторной в рамках определенной коммуникативной ситуации. Активизация потенциальных эмотивных сем анализируется с позиции ризоморфной организации семантики.

4. Раздел «Проблемы сопоставительной лингвистики и переводоведения»

В одноименной работе М.Б. Раренко перевод рассматривается как один из способов понимания текста. Представляя собой вторичный текст, переводное произведение представляет собой обработку первичного текста, в результате которой сохраняется смысл оригинала, являющийся, по А.И. Новикову, определяющим фактором текста.

В статье «Перевод с точки зрения теории речевой деятельности» В.И. Фроловой теория речевой деятельности А.А. Леонтьева представлена как теоретико-методологическая база для разработки независимой теории перевода. С точки зрения автора, актуальный вопрос о междисциплинарности переводоведения может быть решен лишь с привлечением теорий, изначально ориентированных на моделирование междисциплинарного объекта исследования. Так, при изучении перевода необходимой понятийной базой может стать теория речевой деятельности – особый психолингвистический подход, разработанный А.А. Леонтьевым и развитый И.А. Зимней и другими учеными.

5. Раздел «Теоретические проблемы лингвистики»

По мнению О.В. Голубевой, автора статьи «Когнитивные основы феномена символизации», когнитивный подход к исследованию феномена символизации позволяет установить глубинную основу данного процесса – формирование функциональных когнитивных инвариантов с оценочной доминантой как на уровне речемыслительной деятельности индивида, так и в масштабе подобной активности социума. Когнитивный механизм символизации обеспечивает экономию когнитивных усилий и становится определяющим в процессе создания и идентификации культурных (прецедентных) смыслов.

Как известно, интернет-коммуникация представляет собой особый формат коммуникативного взаимодействия в силу того, что общение может иметь отсроченный характер, развиваться нелинейно, а также обрываться и возобновляться в любой момент времени. Описание такого типа коммуникации вряд ли возможно с опорой на традиционные модели коммуникативного взаимодействия. В статье К.С. Кардановой-Бирюковой «Рекурсивность как образующая коммуникативного взаимодействия в интернет-

пространстве» утверждается, что описание интернет-коммуникации требует иной методологической платформы, позволяющей конструировать динамические модели. Новые исследовательские перспективы открывает аутопоэтическая теория. Одним из центральных понятий этой теории является рекурсивность – реализация коммуникантом серии однотипных / однопорядковых действий, приводящих к его адаптации к среде и последующей эволюции. Анализ языкового материала показал, что рекурсивный принцип является образующей коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве. Некоторые наблюдения и сделанные на их основе выводы представлены в статье.

В статье *«Р.А. Будагов: “Что значит заниматься теорией языка?”»* В.А. Пищальникова рассматривает некоторые методологические проблемы лингвистики, исследованные в трудах Р.А. Будагова: специфика предметной области лингвистики, разграничение формы и содержания, связь языка и мышления, пределы формализации описания языковой системы, понятие изменения и совершенствования языка.

Н.А. Фененко в работе *«О сходстве и различии понятий “термин” и “реалия”»* анализирует означенную в заголовке проблему. Рассматривая существующие критерии разграничения данных категорий слов, автор делает вывод о том, что они не позволяют дифференцировать многочисленный класс лексических единиц, которые традиционно называют реалиями-терминами. Для их обозначения предлагается термин профессиональные реалии, который позволяет объединить все лексические единицы, характеризующиеся принадлежностью к национально-специфическим видам профессиональной деятельности, в том числе традиционным народным ремеслам. Данный термин логически встраивается в классификационную парадигму реалий и содержит потенциал для дальнейшей типологизации данного класса слов.

Языковые и речевые изменения, связанные с глобальным ускорением всех видов коммуникаций подвергаются анализу в статье В.И. Шаховского *«Ускоренная коммуникация как потребность современного социума»*. Вскрываются конкретные процессы текстовых сжиманий, склеивание мыслей и понятий, а также экономия физических усилий человека говорящего в его письменном и устном общении. Иллюстрируются все изменения в ускоренной

коммуникации современным материалом из медиа, актуального, акционального и художественного дискурсов. Используются классические и современные теоретические труды для усиления аргументации выдвинутых положений и сделанных выводов. Постулируется негативный эффект ускоренной коммуникации на экологию языка и коммуникативную практику.

С.С. Сергеев

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

2019.02.006. КОНКУРЕНЦИЯ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВЫХ СТРАТЕГИЙ // КОНКУРЕНЦИЯ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ / РГГУ; отв. ред. Федорова Л.Л. – М., 2017. – С. 15–102.

Ключевые слова: конкуренция языков как конфликтогенный фактор; естественные языки vs языки науки; заимствования и синонимия в японском языке; «слова года» в японском языке; русские обращения в диахронии: конкурирующие формы и тенденции; конкурирующие формы в грамматике.

В реферируемой части коллективной монографии исследуется социально-исторический аспект конкуренции языков, которая проявляется в их соперничестве в условиях двуязычия или многоязычия. Как отмечает во введении к монографии Л.Л. Федорова, языковые контакты и конфликты, взаимодействие соперничающих языковых стилей и подсистем имеют место в разные эпохи и проявляются в различных формах.

В разделе «Психологические и социолингвистические характеристики языковых контактов: Что усиливает конфликтный потенциал двуязычия?» (Н.Б. Мечковская) анализируются культурно-религиозная и национальная (этническая) формы двуязычия. Выявляются факторы, способствующие усилению или, наоборот, сглаживанию межъязыкового конфликта.

Автор отмечает, что явление «лингвистической идеологии» (с. 16), т.е. оценочного и эмоционального отношения к своему языку, уверенность в его превосходстве и стремление к его экспансии, берет начало в Средние века. Это явление характерно для культур, сформированных религиями Писания. Иудаизм, христианство и ислам объявляли достойным языком культа и религиоз-

ной культуры какой-либо один «священный язык» – *Lingua sacra* (с. 17). Таким языком становился, как правило, надэтнический язык, который к моменту его канонизации уже не был родным ни для одного народа. Это греческий язык «Септуагинты», латынь, старославянский, арабский язык VII в. Такой язык выступал конкурентом для живых, народных «простых» языков – *linguae vernaculae*. По этой причине церковь в течение длительного времени запрещала переводы с культового языка – они мыслились как источник заблуждений. Переводчики и люди, исправлявшие церковные книги, в разных странах, нередко обвинялись в ереси и подвергались серьезным репрессиям¹. Лингвистическая идеология в условиях конкуренции культового и народного языков отличалась консервативно-реставрационной направленностью.

Национально-языковая идеология, связанная с этническим двуязычием, более динамична и проявляется в многообразных формах. Конфликтность такого двуязычия определяется, в частности, тем, что языки не распределены априори по разным функциональным сферам, но борются за одни и те же коммуникативные функции. При этом ситуация оказаться «без языка» лишает индивида способности осуществлять жизненно важную деятельность (находить работу и жилье, объясняться с врачом или полицией) и потому актуализирует «в сознании человека психологические состояния архетипической глубины и мощи» (с. 21).

Анализ конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве и в Европе после распада социалистического лагеря показал, что вероятность и остроту конфликтов повышают следующие условия: степень пассионарности народа и его интеллектуальной элиты; равновесие демографической мощности языков-конкурентов; компактное проживание национального меньшинства; диспропорция между коммуникативной значимостью языка и его демографической мощностью. Отдельно рассматривается вопрос языковой конфликтности в условиях близкородственных языков, таких как русский и украинский. В подобных ситуациях двуязычие

¹ Н.Б. Мечковская, вслед за Б.А. Успенским, называет такое отношение к знаку «неконвенциональным», так как оно основано на отказе видеть в языковом знаке условную, конвенциональную связь с обозначаемым, и вместо этого приписывает ему сакральные свойства самой вещи. – *Прим. реф.*

не является проблемой практической, но его идеологический и политический «накал» может быть даже выше.

Н.Б. Мечковская также анализирует дивергентные и конвергентные процессы в истории развития языков. Длительное время индоевропейские языки развивались дивергентно, и в XIX в., начиная с эпохи романтизма в европейской общественной мысли, национальный язык стал символом особого «духа» народа, знаком права его носителей на государственную независимость. Однако в XX в. стали активнее проявляться конвергентные процессы, особенно заметные на примере близкородственных языков. Например, в результате «постепенной “капиллярной” инфильтрации русского языка» (с. 30) в украинский и белорусский в этих языках сложились такие формы, как суржик и трасянка. В настоящее время в Украине и Белоруссии, как и в странах бывшей Югославии, наблюдается очередной этап дивергенции – взаимное отчуждение близкородственных языков и их версий.

В заключение перечисляются типы ситуаций и событий, которые могут вызвать реализацию конфликтного потенциала двуязычия или, наоборот, смягчить его: национально-освободительные и антитоталитарные революции; попытки законодательного расширения использования мажоритарного языка и запреты использовать миноритарный язык в тех или иных функциях; идеи и политические программы в области национально-языковых отношений; публичный протест против ущемлений прав языка; международное давление.

Раздел «Естественный язык и языки науки: Конкуренция или взаимодействие?» (Г.Е. Крейдлин, Г.Б. Шабат) посвящен изучению особенностей и роли разных знаковых кодов в естественнонаучных текстах. Анализ проводится на примере пяти языков, применяемых в геометрии: естественно-подобного языка; языка геометрических чертежей; языка координат; языка геометрических преобразований; формального (логического) языка, предназначенного для автоматической обработки информации.

Авторы устанавливают, что каждый из этих языков необходим для определенных операций. Установление адекватных соответствий между фрагментами, написанными на разных языках и овладение навыками перевода с одного языка на другие – необходимые условия для возможно более полного понимания содержа-

ния геометрических текстов. В сфере геометрии концепт 'взаимодействие языков' и концепт 'понимание' взаимообусловлены, несмотря на наличие некоторых «точек», в которых данные языки являются конкурирующими.

В разделе «Зачем японцам американские синонимы?» (В.М. Алпатов) отмечается, что синонимия представляет собой один из основных видов конкуренции в языке.

Японский язык обладает развитой синонимией, что объясняется наличием трех лексических подсистем: исконной лексики (ваго), китаизмов (канго) и слов, заимствованных из западных языков (гайрайго, или катаканаго, т.е. «слова, пишущиеся азбукой *катакана*») (с. 57). Среди китаизмов преобладают книжные слова и термины, поэтому обычно близкие по значению исконные слова и канго распределяются по разным функциональным сферам. Так, слово ваго *kokoro* обозначает «сердце» и соответствует переносным значениям русского слова (может переводиться также как «дух», «душа»), но сердце как анатомический орган обозначается словом канго *shinzoo*.

Среди гайрайго преобладают англицизмы-американизмы. Они стали появляться в японском языке с середины XIX в., после «открытия» Японии, и в последующие десятилетия их число только нарастало. Они также имеют свою денотативную и стилистическую область – сферу массовой культуры, наименование предметов материальной культуры. Однако американизмы все же вступили в конкуренцию со словами другого происхождения, имеющими близкие значения, и «конкуренция синонимов почти всегда заканчивалась их победой» (с. 59). Например, еще до Второй мировой войны канго *hooka-shutaku* было заменено на *apaato* (из англ. *apartment*) для обозначения многоквартирного дома европейского типа.

Среди основных причин успеха гайрайго В.М. Алпатов выделяет две. Во-первых, на их выбор влияет большая понятность на слух, особенно по сравнению с канго. Во-вторых, их распространению способствуют американская массовая культура и глобализация: гайрайго воспринимаются как знаки современности и престижности. Они выбираются для наименования нового, интернационального. Так, современные модели фотоаппарата называются только словом *kamera*. Даже в тех случаях, когда полного вытеснения

слов канго или ваго не происходит, семантика американизма связывается с современными западными ценностями, поэтому он предпочитается в соответствующих ситуациях. Например, в японском языке существует множество слов для обозначения понятия «жена». Однако если речь идет о поведении, не сочетающемся с традиционными правилами (такими, как путешествие женщины без мужа), используется заимствование *waifu* (из *wife*).

Сегодня практически каждое английское слово может быть заимствовано в японский язык в составе словосочетания; многие словосочетания и сложные слова, отсутствующие в английском языке, конструируются из его компонентов в японском. Например: *noo-iron* (из *no+iron*) для обозначения изделия, которое нельзя гладить; *rangeeji-rabo* (из *language+laboratory*) для обозначения лингвистической лаборатории, притом что лексема *language* не употребляется как отдельное слово¹. В целом функционально-стилистическая дифференциация слов разного происхождения способствует устойчивости синонимии и квазисинонимии в японском языке. «Эти “ниши” образовались более тысячелетия назад, когда японцы подверглись значительному влиянию Китая, в том числе в языковой области. Заимствования из английского языка хорошо вписались в эту систему» (с. 64).

В разделе «Языковая конкуренция при выборе слов года в Японии» (А.В. Дегтярева) анализируются характеристики слов и выражений, в том числе неологизмов, попадавших в список «Топ 10» и выбранных в качестве слов-победителей в Японии (с 2007 по 2013 г.).

Основанием для попадания в список обычно служат такие условия, как отнесенность наименования к новому предмету или явлению социальной жизни и активное освещение в СМИ. При этом слова могут быть распространены по всему миру или же, наоборот, быть понятными только в Японии. Так, в 2011 г., после сильнейшего землетрясения в стране 11 марта, в группу «Топ 10» попало выражение *kitaku nanmin*, обозначающее эвакуированных людей, у которых возникли трудности с возвращением домой из-за

¹ В.М. Алпатов приводит мнение одного из исследователей, который утверждает, что имеет место не процесс заимствования, но, скорее, абсорбция японским языком английского словаря, подобно тому, как когда-то он вобрал в себя весь запас китайского языка (с. 63). – *Прим. реф.*

отмены общественного транспорта. Среди слов «Топ 10» много единиц, созданных из элементов английского языка, таких как *kuurubizu* (из *cool+business*), обозначающее отмену для офисных служащих дресс-кода на жаркий летний период.

Слова-победители также имеют четко выраженные особенности. Прежде всего, они «приходят» с экранов телевизоров – из новостных или спортивных программ, популярных шоу, сериалов, рекламы и т.п. Эти слова и выражения обычно ориентированы на образ: словом года становится не само слово, а образ и картинка, которые за ним стоят – именно они запоминаются носителям языка (с. 74). Чаще всего победителями становятся слова и выражения, которые отражают вкусы японцев и касаются позитивных событий, значимых для страны. Такие слова могут нести в себе определенную иронию, однако они не связаны с негативными событиями и настроениями. Так, в том же 2011 г. словом-победителем стало название женской сборной Японии по футболу *Nadeshiko Japan*, так как японская сборная первой из команд Азии, выиграла чемпионат мира среди женщин. Слово *nadeshiko* переводится как «гвоздика» и, кроме того, участвует в идиоме, обозначающей идеальную японскую женщину. Однако автор отмечает, что слова-победители почти никогда не закрепляются в языке – они являются словами-однодневками.

В разделе «Система русских обращений в историческом аспекте: Конкурирующие тенденции» (В.В. Высоцкая) исследуются структурно-семантические и лингвокультурологические характеристики системы русских обращений. Анализ проводится на материале художественной прозы и драматических текстов от XVIII в. до настоящего времени, а также с учетом речевой практики. Автор подчеркивает, что в художественных текстах обращения имеют два вектора: «от адресанта к адресату» и «от автора к читателю / зрителю», отображая при этом систему обращений, принятую в действительности: «Для каждого периода существует типичный набор обращений, который меняется со временем как в качественном, так и в количественном отношении» (с. 78–79).

Значительное расширение диапазона обращений наблюдалось в русской литературе с XIX в., когда отпала необходимость однозначной характеристики персонажа, что часто производилось через «говорящую» фамилию в классицизме (как *Правдин* и

Вральман в «Недоросле» Д. Фонвизина). В неформальный обиход вошли номинации с определениями и характеризующие субстантивы: *мой ангел; душа моя; любезный друг; голубчик*. Существовал также широкий набор прилагательных и субстантивированных форм, которые применялись в формальных стандартных обращениях: *уважаемый; почтенный; сиятельный; любезнейший; милостивый государь*. В литературе XX в. спектр характеризующих определений в составе обращений заметно сузился.

В XIX в. в дворянской среде даже близкие люди могли обращаться друг к другу по фамилии («*Милый Вяземский*» в письме А.С. Пушкина к другу). Вместе с тем обращение по имени во многих случаях является знаком позитивного эмоционального настроения, а переход к имени-отчеству или фамилии – знаком негативного отношения или отдаления от адресата. Так, обращение Елены в «Белой гвардии» к мужу «*Владимир Робертович*» демонстрирует возмущение его поведением.

В русской культуре давно существует система обращений по родственным наименованиям. На их основе развилась группа псевдородственных обращений, которые широко использовались и частично применяются до настоящего времени. Так, слова и словосочетания *батюшка, матушка, мать моя, отец мой* в XIX в. могли использоваться даже при обращении к незнакомым людям, в том числе и младшим по возрасту. Сейчас в разговорной речи сохранились элементы этой системы: лексемы *папаша, отец, мамаша, мать, дед, бабушка, дядя, тетя* практикуются при обращении к старшим по возрасту, а *сын, дочка* – к младшим. Обращение *брат* и его многочисленные дериваты сохранились в разных сословиях и используются в зависимости от ситуации и среды: «*Откуда, братцы? Из Саратова есть?*» (Е. Гришковец). В 60-е годы XX в. вошло в обиход обращение *старик*, принятое между молодыми людьми – оно зафиксировано, например, в прозе В. Аксенова и в драматургии А. Вампилова.

После революционных событий 1917 г. сословные и статусные обращения стали выходить из обихода, однако разные формы все же сохранялись, пока существовали их носители. В советской литературе старые обращения часто применялись в ситуациях насмешки, издевки над адресатом: «*Вставайте, граф!*» (И. Ильф, Е. Петров). Смещение обращений используется как юмористиче-

ский прием в рассказах М. Зощенко: «*Батюшка, уважаемый товарищ!*; *Граждане, помираю*».

В дореволюционные годы распространенной формой обращения было сочетание названия профессии со словом *господин*: *господин офицер*, *господин учитель*, *господин адвокат*. В советское время эта модель была преобразована в сочетания со словами *товарищ* и *гражданин*: *товарищ доктор*, *гражданин судья*.

В 90-е годы была сделана попытка реставрировать такие формы обращения, как *господин / госпожа*, *сударь / сударыня*, однако они имеют довольно узкий диапазон применения. Эти обращения конкурируют с советизмом *товарищ*, и выбор той или иной формы зависит от статуса лица, сферы и ситуации общения, от идеологических и моральных позиций коммуникантов. Кроме того, в повседневном общении стали чаще использоваться обращения, определяемые функцией адресата, которая в течение дня множество раз меняется: *пассажир*, *продавец*, *зритель*, *читатель* и т.д.

В заключение работы В.В. Высоцкая отмечает, что в системе русских обращений по-прежнему недостает нейтрального, универсального и учитывающего гендерные различия обращения к незнакомому человеку.

В разделе «Конкуренция в речепорождении: Что определяет выбор граммем и лексем в “трудных случаях”?» (Е.Г. Борисова) анализируются критерии выбора говорящим определенной языковой формы из набора возможных в данной ситуации общений, т.е. из конкурирующих форм. Автор полагает, что выбор обусловлен прогнозом говорящего относительно реакции адресата: выбирается тот вариант, который, с точки зрения адресанта сообщения, поможет адресату понять сообщение точнее и ближе к замыслу. Исследование проводится на материале синонимичных глагольных лексем и видовых форм русских глаголов.

Е.Г. Борисова называет модель речевой деятельности, учитывающую взаимосвязь речепорождения и речевосприятия, интерактивной¹. Данная модель действует в тех ситуациях, когда говорящий, сравнивая значения нескольких единиц с тем смыслом,

¹ Борисова Е.Г. Интерактивный подход в лингвистике: Границы применимости // Труды Международной конференции «Диалог – 2006». – М., 2009. – С. 84–88.

который он собирается выразить, обнаруживает, что есть два или более возможных варианта для выражения данного смысла. В таком случае говорящий прогнозирует понимание сообщения с учетом контекста и общих знаний участников коммуникации. Предпочтительность одного из вариантов может быть и ярко выраженной, и менее заметной. Например, семантическое различие между лексемами *ступить* и *шагнуть* в некоторых ситуациях может быть незаметным, а в некоторых – делать употребление одного из глаголов неприемлемым. Так, в высказывании «... но многие, не признаваясь вслух, лелеяли мечту ступить на легендарную землю» (с. 95) употребление глагола *шагнуть* вряд ли было бы уместным: семантика слова *ступить* содержит сему 'поставить ступню на поверхность', а семантика *шагнуть* этого не предполагает (*шагнуть в пропасть*).

Во многих случаях речевого общения видовое противопоставление глаголов нейтрализуется и значимым является только сообщение о факте действия: «Я тут читал Пелевина» или «Я тут прочитал Пелевина» (с. 97). Однако есть немало ситуаций, когда для выражения определенного смысла необходима какая-либо одна форма. Так, предложение с глаголом несовершенного вида «Эту дверь нельзя открывать» (с. 98) означает запрет, а совершенный вид указывает на невозможность достижения результата: «Эту дверь нельзя открыть» (там же). Глаголы, оказавшись в отношениях конкуренции, приобретают дополнительные смыслы: «Я брал зонтик» означает, что он возвращен, а «Я взял зонтик» – что его не вернули (с. 100).

Автор приходит к выводу о применимости идеи конкуренции для описания языковых фактов в следующих случаях: 1) при анализе такой степени приемлемости той или иной языковой единицы, которую можно описать как «не очень хорошо»; 2) при анализе условий приемлемости в зависимости от изменений контекста; 3) при изучении условий и степени узуализации форм. Так, выражение смысла 'наличие результата действия' стало частновидовым для совершенного вида русских глаголов в прошедшем времени, поэтому можно говорить о его узуализованности и важности для собеседника.

Е.О. Опарина

2019.02.007. АММОН У. ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ

AMMON U. Politik der Förderung der deutschen Sprache in der Welt // Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – В. etc.: de Gruyter, 2015. – К. L. – S. 1069–1154.

Ключевые слова: национальный официальный язык; внешняя / внутренняя языковая политика; политика поддержки немецкого языка; укрепление позиций немецкого языка.

Ульрих Аммон – д-р филол. наук, проф. ин-та германистики объединенного Ун-та Дуйсбурга-Эссена, спец. в обл. германистики и социолингвистики¹.

В главе (последней в данной монографии У. Аммона) речь идет о том аспекте государственной внешней политики, который направлен на укрепление позиций немецкого языка в современном глобализированном мире, прежде всего в странах, где немецкий не является официальным государственным языком.

Специальный раздел посвящен истории политики, обеспечивавшей расширение сферы влияния немецкого языка в странах и регионах, находившихся под непосредственным культурным и языковым влиянием Германии (Австро-Венгрии, Эльзаса и Лотарингии, Люксембурга, Нидерландов, Чехии, Прибалтики). У. Аммон определяет такую политику как политику «внутреннего расширения немецкого языка» (*interne Verbreitung von Deutsch*) (с. 1079), направленную на упрочение статуса немецкого языка как единственного национального официального языка (*nationale Amtssprache*) (с. 1078) и на ассимиляцию других народов. Так, например, в Эльзасе и Лотарингии накануне Первой мировой войны французский язык целенаправленно вытеснялся из всех сфер ком-

¹ Автор работ: *Dialekt, soziale Ungleichheit und Schule*. – Weinheim; Basel, 1972. – 193 S.; *Die internationale Stellung der deutschen Sprache*. – В.; N.Y., 1991. – 633 S.; *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: Das Problem der nationalen Varietäten*. – В.; N.Y., 1995. – 575 S.; *Ist Deutsch noch eine internationale Wissenschaftssprache? Englisch auch für die Lehre an den deutschen Hochschulen*. – В.; N.Y., 1998. – 339 S.; рефераты на главы А, В и С см. в: РЖ «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание»: 2016.02, 2016.03, 2016.04, 2017.01, 2017.02, 2017.03, 2017.04, 2018.01, 2018.02, 2018.03, 2018.04.

муникации и заменялся немецким языком; в Люксембурге летцебургский язык официально квалифицировался как диалект немецкого языка, а не как самостоятельный язык. То же самое происходило и с нидерландским языком в Нидерландах и в Восточной Бельгии. Эта политика преследовала цель разрушить языковую лояльность населения своему родному языку, дисквалифицировать его как национальный символ и, следовательно, подорвать национальную идентичность носителей этих языков.

Кратко характеризуется внешняя языковая политика Веймарской республики, направленная на культурно-языковое сплочение всех немцев, включая население тех земель, которые Германия потеряла в результате поражения в Первой мировой войне.

Внешняя языковая политика нацистской Германии строилась на двух основных понятиях: «навязывании немецкого языка» (*Aufnötigung von Deutsch*) (с. 1089) тем народам, которые признавались подходящими в расовом отношении (например, эстонцам, латышам, литовцам) и «запрета на использование немецкого языка» (*Vorenthaltung von Deutsch*) (с. 1089) для тех народов, которые признавались расово неполноценными (например, для русских и украинцев).

Анализируется внешняя языковая политика двух германских государств, образовавшихся после Второй мировой войны, – ФРГ и ГДР, как важная составная часть внешней политики этих государств. Основным вектором внешней языковой политики является упрочение позиций немецкого языка (*Sprachförderung*), но не расширение сферы его влияния (*Sprachverbreitung*).

Называются следующие институты ФРГ, занимающиеся проблемами востребованности немецкого языка: Институт Гёте (*Goethe-Institut*), Немецкая служба академических обменов (*Deutscher akademischer Austauschdienst*), Центральное управление по делам школьного образования за рубежом (*Zentralstelle für Auslandsschulwesen*), радиостанция «Немецкая волна» (*Deutsche Welle*), Немецкая комиссия ЮНЕСКО (*Deutsche UNESCO-Kommission*), Дом мировых культур (*Haus der Kulturen der Welt*), Немецкое общество международного сотрудничества (*Deutsche Gesellschaft für internationale Zusammenarbeit*). Интенсивность внешней языковой политики ФРГ объясняется не только необходимостью противостоять усилению роли английского языка в ми-

ре, но и явным несоответствием между высоким экономическим потенциалом ФРГ и ее скромным политическим весом на мировой арене.

Внешняя языковая политика ГДР была ориентирована, прежде всего, на социалистические страны, но также и на Скандинавию и те страны, в которых были сильны позиции коммунистических партий.

У. Аммон признает значительные достижения ГДР в области преподавания немецкого языка как иностранного; подчеркиваются заслуги в этой сфере института им. Гердера (Herder-Institut), являющегося структурной единицей Лейпцигского университета.

Приводится перечень государственных и частных организаций-посредников, участвующих в реализации немецкой внешней языковой политики, а также списки преподавателей немецкого языка и германистов.

Указывается, что помимо Германии, Австрия прилагает немалые усилия для укрепления позиций немецкого языка в мире. Особенно отмечается в этом плане вклад Австрийского института (Österreich Institut) и существование в этой стране давней традиции преподавания немецкого языка как иностранного – начиная с эпохи правления императрицы Марии Терезии (1740–1780). Вклад других стран немецкого языка в упрочение позиций немецкого языка значительно скромнее. В Швейцарии это связано с функционированием в стране сразу четырех национальных языков (немецкого, французского, итальянского и ретороманского) в качестве государственных, что не позволяет сделать акцент на немецком языке во внешней политике. Отмечается поддержка, которую Лихтенштейн как страна немецкого языка высказал в вопросе о придании немецкому языку статуса рабочего языка в Совете Европы.

Завершается эта глава (и монография в целом) кратким анализом внешней языковой политики не-немецкоязычных стран: Франции, Великобритании, США, Италии, Испании, Португалии, России, Японии и Китая. Отмечается существование определенной конкуренции между странами, в которых используются национальные варианты одного и того же языка, например, Великобритании и США как стран английского языка, Португалии и Бразилии – как стран португальского языка.

Н.Н. Трошина

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019.02.008. В.В. ПОТАПОВ. ПРОСОДИЯ КАК ОСНОВА МНОГОЦЕЛЕВЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. (Обзор).

Ключевые слова: фонемы; спунеризмы; просодия; планирование речевой моторики; акустическая обратная связь; кохлеарный имплант; речь при эффекте Ломбарда; разборчивость; двухфокусность; фразовая сегментация; интонация.

В работе Д.П. Келти-Стифен и коллег (1) просодия рассматривается как модель (образец) связующих элементов, частоты основного тона (мелодии) и интенсивности, которая содержит информацию об общем эмоциональном значении высказывания и индивидуальных частных значениях лексических единиц, а также о жестах, сопровождающих устную речь. В исследованиях просодия имеет часто расширительное значение и охватывает специфику индивидуальных интенций и отдельных индивидуумов. В данном случае предпринимается попытка определения с помощью просодических средств смысла двухсловных фраз даже там, где фонемная структура слов искажена.

Испытуемым ($n = 38$) было предложено прослушать двухсловные фразы и соотнести их с тремя категориями: 1) исключаящие восприятие фразы (не ассоциируемые с восприятием), 2) воспринимаемые фразы и 3) спунеризмы¹. Математическая обработка полученных данных с помощью распределения Пуассона показала сигнификативное позитивное распределение значений просодии по трем типам групп испытуемых. Наибольшую статистическую значимость имела группа испытуемых, сориентированная на стимулы-спунеризмы (8,27%). Таким образом, просодия повышает помехоустойчивость восприятия по сравнению с фонемным рядом – фонемной последовательностью.

Авторы, анализируя соответствующие источники, приходят к выводу, что просодия – это определенная совокупность фонетических признаков, которые охватывают пространство реализации

¹ Спунеризм (англ. *spoonerism*) – нечаянная оговорка или сознательная игра слов, при которой два близких слова в предложении меняются начальными частями, слогами или отдельными буквами / звуками. – *Прим. реф.*

и восприятия неизмеримо большее, чем отдельно реализованные сегменты. Авторы рассматривают просодию в качестве базового ключа при идентификации признаков «осмысленность / отсутствие осмысленности».

При подборе экспериментального материала авторы использовали «гипотезу “языковой игры”» («*language – game – hypothesis*») (Wallot, 2016)¹, согласно которой язык не является структурой, образованной набором фиксированных единиц с фиксированными семантическими «ценностями» и фиксированной синтаксической поддержкой (там же).

Полученные результаты подтверждают сформулированную гипотезу: эффект просодии способствует расширению общего понимания высказывания даже в случаях различного рода естественных и искусственных (как в данном эксперименте) помех. Изменения акустических характеристик речи при обратной связи присущ, как правило, специфике фонетических признаков. Это свойственно, например, значениям частоты основного тона (F_0) или значениям двух первых формант (F_1 / F_2), в равной степени также всем характеристикам речи, что наблюдается, например, в условиях добавления к полезному сигналу фонового шума.

Статья авторского коллектива во главе с Е.Д. Кассерли (2) содержит описание исследования, посвященного результатам эксперимента по влиянию вживленного в слуховую систему импланта (CI), имитирующего акустическую речевую обратную связь. В частности, исследовалось потенциальное сходство между реакцией испытуемого (говорящего) на предъявляемый шум и характеристиками речи при эффекте Ломбарда.

Акустический анализ супraseгментных характеристик по темпу речепроизводства, частоты основного тона (F_0) и амплитуде мощности голосового сигнала позволил обнаружить модификации, реализующиеся параллельно с эффектом Ломбарда применительно к этим же характеристикам. Два дополнительных эксперимента в области разборчивости речи с учетом изменения акустических характеристик порождения речи позволили установить, что степень

¹ Wallot S. Understanding reading as a form of language use: The language game hypothesis // *New ideas in psychology*. – 2016. – N 42. – P. 21–28.

разборчивости значительно уменьшалась, что являлось следствием влияния кохлеарной симуляции шума на речепроизводство.

Основная цель исследования заключалась в том, чтобы оценить степень сходства речи при эффекте Ломбарда и при эффекте кохлеарной симуляции в реальном времени в терминах общего некомпенсаторного воздействия на речепроизводство. Было обнаружено, что разборчивость речи не претерпевает значительных изменений при обратной связи применительно к кохлеарной симуляции, что было подтверждено методом математической статистики. Также было выявлено, что речевые реакции по каналу обратной связи комплексны по своей природе.

Эта комплексность является скорее правилом, чем исключением, если учитывать поведенческую природу человека в целом. В то же самое время известно, что эффект Ломбарда – это тоже некий комплекс. Он напрямую ведет к стремлению средуцировать число ошибок в процессе речепорождения, что отражается, как правило, в значениях амплитуды частоты основного тона. Но, как показали проведенные исследования, имеются и другие способы, которые напрямую не компенсируют ошибку, возникшую в процессе обратной связи. Так, эффект Ломбарда зависит также от коммуникативной интенции говорящего и других факторов.

С точки зрения исследователей, обратная связь при кохлеарном эффекте близка по своей природе к эффекту Ломбарда, чему есть многочисленные подтверждения, согласно которым говорящие генерируют систематически некомпенсаторные изменения при артикуляции гласных, что неразрывно связано с супрасегментными изменениями, которые прежде всего связаны со стратегией повышения разборчивости речи, но что не всегда связано с данным конечным эффектом.

Статья Б. Ванг и К. Фери (3) содержит результаты исследования просодической реализации феномена «двухфокусность» применительно к немецкому языку. Рассматривается локализация взаимодействия двух фокусов в предложении с учетом их просодической выделенности. За основу сегментации предложения взяты законы генеративной грамматики. Выделяются такие понятия как фокус и фразовая сегментация (фрейзинг) в рамках предложения и сегментация на клаузулы внутри фразы. При исследовании фокуса различают два вида информации: 1) информацию, вклады-

ваемую в сообщении говорящим, с одной стороны, и 2) информацию, находящуюся в центре внимания и интереса коммуникативного сообщества (в частности, коммуникантов), – с другой¹.

В генеративной грамматике термин «фрейзинг» (группы слов) соотносятся с грамматическим анализом предложения и обозначает элемент (часть) структуры предложения, содержащий более одного слова. Соответственно под клаузулой понимается единица грамматической организации, меньшей чем предложение, но большей, чем фраза, слово или морфема².

В данном эксперименте информационная двухфокусность в предложении (в отечественной традиционной терминологии «данное» и «новое») сопоставлялась с позицией инициали, финали и других фрагментов предложения применительно к именным (NPs) и глагольным (VPs) фрейзингам (группам слов) с опорой на различие в речевой актуализации этих фрагментов значений длительности.

Результаты экспериментального исследования позволили разработать три различающиеся модели двухфокусности.

1. Наибольшая частотность (57,8%) характерна для реализации падения частоты основного тона на обоих словах, находящихся на участках фокуса, с одной стороны, и наличие компрессии в значениях частоты основного тона, а также наличие более низкого значения частоты основного тона, на участке стыка, т.е. между этими двумя «сфокусированными» словами.

2. На втором месте по частотности (встречаемости) находится двухфразовая реализация (23,5%), где оба фокуса характеризовались падением частоты основного тона. Однако в данном случае фиксировался значительный подъем значений частоты основного тона на участке стыка после именной группы NPs.

3. Наименее частотным являлось конусообразное (термин наш. – *В. П.*) сочетание двух фокусов по выделенности значений частоты основного тона (18,7%), включающее ее подъем на первом фокусе и падение на участке второго, в то время как значение частоты основного тона на участке между двумя фокусами сохраняет функцию «плато».

¹ В отечественных классических исследованиях наиболее близкими по смыслу являются термины «данное» и «новое». – *Прим. реф.*

² Различные конечные и неконечные клаузулы находятся в прямой зависимости от формы глагола. – *Прим. реф.*

Данное распределение значений частоты основного тона фиксировалось в большинстве высказываний, содержащих усеченную форму подлежащего NP. Авторы объясняют полученные результаты в терминах необязательной факультативной формы NP.

Предложение, содержащее два фокуса, может быть реализовано в устной речи в виде одной или двух фраз. Однако в обоих случаях фокус реализуется в пространстве средств просодии, «управляемой» законами синтаксиса.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что кульминативность, обусловленная метрической грид-теорией расположения слогов (комментарии наши. – *В.Л.*) для немецкого языка и речи необязательна, т.е. факультативна, чем по сравнению с реализацией для просодической выделенности синтактико-семантических «пиков», соотносящихся с распределением смыслового фокуса. В одной и той же интонационной фразовой единице могут сосуществовать два равновыделенных типа значений частоты основного тона, что свидетельствует о функционировании в просодии немецкой речи рекурсивных структур применительно к двум видам фокуса: грамматическому и просодическому.

Список литературы

1. Келти-Стифен Д.Г., Раймейкерс Э.П., Мэтьюз-Саугстад К.М. Просодия как средство повышения степени обнаружения спунеризмов как для осмысленных, так и для бессмысленных фраз.
Kelty-Stephen D.G., Raymakers E.P., Matthews-Saugstad K.M. Prosody improves detection of spoonerisms versus both sensible and nonsense phrases // *Language a. speech.* – 2018. – Vol. 61 (1). – P. 71–83.
2. Супraseгментные изменения в речеобразовании как результат ослабления спектральной обратной связи: Сопоставление с речью при наличии эффекта Ломбарда / Кассерли Е.Д., Ванг Й., Селестин Н., Талесник Л., Пизони Д.Б.
Supra-segmental changes in speech production as a result of spectral feedback degradation: Comparison with Lombard speech / Casserly E.D., Wang Y., Celestin N., Talesnick L., Pisoni D.B. // *Language a. speech.* – 2018. – Vol. 61 (2). – P. 227–245.
3. Ванг Б., Фери К. Просодия двухфокусности в немецком языке: Взаимодействие между феноменами «фокус» и «фраза».
Wang B., Féry C. Prosody of dual-focus in German: Interaction between focus and phrasing // *Language a. speech.* – 2018. – Vol. 61(2). – P. 303–333.

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

2019.02.009. ИЛЬЯСОВА С.В., АМИРИ Л.П. ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ: Игра как норма и как аномалия. – М.: Флинта: Наука, 2018. – 328 с.

Ключевые слова: языковая игра; рекламный текст; этическая норма; литературная языковая норма; графическая норма; орфоэпическая норма; фонетическая норма; грамматическая норма; лексическая норма; коммуникативная неудача.

В монографии анализируются проявления языковой игры в рекламных текстах; показывается, как в приемах языковой игры используется семантический и стилистический потенциал единиц языковой системы.

Книга состоит из семи глав.

В главе первой «СМИ, реклама и языковая игра» используется понятие «массмедийная норма» (с. 12). Авторы разделяют концепцию Г.П. Нешименко, согласно которой: 1) язык СМИ стал «эталонным, нормотворческим фактором, влияющим на формирование нормы современного литературного языка, а также на уровень этической языковой культуры в целом»¹; авторы считают отступление от этической нормы более неприемлемым, чем отступление от языковой нормы; 2) отступление от литературной нормы в СМИ есть «отражение, может быть, и гипертрофированное, процессов, реально развертывающихся в вербальной коммуникации»².

Различаются следующие виды отступления от нормы в рекламных текстах: 1) отступления от графической нормы (и, как следствие этого, от орфоэпической и фонетической нормы) (*P-p-ре-комендую!* – в рекламе окон); 2) отступления от грамматической нормы, при котором нарушаются правила сочетаемости и согласования слов (*Продаются окна, двери* – в рекламе строительной фирмы; *Präsident – такой сырный сыр!* 3) отступления от лексической нормы (*Трахнем страх* – реклама страховой компании).

¹ Нешименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы, тенденции развития // Вопр. языкознания. – М., 2001. – № 1. – С. 98–132.

² Там же. – С. 108.

Если отклонение от нормы является результатом языковой игры, оно вызывает у реципиента дополнительные трактовки рекламного текста, в чем и проявляется творческая задача языковой игры. Выделяются четыре основные функции приемов языковой игры: 1) привлечение внимания к товару / услуге; 2) создание рекламного текста как источника удовольствия для реципиента; 3) компрессия смысла; 4) обход цензуры.

Рассматривая феномен коммуникативной неудачи в рекламной сфере, авторы называют причины этого:

1) составитель текста не учел возможные варианты интерпретации языковой единицы, что может быть обусловлено многозначностью языковой единицы: *Откинсья без забот! В новых окнах новый поворот!* (реклама евроокон): *откинсья без забот* означает «умри без забот», т.е. реклама призывает потенциального потребителя новых окон к добровольному уходу из жизни;

2) составитель текста не учел возможной двусмысленности рекламного текста: *Продаются молодые телки. Обращаться в монастырь* (рекламное объявление на монастырском заборе);

3) автор рекламного текста переоценил языковую компетенцию массового потребителя: *ХОТ или неХОТ ВХОТ СО ТВОРА ХОТЕЛЬНАЯ* (реклама мобильного тарифа «Хот» сотовой связи «Джине»). В этом случае языковая игра основана на обыгрывании известной фразы из монолога Гамлета «Быть или не быть? Вот в чем вопрос». Кроме того, звуковая форма слова *хот* соответствует английскому слову *hot* «горячий, жаркий», а также «модный, пользующийся успехом». Для носителей русского языка, не владеющих английским языком, данное слово будет обозначать только название товара; только люди, знающие английский язык, смогут понять и скрытую информацию в данном тексте.

В последующих главах приводятся и анализируются примеры фонетической, орфографической, морфологической и словообразовательной языковой игры в рекламных текстах, а также игры с прецедентными феноменами (*МАВРоди сделал свое дело; С чего начинается РРодина?*) и примеры обыгрывания неоднозначности рекламных текстов (*Надоели овощи? Голосуй за ЯБЛОКО Григория Явлинского*).

Н.Н. Трошина

2019.02.010. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК: Кол. монография / Науч. ред. Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю. – Волгоград: ВолГУ, 2017. – 228 с.

Ключевые слова: историческая дискурсология; лингвистический корпус; текстовая культура; дискурсивные практики; дискурсивная стратегия; дискурсивная тактика; тезаурус дискурса.

Задачу исторической дискурсологии авторы видят в анализе дискурса как исторически сложившейся формы социальной практики, опосредованной языком. Базой для исследований в области исторической дискурсологии являются лингвистические корпуса, позволяющие выявить инвариантные и исторически вариативные средства репрезентации текстовых категорий.

В коллективной монографии предлагается программа выявления тенденций развития дискурсивно-текстовой культуры и уточнения векторов эволюции дискурсивных практик, составляющих сущность их исторической динамики в различных сферах и формах коммуникации.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении подчеркивается, что корпусная методология позволяет исследовать большие текстовые массивы, структурированные в соответствии с определенными периодами в истории языка и текстовой культуры в целом, создает условия для извлечения как собственно языковых фактов, так и данных о когнитивных, социальных, культурных, прагматических аспектах дискурса, характерных для отдельных исторических периодов. «Параметрическое сравнение синхронных срезов позволяет выявить процессы трансформаций и замен не только языковых, но и дискурсивно-жанровых форм, тем самым раскрывая диахронические векторы развития текстовой культуры» (с. 7).

Глава первая «Историческая дискурсология как вектор развития теории дискурса» носит общеметодологический характер. Рассматриваются следующие основные этапы и источники формирования исторической дискурсологии: историческая прагматика, историческая лингвистика текста и исторический анализ дискурса.

Авторы (Л.А. Кочетова, Е.А. Елтанская) разделяют точку зрения Е.С. Кубряковой¹ и Ю.С. Степанова², согласно которой дискурс есть всегда детище своего времени и языковые особенности дискурса зависят от состояния общества и социальных ролей человека в этом обществе. Подчеркивается связь когнитивных исследований, анализа дискурса и корпусной лингвистики: «...корпусные исследования ключевых репрезентантов ценностей позволяют выявить доминантные ценностные смыслы в различных типах дискурса и определить их социокультурную специфику» (с. 37).

Диахронические исследования в корпусной лингвистике могут опираться на использование: 1) одного корпуса, включающего тексты, созданные в различные периоды истории языка; 2) двух или нескольких подкорпусов, содержащих тексты одного или различных жанров, но относящихся к разным периодам функционирования языка; 3) различных корпусов, содержащих тексты сопоставимых жанров. Авторы этой главы полагают, что корпусно-ориентированные исследования позволяют изучить грамматическую, семантическую, стилистическую, социолингвистическую и другие виды языковой вариативности, а также выявлять тенденции развития языка на основе анализа дискурсивных практик в синхронии и диахронии.

Называются несколько репрезентативных и сбалансированных диахронных корпусов, например: 1) *Corpus of Historical American (COHA)*, который включает более 100 тыс. текстов американского варианта английского языка, относящихся к периоду с 1810 по 2000-е годы, и содержит 400 млн слов; этот корпус представлен в каждом десятилетии текстами жанров художественной и нехудожественной прозы; 2) *the Diachronic Corpus of Present-day Spoken English (DCPSE)* (1950-е и 1990-е годы), включающий около 1 млн слов.

Точность и достоверность данных определяется методами математической статистики, заложенными при создании автомати-

¹ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.

² Степанов Ю.С. Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука XX века. – М., 1995. – С. 10–35.

зированных систем обработки корпусов текстов. Перечисляются количественные методы исследования, применяемые в исторической дискурсологии, например: использование числовых данных (матриц значений, математических формул, лежащих в основе статистических процедур); оперирование усредненными показателями для обозначения переменных, практическое игнорирование индивидуальных показателей с крайним значением и т.д.

Приводится алгоритм проведения диахронического корпусного исследования.

Глава вторая «Динамика практик информирования в новостном дискурсе» (авторы – Е.Ю. Ильинова, О.С. Волкова, Н.Ю. Сороколетова, Т.Н. Цинкерман) написана на материале текстов британского новостного дискурса о спортивных событиях, относящихся к Олимпиадам в Лондоне 1908 и 1948 гг. Был проведен диахронический когнитивно-дискурсивный анализ новостных заметок с целью лингвистической реконструкции тезауруса дискурса спортивного события и его подачи в британской региональной прессе названных периодов.

Выявлены приемы номинаций спортивных событий; установлены следующие дискурсивные стратегии и тактики, применяемые в массмедиа при освещении событий на Олимпиадах: 1) стратегия достоверной репрезентации спортсменов и других участников Олимпиады (тактика указания его социально-статусных характеристик, этапа спортивного соревнования и т.д.); 2) стратегия героизации спортсмена (тактика репрезентации имеющих титулов, черт идеального олимпийца и т.д.); 3) стратегия глорификации (тактика описания церемоний вручения наград и восторженной встречи публикой и т.д.).

В заключение авторы приходят к следующему выводу: «Развитие прототипических характеристик любого типа дискурса происходит не хаотично, а носит системный характер, проявляясь в его коммуникативно-прагматической, жанрово-стилистической и аксиологической динамике в виде тенденций, отражающих способы адаптаций социальных субъектов к исторически-вариативным условиям функционирования языка» (с. 194).

Н.Н. Трошина

2019.02.011. КОРПОРАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РОССИИ: Дискурсивный анализ: Кол. монография / Отв. ред. Милехина Т.А., Ратмайр Р. – М.: Издат. Дом ЯСК, 2017. – 632 с. – (Studia philological).

Ключевые слова: корпоративная коммуникация; корпоративная культура; корпоративный язык; коммуникативные стратегии; коммуникативный жанр; лингвокультурные типы; речевое поведение; дискурс; картина мира; языковой барьер; лингва франка.

Исследование выполнено международным коллективом авторов – российскими и австрийскими лингвистами, сотрудниками Института славянских языков Венского экономического университета и посвящено малодоступной области делового дискурса – корпоративной коммуникации.

Материалом для анализа послужили видео- и аудиозаписи (общим объемом более 40 часов звучания) текстов различных жанров корпоративной коммуникации, сценариев корпоративных мероприятий, интервью топ-менеджеров (более 75 часов записи), материалов корпоративных киножурналов, газет и интернет-сайтов, корпоративной электронной почты, корпоративных этических кодексов, рекламы и других документов. Эти материалы свидетельствуют о том, что корпоративной коммуникации в компаниях разной отраслевой принадлежности (нефтегазового и перерабатывающего комплекса, банковского дела, электронной торговли, маркетинговой коммуникации, издательского бизнеса, производства товаров народного потребления и пр.) свойственно жанровое разнообразие и языковое своеобразие, выражающееся в стилистической и семантической специфике используемых языковых средств. Эта жанровая специфика проявляется как во внутрикорпоративной коммуникации (в стратегической сессии – strategic session, модерации, презентации, team building, в жанре «тайный покупатель» – mystery shopper), так и во внешней корпоративной коммуникации (в промо-мероприятиях, перформансах, благотворительных акциях).

Авторы констатируют, что корпоративная коммуникация не только поощряет личностное, индивидуальное начало в речевом общении, но и «превращает способность к речевому ‘креативу’ в

одно из важнейших условий успешности карьеры человека» (с. 9). Отмечается, что «несмотря на устойчивые традиции советской деловой культуры коллективизма, современная российская корпоративная коммуникация в значительной мере ориентирована на западно-европейский и американский образец» (с. 10), на основании чего она характеризуется в книге как аналоговая.

Отмечается, что в современном массовом сознании сформировались корпоративные лингвкультурные типажи¹, различающиеся по своему речевому поведению: «российский топ-менеджер» и «офисный планктон» (менеджеры среднего звена).

Книга состоит из введения и трех частей.

Во введении выделяются два подхода к трактовке дискурса.

В западной традиции доминирует трактовка дискурса в русле научного наследия М. Фуко: под дискурсом понимается надиндивидуальная практика производства или воспроизводства знания, результатом которой является «стабильный (для определенного времени), когерентный корпус высказываний» (с. 16)². Авторы данной коллективной монографии предпринимают попытку проанализировать корпоративную культуру и жанры ее коммуникации как особую систему знания.

В России доминирует традиция изучения дискурса с акцентом «на его когнитивных аспектах, т.е. на взаимодействии языка как системы с мышлением, с формацией, модификацией, с преобладанием и вытеснением концептов, формирующих целые 'концептосферы' разных социальных групп, таких, как, например, 'предприниматели', и, соответственно, с возникновением в лексиконе языка новых единиц» (там же).

Для характеристики речи социально-профессиональной группы «предприниматели» в настоящей коллективной монографии используются: 1) метод социально-речевого портретирования, т.е. выясняется, в каких условиях формировалась языковая личность предпринимателя, как она изменялась в 90-х годах прошлого века и в первом десятилетии XXI в.; 2) теория двух аспектов кар-

¹ Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс: Сб. науч. трудов. – М., 2003. – С. 24–46.

² Diaz-Bone R. Entwicklungen im Feld der foucaultschen Diskursanalyse // Historical social research. – Chicago, 2003. – N 28 (4). – P. 60–102.

тины мира – концептуального (модели действительности, отраженной человеческим сознанием) и языкового (совокупности знаний, зафиксированных в языковых единицах и правилах их комбинации).

На основании вышесказанного в книге делается вывод, что «на дискурс можно смотреть как на социальную практику, результатом которой являются тексты (включая устные, т.е. речь), или как на систему санкционированных определенным сообществом в определенное время знаний» (с. 18). В соответствии с концепцией М. Фуко и его последователя Н. Фэрклоу коммуникативные жанры «можно определить как предоставленное дискурсом знание о принятых в определенных социокультурных условиях языковых практиках» (с. 18)¹.

В части первой анализируются социокультурные особенности российского общества, его социальная структура, характеризуется период перехода от плановой экономики к рыночной и этап становления российского бизнеса; описывается восприятие последнего российским населением. Особое внимание уделяется культурным особенностям российского общества, в том числе и дуализму русской культуры. Отмечается гетерогенный характер современной российской корпоративной культуры, обладающей характеристиками, которые частично восходят к дореволюционному периоду и даже времени правления Петра I, частично – основаны на советских образцах, а с начала 90-х годов XX в. подвержены сильному влиянию западной культуры.

Характеризуя языковые проявления социокультурной специфики современного российского общества, авторы особое внимание уделяют речевому этикету и вежливости в деловой сфере, преодолению языковых барьеров и языковому менеджменту в российских компаниях, «буму» англицизмов в современном деловом дискурсе. Поскольку использование общего языка является важной предпосылкой (но не гарантией) успешного сотрудничества российских и зарубежных компаний, знанию иностранных языков и качеству перевода придается в корпорациях большое значение.

¹ The critical study of language, language in social life series. – L.; N.Y., 1995. – 279 p.

Сегодня можно говорить о переосмыслении важности перевода в организационных исследованиях, подчеркивается в книге.

В данной коллективной монографии используется модель языковых барьеров в мультилингвальных компаниях, разработанная лингвистами А. Фили и А.-В. Харцинг¹. В этой модели определяются три измерения языковых барьеров: 1) разнообразие (diversity) – сколько языков используется в компании; 2) проникновение (penetration) – на каких уровнях общения возникают языковые барьеры; 3) совершенствование (sophistication) – какие сложные навыки общения на иностранном языке требуются в различных ситуациях корпоративной коммуникации. Для этого рассматриваются следующие вопросы: 1) какие языки и сколько языков используются в бизнес-подразделениях российских и зарубежных компаний?; 2) какие языки используются в качестве лингва франка?; 3) каким образом регулируется использование языков в компаниях (например, путем введения официального корпоративного языка в устной и письменной коммуникации)?; 4) как отличается выбор языков по коммуникативным ситуациям в повседневной бизнес-практике?; 5) какие меры принимаются для удовлетворения потребностей в иностранных языках?; 6) осуществляется ли языковой менеджмент?; 7) что думают представители бизнес-сообщества об исследованиях по этим проблемам?

Знание английского языка называлось большинством респондентов в качестве обязательного условия для приема на работу. Он же чаще всего используется как лингва франка. В большинстве подразделений корпораций используются два или три языка: русский, английский и язык страны штаб-квартиры. Однако, как отмечают и российские, и австрийские респонденты, в коммуникации с партнерами из постсоветских стран (Прибалтики, Центральной Азии), особенно с людьми старшего поколения, часто используется именно русский язык.

Констатируется отсутствие единой тенденции в стратегиях выбора единого корпоративного языка: компании выбирают разные стратегии и комбинируют их. Только в половине опрошенных компаний есть официально установленный язык, и только в поло-

¹ Feely A.J., Harzing A.-W. Language management in multinational companies // Cross cultural management: An intern. j. – L., 2003. – N 10 (2). – P. 37–52.

вине этих компаний придерживаются данного регламента. «Единый корпоративный язык не всегда является оптимальным способом преодоления языковых барьеров, и в бизнес-подразделениях компаний больше практикуется многоязычный диалог» (с. 172).

В части второй анализируются жанры корпоративной коммуникации, реализуемые в различных устных и письменных типах текста: в протоколах совещаний, стратегической сессии, собеседовании при приеме на работу, обслуживании клиентов, в неформальной коммуникации, в деловой переписке, корпоративных киножурналах, корпоративных этических кодексах и рекламе.

Часть третья посвящена проблеме корпоративной идентичности. Корпоративный дискурс анализируется как инструмент формирования корпоративной культуры, т.е. как процесс, направляемый не только руководством корпорации «сверху», но и создаваемый сотрудниками «снизу», а именно «тем, что они строят *свои* (выделено авторами. – *Н. Т.*) стратегии, никогда полностью не идентифицируя себя с компанией» (с. 13).

Изучаются также коммуникативные стратегии, активно используемые топ-менеджерами и их профессиональными консультантами для построения дискурсивного имиджа компании на корпоративных сайтах и в социальных медиа, для чего используется понятие имиджевой корпоративной коммуникации – *mission statement* «общая концепция деятельности компании», или «корпоративное кредо». Такое исследование проведено с использованием модели Ашриджа¹, которая фиксирует следующие четыре основных компонента этого кредо: 1) предназначение (*purpose*); 2) корпоративные ценности (*company values*); 3) стандарты поведения (*behaviour standards*); 4) стратегия (*strategy*). Анализируется корпоративная коммуникация в нескольких крупных российских компаниях (Газпроме, Лукойле, Роснефти и ТНК-ВР), причем основное внимание уделяется так называемым «стейкхолдерам» (*stakeholders*), т.е. заинтересованным сторонам. Все компании подчеркивают социальную направленность своей деятельности (например, Лукойл создан *на благо человека*, Газпром объявляет своим приоритетом *обеспечение надежности поставок*, Роснефть видит в социальной ответственности *ключевое условие коммерческого ус-*

¹ Campbell A., Devine M., Young D. *Vision, mission, strategie.* – Frankfurt a.M.; N.Y., 1992. – 256 S.

неха). Постоянное стремление соединить экономические и социальные аспекты в дискурсивном имидже отражается в идентификации основных стейкхолдеров компаний: в качестве главных бенефициаров называются, с одной стороны, человек / общество, сотрудники и потребители, а с другой – акционеры и инвесторы.

По языковым маркерам разграничения «эксплицитной и имплицитной обязанности в корпоративных кодексах» (с. 468) выявляется определенная иерархия важности основных понятий для компаний. «Как объекты безусловного корпоративного долга Роснефть и Лукойл эксплицитно отмечают только *прибыльность* и *эффективность* и выделяют акционеров как основных бенефициаров этого долга. Такие сферы деятельности, как *обращение с конфиденциальной информацией* или *конфликт интересов*, которые могут повлиять на коммерческий успех, отрегулированы всеми компаниями намного строже и, таким образом, представлены как наиболее важные. И наоборот – почти полное отсутствие эксплицитных языковых операторов долженствования в разделах, относящихся к ‘социальным’ областям деятельности (*отношения с работниками, охрана природы* и т.д.), свидетельствуют о меньшей важности этих явлений для выбранных корпораций» (там же)¹.

В завершение этой части и коллективной монографии в целом характеризуется образ российского бизнеса за рубежом, что делается на материале печатных СМИ в немецкоязычных странах. Отмечается, что в этих странах до сих пор превалирует образ России, созданный австрийским дипломатом Сигизмундом фон Герберштайном в первой половине XVI в. Поэтому образ российского бизнеса формируется не только на основе реальных политических и экономических событий и процессах, но и с использованием механизмов генерализации и типизации стереотипных представлений. «Основной семантической сетью образа российского бизнеса является (необоснованный) страх перед русскими. Вокруг крылатого выражения ‘русские идут’ строятся самые разные метафоры и метонимии, которые а) маскируют энергетическую зависимость Европы от России и б) отчасти отождествляют российский бизнес с российским государством» (с. 517).

Н.Н. Трошина

¹ Везде выделено авторами. – Н. Т.

2019.02.012. Н.Н. ТРОШИНА. ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ. (Обзор).

Ключевые слова: концепт «текст культуры»; «массовый» человек; клиповое мышление; рекламный дискурс; интенциональная стратегия; «встречный текст».

Концептом, позволяющим наиболее полно описать культуру в ее историческом развитии и актуальном состоянии, Н.А. Симбирцева (3) считает концепт, репрезентирующий понятие «текст культуры». Под последним автор имеет в виду «нелинейную последовательность символов, образующих целостное высказывание субъекта о культуре; текст культуры обладает содержанием, имеет смысловую завершенность и является отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в других» (3, с. 13). Текст культуры включает «весь корпус текстов, бытующих в культуре, – визуальных, вербальных, аудиальных, аудиовизуальных, мультимедийных, образывая единство множественности» (3, с. 12).

На основе системно-деятельностного подхода автор предлагает структурно-функциональную модель прочтения текстов культуры. Основу этой модели составляют универсальные ценности и смыслы культуры, которые актуализируются в зависимости от историко-культурного и социального контекста и репрезентируются как визуальные образы. Текст культуры является саморазвивающейся системой, ценностно-смысловой потенциал которой дополняется смыслами или редуцирует последние.

Структурообразующим компонентом модели и интерпретатором текста культуры является человек. На характер связи между компонентами модели влияют: способ коммуникации, свойственный культуре; интерпретируемый текст; технологические возможности культуры, например аудиовизуальные технологии.

Выделяются три основных типа трансляции информации, заложенной в содержании текста культуры: традиционный, индустриальный, постиндустриальный. Автор констатирует следующую тенденцию в трансляции культурной информации: в конце XX в. зрелищность становится фактором, оказывающим влияние

на формирование отношения 'массового' человека к миру (нравственный релятивизм и равнодушие) и способы интерпретации им актуального текста культуры (эклектичные, мозаичные). Подчеркивается, что медиа, в широком понимании, приобрели особую власть над субъектом XX–XXI вв. «Клипное мышление как качественная характеристика молодого поколения проявляется не только с негативной стороны, но и несет в себе позитивное начало: скорость получения и обработки информации позволяет иначе, чем раньше, транслировать смыслы и ценности культуры, а также определять отношение к реальности» (3, с. 37).

В диссертации О.Г. Гаспаряна (1) рассматриваются особенности рекламного дискурса 2000–2016 гг. За этот период произошло широкое распространение контекстной рекламы и появились технологии, обеспечивающие адаптацию рекламного предложения для отдельного потребителя на основании его интересов и истории посещенных страниц или мест.

Анализируются информационная и информационно-воздействующая интенциональные стратегии, используемые рекламодателями для максимально эффективного продвижения и реализации продуктов. Соответственно с этими стратегиями рекламные тексты различаются по характеру и степени сложности их языковой структуры. Наиболее сложен рекламный текст, реализующий эстетическую интенциональную стратегию.

Роль психологических особенностей реципиента в восприятии текста исследуется в диссертации А.В. Моисеевой (2) на материале текстов гляцевых гламурных журналов, т.е. периодических изданий, гендерно ориентированных на женскую аудиторию и посвященных моде, индустрии красоты, современному жизненному стилю и здоровому образу жизни. Процессы восприятия и понимания таких текстов изучаются с применением методики «встречного текста»¹, под которым понимается набор реакций в форме письменных высказываний, фиксируемых самим реципиентами, на предложения-стимулы исходного текста. Набор таких высказываний содержит материал, позволяющий судить о внутренней стороне процесса восприятия текста. В диссертации

¹ Эта методика разработана А.И. Новиковым, см.: Новиков А.И. Текст и «контртекст»: Две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 64–76. – *Прим. реф.*

доказывается, что «встречный текст обусловлен не только общими и индивидуальными особенностями адресата информации, но и характеристиками, присущими данному типу текста, связанными с его вербальной формой и содержательно-смысловой структурой» (2, с. 7).

Список литературы

1. Гаспарян О.Т. Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 27 с.
2. Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 24 с.
3. Симбирцева Н.А. Тексты культуры: Специфика интерпретации: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Екатеринбург, 2017. – 45 с.

2019.02.013. А.Б. БУШЕВ. ЛИНГВИСТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ. (Обзор).

Ключевые слова: интертекстуальность; интермедialность; интердискурсивность; М.М. Бахтин; Ю. Кристева; текст; интертекстуальный анализ; семиотика; коммуникация; стиль; свертхтекст; медиасреда; гипертекстуальность.

Проблемы интертекстуальности, интермедialности и интердискурсивности являются важнейшими для современной науки. Филологией накоплен значительный опыт изучения обозначенных проблем. Достаточно назвать имена создателя теории диалога культур М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, предложившей определение интертекстуальности: «Мы называем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее»¹. В дальнейшем теория интертекстуальности получает развитие в трудах многих зарубежных и отечественных ученых (Р. Барт, У. Эко, Ц. Тодоров, А. Жолковский, М. Гаспаров, Ю. Лотман и др.). Ж. Женнетом создана классификация уровней

¹ Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семнализу. – М., 2015. – С. 48; Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики / Пер. с франц. – М., 2004. – 656 с.

интертекстуальности. И. Смирнов ввел понятие интермедиальности и обосновал типы интертекстуальности. Сегодня интертекстуальность понимается не только как явление культуры, но и как метод изучения литературы (А. Жолковский). Проблемой интертекстуальности занимаются и литературоведы, и лингвисты, которые выдвинули ряд интереснейших идей (работы З. Тураевой и др.). Методика интертекстуального анализа получила широкое распространение в отечественном литературоведении, перед которым сегодня стоит задача углубления и обновления данного подхода к исследованию литературы.

А.Н. Безруков в статье «Функции интертекстуальности в пределах дискурсивной практики» отмечает, что категория интертекстуальности в условиях развития современной теории литературы применяется не только для характеристики особого способа анализа и оценки художественного текста, но и вообще для описания специфики существования художественного творчества. Следует заметить, что практика литературного письма онтологически сориентирована на диалогический характер, ибо природа диалогического слова раскрывает смысловые уровни текста, конкретизирует авторский мировоззренческий комплекс, создает эффект мерцания эстетической перспективы. Формируя, на первый взгляд, новый текст, писатель попадает в условную матрицу межтекстовых взаимодействий, матрицу преломлений и трансформаций, проспекций и ретроспекций. Читатель, в свою очередь – декодируя текст – преодолевает наличный состав языка, манипулирует кодами, играет знаками, ориентированно слагает рецепцию авторского дискурса. Следовательно, интертекстуальность представляет собой особую специфическую систему, при осмыслении которой необходимо конкретизировать ряд типологически разнородных, структурно-категориальных отношений, верифицировать функции интертекста в рамочных пределах дискурсивной практики.

Коммуникативная условность, на взгляд автора, может быть снята декодированием или реинтерпретацией таких моделей как «текст – произведение», «текст – контекст», «текст – дискурс», «дискурс – идиостиль». Интертекстуальность создает не только атмосферу всеобщей контекстности, рождающей новые / иные смыслы произведения, но и обустроивает манипуляционное стилевое единство текста, делает его полистилистическим. Она как бы

превращает наборный состав языка в бесконечную текстовую мозаику, отражающую не столько целостность индивидуальной идиостиловой системы, сколько слагает дискурсивность нового, авторского текста. После оценки ряда работ по проблемам и вопросам интертекста И.В. Арнольд, Р. Барта, И.П. Ильина, Ю. Кристевой, И.П. Смирнова, Н.А. Фатеевой, М. Ямпольского следует признать, что эстетическим пределом огранки или верификации смысла текста становится именно поворот, динамика смысла в условиях закономерно-исторических реалий. По мнению автора, интертекстуальным можно назвать текст, смещенный во времени и пространстве. Текст с явной децентрацией и ориентировкой на источник. При этом спектр означаемых зависит от конкретной ситуации чтения, от объективации реалий, оценки смыслов на конкретном историческом этапе. Искомое значение, слагаемое из комбинаторной бесконечности, привязано в данном случае к огромному культурно-историческому пласту коннотаций. Смысловая разверстка интертекста происходит в полярных условиях письма / чтения. Подобный текст синтезировал в себя все, что может подразумеваться, подразумевается, и то, что уже имело место быть в практике сложения эстетических конструкций. Формируясь в процессе жизни, верификации письма он регулярно приобретает все новые и новые элементы искусства-бытия, искусства-жизни, перерабатывая их в сознании, мышлении читателя, реципиента. Вероятно, что интертекстуальность живет именно там, где есть переход, кризис, так как для существования ей необходимо именно изменение, внутренняя семантико-семиотическая трансформация.

Интертекстуальность перспективно можно рассматривать как категорию открытости текста, ибо с помощью нее текст способен вступать в отношения с другими текстами. В этом смысле всякий текст видится как интертекст, при этом предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих наличных текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых, ментальных систем. Между новым авторским создаваемым текстом и чужим, предшествующим существует общее интертекстуальное поле-пространство, которое аккумулирует в себе весь культурно-исторический опыт, весь набор коннотативных оттенков. Поэтика интертекстуальности предстает как теория безграничного текста, интертекстуального в каж-

дом своем фрагменте, в каждой скрепе ассоциативного, реминисцентного, аллюзийного поля. В данном случае уместно говорить и о дисперсии смысла, вкладываемого в новое произведение, новый вид мировоззренческой модели.

Колебания смысла происходят с учетом правил становления литературно-художественного дискурса. Синтез интертекстуальных маркеров, предметно-культурных следов – создает внутри текста особую смыслотворческую активность реципиента. Найти след не означает расшифровать смысл, связность и функционирование – вот, что приближает читателя к объективации смысловой нагрузки. На взгляд автора, чем сложнее установить происхождение текстовых операторов, тем выше степень конкретизации множественности смыслов текста. При этом в нем исчезают всякие границы, говорит уже не сам наличный текст (форма), но дискурс (действие), или возможность возникновения множества смысловых толкований в динамическом процессе уточнения / проговаривания речи / письма. В процессе чтения-восприятия текста реципиент становится дешифровщиком определенного авторского кода. Текст в восприятии читателя оказывается генератором многих смыслов. С каждым новым прочтением произведения в сознании формируются все новые и новые аллюзии, ассоциации, ряды означаемых.

Интертекстуальное множество, наделенное самостоятельными флективными единицами, лишается в процессе дискурсивной практики условного субъекта, ибо субъект сам становится неотъемлемой единицей дискурса, он как бы растворяется в нем. Дискурс в отличие от текста не зависит от создателя, он творится сам в себе. Автор оговаривая, создает условия и правила становления нового вида семантической конкретизации. Позиционной точкой анализа дискурса становится не верификация его системы координат, но его детальная реализация. Предопределено, что смысловой масштаб данной модели безграничен. Систематизация форм – это лишь предзавершающие закономерности, конституирующие место системы в видах ее вариаций. Преддискурсивные точки отсчета определяют мысль, сознание или совокупность репрезентаций, а также обозначают уровни дискурса и правила существующих единичных практик. Утверждение двух и более смысловых интенций укрепляет положение, как текстовой плоско-

сти, так и сферы смыслов. Множественность интертекстуальных связей расширяет смысл, организует целое в биполярную область, которая в свою очередь и определяет бытие авторского текста. Синтез многочисленных отношений и есть ткань творимого текста, что по своей природе, с учетом данных условий, близко литературному дискурсу. Стабилизация нового текста, происходит с учетом включений (явных / неявных), аллюзий, реминисценций; он живет благодаря некой множественности наложений, соединения вставных элементов, преломления смыслов в результате взаимодействия. Трансформация коннотативных значений художественного произведения и есть основная функциональная сторона интертекстуальности.

Новый текст и его смысл как бы строятся на элементах старого литературного пространства. В художественном тексте важно определить не столько саму цитату, сколько обозначить ее функцию, т.е. понять действительную природу. Воображение реципиента максимально активизируется только тогда, когда происходит узнавание цитаты, будь то на сознательном или подсознательном уровнях. Следует отметить, что функции интертекстуальности могут быть заданы и контекстом, и ситуативной раскладкой, и авторским желанием, т.е. – с какой целью и для достижения какого эффекта писатели обращаются к текстам своих предшественников и современников, какова роль вставных элементов, операторов действия, маркеров. Исходя из причин и целей заимствования прецедентных текстов, интертекстуальность может быть наделена разными функциями, она, конечно же, в сопоставлении с языком полифункциональна. На взгляд автора, ее роль в тексте может быть следующей: смыслообразующей (создающей новое смысловое пространство); текстообразующей (формирующей наличный знаковый комплекс); ассоциативной (новый текст является прототекстом для последующих); референционной (новый текст отсылает к предтекстам для получения дополнительной информации); синтезирующей (язык / культура; литература / история); информативной (несущей объективное сообщение о времени, пространстве, событии, лице); характеризующей (служащей средством характеристики героя); оценочной (негативной или позитивной, выражающей отношение автора или к заимствованному тексту, или отношение к событиям, лицам); эйдологической (образной);

символической / знаковой (обозначающей важные для исторического сознания события); стилеобразующей (формирующей полистилистический уровень текста); рекреативной (допускающей стандарт условной свободы для читателя с целью приращения смыслов); этикетной (формирующей речевое поведение / принцип оценки); декоративной (украшающей текст цитатой, ссылкой, афоризмом). Как уже было отмечено, сама ситуация трактовки, письма, дешифровки определяет роль интертекста в пределах авторского стиля и языка.

Таким образом, дискурсивная практика современности идентифицируется как процесс всевластия цитаты. Авторский литературный текст получает, соответственно, ту же характеристику. Концу XX – началу XXI в. свойствен общенормативный принцип цитатности, это проявляется в различных областях творчества: кино, живопись, литература, театр. Читатель / реципиент все больше ориентируется на неоригинал, но на копию, подобие, симулякр, условность, вымысел, ирреальность. Ситуация цитатного мышления приводит к тиражированию мыслей, авторство которых трудно установить. Поведенческий комплекс – реакция на художественный мир – подводит идеального читателя к объективации максимума смысловых интенций. В данном случае уместно говорить и о парадоксе полифонии (М.М. Бахтин). Роль интертекста при этом сферична, точечна, дискретна. Смысловая открытость позволяет смело сводить в бесконечную множественность культурный и литературно-исторический контексты. Утрачивая авторство, прецедентный текст обретает все новую и новую жизнь, онтологически заполняя структурно-семиотические лакуны.

О.С. Шурупова в статье «Сверхтекст как форма межтекстового взаимодействия» отмечает, что одна из функций текста связана с точной, адекватной для всех носителей языка передачей культурного кода, необходимой для обеспечения общей памяти коллектива. Ю.М. Лотман утверждает, что в пределах культуры может возникать некий текст-код, который может быть осознан и выявлен в качестве идеального образца. На его основе создаются совокупности текстов.

Прежде всего, подобные устойчивые схемы, обнаруживающие глубинную связь с мифологической традицией, проявляются в художественных произведениях, которые, как отмечает В.И. Тюпа,

зачастую представляют собой «пучок» самых разнообразных межтекстовых связей и отношений, в том числе отношений парадигматических. Тексты, вступившие в такие отношения друг с другом, характеризуются не только общими темами и идейными установками, но и общим культурным кодом. Таковы, например, единства художественных текстов, складывающиеся вокруг топонимов высокой культурной значимости: Петербургский, Московский, Венецианский сверткесты. Впрочем, тематическая привязка текстов к тому или иному топониму еще не гарантирует их принадлежности к сверткесту, ибо «решающая роль здесь принадлежит независимому от индивидуального сознания писателя мифологическому субстрату, питающему единую мифотектонику всего палимпсестного ряда произведений.

Следует отметить, что в современной науке до сих пор ведутся споры относительно сущности сверткеста. Однако другие виды текстов тоже могут образовывать особые культурно-системные единства. С сугубо лингвистической точки зрения сверткестом может быть признана, например, такая совокупность текстов, как следственные дела за определенный период.

Сверткест понимается как система текстов, которые созданы различными авторами и общность которых основана не столько на замысле их создателей, сколько на существовании единого культурного кода, обнаруживающего сходство с мифом, присутствующим в сознании большинства носителей языка и культуры и так или иначе проявляющимся в их текстах. Для сверткеста характерен коллективный автор. По мнению Н.Е. Меднис, и возникновение реальных сверткестов, и потребность их исследования во многом определяются пульсацией сильных точек памяти культуры, пульсацией, настойчиво подталкивающей к художественной или научной рефлексии по поводу ряда культурно и исторически значимых в масштабах страны либо человечества явлений, таких как Москва или Петербург в истории и судьбе России, Венеция в культурно-духовном пространстве России и Европы, Рим в общечеловеческой культуре и т.п.¹

¹ Меднис Н.Е. Феномен сверткеста. – Яз. рус. – Доступ свободный. – Режим доступа: http://www.zar-literature.ucoz.ru/BIBLOTEKA/nauchnaya/mednis_n-e-fenomen_sverkhktesta.doc (Дата обращения: 24.10.2016.) – Заглавие с экрана.

Тексты объединяются в свертхтекст не только на основе данных парадигмообразующих признаков. В основе свертхтекста лежит единая модель мира, единая «мифотектоника», характерная для всех его составляющих. Под мифотектоникой следует понимать мифологический субстрат, культурный код, схему, согласно которой во всех составляющих свертхтекста изображается тот или иной интенциональный объект. Тематическая привязка текстов к какому-либо объекту, например Петербургу, Москве, Лондону, не гарантирует принадлежности их к одному свертхтексту.

Наряду с другими парадигмами, в которые могут вступать тексты, следует выделить мифотектоническую парадигму, т.е. объединения текстов, обнаруживающих общий мифологический код, как правило, связанный с тем или иным внетекстовым объектом. Подобные отношения могут возникать между текстами разных жанров, созданных различными авторами (например, «петербургские» повести Н.В. Гоголя и романы Ф.М. Достоевского имеют сходную мифотектонику). Даже говоря о семантическом пространстве отдельного текста, М.Я. Дымарский высказывает мнение, что каждый смысловой компонент теряет в пределах текста свойства отдельного канта смысла и присовокупляется к уже имеющемуся модально-смысловому блоку; предметно-фактическая информация соотносится с «одной из актуальных в пределах данного текста модальных оппозиций»¹ В пределах свертхтекста предметно-фактическая основа непременно становится базой для формирования и развития мифотектоники, передачи культурных кодов.

Таким образом, сформулированное с учетом лингвокультурологического аспекта определение свертхтекста художественной литературы может звучать так: свертхтекст – это открытая система текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах которых проявляется общая свертхтекстовая картина мира. Именно общая для всех единиц данной системы свертхтекстовая картина мира делает это образование «самодостаточным и суверенным» и позволяет свертхтексту реализовать его смыслы.

¹ Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX–XX вв. – М., 2001. – С. 62.

Сверхтекстовая картина мира представляет собой сложно организованное семантическое пространство данного сверхтекста; картину мира, характерную для данного сверхтекста, включающую элементы субъективного, присущего индивидуально-авторским картинам мира каждого текста, входящего в сверхтекст, и одновременно отражающую объективный, целостный, свойственный всем составляющим сверхтекста взгляд на данный внетекстовый объект. Она получает воплощение прежде всего в концептосфере данного городского сверхтекста, которую, как правило, составляют концепты, связанные со следующими сферами: культурные реалии; время; явления природы; связанные со сферой природы концепты свет, тьма; внешнее пространство; внутреннее пространство; эмоциональная сфера; концепты жизнь, смерть; концепты сон, явь; цветовые концепты; звуковые концепты; одорические концепты; вкусовые концепты; антропоцентрические концепты. Несмотря на репрезентацию в языковой ткани большинства городских сверхтекстов русской литературы сходных концептов, каждый из сверхтекстов обладает уникальными чертами, поскольку сходные концепты нередко реализуют в пространстве городских сверхтекстов русской литературы различные, а иногда и не свойственные им в русской языковой картине мира признаки.

Как сложная знаковая последовательность, сверхтекст способен реализовать разные виды информации: смысловую, которая соотносится с миром материальной действительности в разных формах его проявления, (например, «Петербург – столичный город, обладающий определенными доминантными точками: Невский проспект, Сенатская площадь и т.д.»), эмоциональную, допускающую различное толкование и направленную на возбуждение в носителях языка, воспринимающих сверхтекст ответную реакцию («Петербург – город-страдалец, город-мученик» и т.д.), культурную информацию («Петербург – столица Российской Империи» и т.д.). Каждый текст, входящий в сверхтекст, участвует в передаче данной информации, дополняя, конкретизируя ее и используя при этом потенциал всех своих единиц. Данная информация за счет бесконечной интерпретации сверхтекста его адресатами увеличивает свои объемы, что приводит к постоянному возрастанию культурной и художественной ценности сверхтекста. Смысловая

информация, реализуемая сверхтекстом, т.е. так или иначе повторяемая разными его составляющими, едва ли может быть оценена исключительно с позиций ее новизны. Напротив, в процессе анализа сверхтекста важно выявить повторяющиеся мотивы, единицы разных уровней языка, концепты и т.д., чтобы выявить информацию, требующую для своей трансляции появления новых и новых текстов, которые становятся членами единой парадигмы.

В.Ю. Даренский в статье «Интертекст инициации в структуре литературного произведения» указывает, что исследование интертекстуальных структур содержания и форм литературного произведения может быть двух типов. Первый тип можно условно назвать «горизонтальным», поскольку здесь анализируется «миграция» определенных тестовых структур от одного произведения в другое, которая обычно происходит бессознательно для самого автора, но в определенных художественных направлениях может становиться и сознательным приемом (этот прием становится доминирующим в литературе постмодерна). Второй тип можно назвать «вертикальным» в том смысле, что здесь исследуются интертекстуальные связи не между отдельными произведениями и художественными направлениями, а между разными уровнями текстуальности самой культуры. Базовым уровнем здесь являются «архетипы» и архетипические сюжеты, над которыми «надстраиваются» тексты, имеющие индивидуальное авторство. Интертекстуальность здесь представляет собой не «скрытое цитирование», а новое оригинальное воспроизводство архетипического сюжета в индивидуальной авторской форме как его творческая интерпретация в новых культурно-исторических условиях.

Источником художественного содержания литературного произведения являются не только и даже не столько отдельные выразительно-изобразительные средства, сколько особый «эффект целого», в рамках которого они «работают» и без которого утрачивают смысл. Этот «эффект целого» – действие произведения в целом на реципиента как целостную личность, а не просто «читателя» – традиционно обозначается понятием катарсиса. Но катарсис как сложное эстетическое переживание, «сжигающее» негативные чувства и сублимирующее позитивные, – может быть двунаправленным по своему действию. «Нормальной» и наиболее распространенной формой катарсиса является возвращение субъ-

екта к самому себе, т.е. реципиент, получив сильное художественное переживание, тем самым лишь утверждает в своей субъективной замкнутой самотождественности, «остается самим собой», никаких принципиальных изменений с ним не происходит. Наоборот, все пережитое благодаря произведению лишь отбросило от него чуждые ему мысли и чувства и утвердило его в своей субъективной правоте. Тем самым здесь произведение сыграло роль своего рода культа того человеческого «Я», которое с ним встретилось и благодаря этой встрече стало еще более непроницаемым для посторонних влияний, самоуверенным и самотождественным. Именно этот эффект, по-видимому, и ожидает большинство читателей литературных произведений: с одной стороны, ценя переживания от его чтения как нечто самоценное, с другой – в конечном итоге ожидают «подтверждения своей правоты». И наоборот, произведения, оставляющие чувство «утраты почвы под ногами», ставящие под вопрос само мировоззрение читателя, внутренние опоры его субъективности, у большинства читателей вызывают отторжение, неприятие и даже страх. Именно эта реакция чаще всего вызывает негативную оценку произведения, а не его художественные качества как таковые.

Инициацию в литературном произведении можно понимать как его «порождающую модель» (А.Ф. Лосев), организующую вокруг себя определенную совокупность художественных средств и «надстраивающуюся» над моделями более частного порядка. На уровне же психоэмоционального коррелята художественного содержания инициация является предельной формой проявления общего закона катарсиса. Л.С. Выготский в «Психологии искусства» определял его так: «закон эстетической реакции один: она включает в себе аффект, развивающийся, в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение»¹. Соответственно, инициация переживается одновременно и как чувство ужаса конечности и бессмысленности индивидуального бытия (экзистенциальный «ужас», в отличие от частных «страхов»), и как острое чувство приобщения к Вечности и бесконечному смыслу бытия, «второго рождения» личности как духовного существа.

¹ Выготский Л.С. Психология искусства. – М., 1986. – С. 269.

В статье «Референциальная интермедийность медиатизированного религиозного дискурса: отсылки к книге Бытия в очерках на портале «Православие и мир»» ее автор В.О. Яровикова рассматривает два медиа – интернет-портал «Православие и мир» и Библию. Так, «Словарь новых медиа, нового цифрового мира» и «Словарь медиа и коммуникаций» определяют медиа как «агенты или каналы обмена, передачи и распространения информации»¹ (первый аспект), а также как «физические формы их выражения – бумага, аудиокассета, магнитный или оптический диск»² (второй аспект). Исходя из данных определений, портал «Православие и мир» является медиа в понимании Дж. Монако, а Библия является медиа в контексте понимания данного феномена Д. Чендлером и Р. Мундэй.

Эмпирическим объектом исследования являются публикации портала «Православие и мир» в жанре очерка, референтом к которым выступает Книга Бытия. Под очерком автор понимает описательную разновидность малой формы эпической литературы, в которой отсутствует единый, острый и быстроразрешающийся конфликт. Очерковая форма сочетает в себе элементы художественной литературы и публицистики.

Прежде всего, следует определить, что интермедийность основывается на основных положениях теории интертекстуальности, согласно которым «1) каждый текст состоит из цитат других текстов; 2) каждый текст кодирован множеством кодов»³. Интермедийность предполагает следующее: «1) художественная форма активно участвует в информационном обмене (семиотизация формы); 2) художественные формы разных видов искусства обладают специфическими чертами, которые определяются особенностями сознания (дифференциация форм); 3) художественные формы раз-

¹ Monaco J. The dictionary of new media: The new digital world: Video, Audio, Print: Film, Television, DVD, Home Theatre, Satellite, Digital Photography, Wireless, Super CD, Internet. – N.Y., 1999. – 282 p.

² Chandler D., Munday R. A dictionary of media and communication. – Oxford, 2011. – 480 p.

³ Тимашков А.Ю. Интермедийность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX веков. – СПб., 2012. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/intermedialnost-kak-avtorskaya-strategiya-v-evropeyskoy-hudozhestvennoy-kulture-rubezha-xix-xx-vekov#ixzz58yUPW4ag>

ных видов искусства находятся в состоянии взаимобмена и взаимодействия друг с другом (релятивизация форм)» (Яровикова В.О.).

Н.В. Тишунина видит сущность интермедиальности в организации текста посредством взаимодействия разных видов искусства, подчеркивая, что в этом случае «...в работу включаются различные семиотические ряды». Таким образом, интермедиальность предстает исследователю в процессуальном понимании: «...как правило, сначала осуществляется перевод одного художественного кода в другой, а затем происходит взаимодействие, но не на семиотическом, а на смысловом уровне»¹.

Существуют два подхода к пониманию интермедиальности – «структуральный» и «формальный». Согласно теории Ю. Мюллера, которая принадлежит к «структуральному» подходу к пониманию теории интермедиальности, интермедиальность понимается как «концептуальное сотрудничество различных медиа»², создающее основу для возникновения целостного текста (в широком смысле), представленного реципиенту. Согласно теории И. Пэха, относящейся к «формальному подходу», интермедиальность понимается как связи между медиа, ведущие к эволюции данных медиа. Й. Шрётер предлагает синтез двух данных подходов, выделяя такие типы интермедиальности, как синтетическая (синтез двух медиа и возникновения интермедиума), трансмедиальная (репрезентация в одном медиуме концептов и структур другого медиума), трансформационная (репрезентация одного медиума в другом), онтологическая (выявление свойств одного медиума через сопоставление с другими). В работе рассматривается трансформационная интермедиальность, когда первичным медиумом выступает прецедентный религиозный текст, в данном случае – Библия, а вторичным – интернет-портал «Православие и мир», публици-

¹ Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы междунар. науч. конф. (18 мая 2001 г., Санкт-Петербург). – СПб., 2001. – Вып. 12: К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. – С. 149.

² Тимашков А.Ю. Интермедиальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX веков. – СПб., 2012. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/intermedialnost-kak-avtorskaya-strategiya-v-evropeyskoy-hudozhestvennoy-kulture-rubezha-xix-xx-vekov#ixzz58yUPW4ag>

стический интернет-портал, транслирующий информацию о православном образе жизни.

Интермедиальность может пониматься как возможность создания среды, которая определяет восприятие включенного в нее искусства. Р. Юнгельфельд описывает этот процесс следующим образом: «Автор заимствует содержание одного медиума и инкорпорирует его в другой, в то время как медиум не только содержит сообщение, но и является сообщением сам по себе...»¹. Таким сообщением и будет являться портал «Православие и мир», существование которого в широком смысле и регулярное обновление которого в узком смысле мы рассматриваем как акты коммуникации.

Н. Исагулов, объединив концепции А.А. Ханзен-Лёве, И. Равевски, А.Ю. Тимашкова и Е.П. Шиньева, создает систему классификации видов интермедиальности, выделяя конвенциональную интермедиальность (взаимодействие художественных кодов разных искусств), нормативную интермедиальность (разработка единого сюжета различными медиа, при этом существует нормативный медиум), и референциальную интермедиальность.

В данном исследовании В.О. Яровикова рассматривает понятие референциальной интермедиальности и возможность его приложения к проблеме медиатизации религиозного дискурса. По определению Н. Исагулова, референциальная интермедиальность понимается так: «...в тексте одного медиума цитируется текст иного медиума, один из медиумов выступает (но не обязательно) как референт» (в данном случае – Библия). Понятие «интермедиальность» связывается с медиациатностью, при которой «...в тексте одного медиума цитируется другой»², в это определение также можно включить некоторые случаи ссылок и реминисценций.

¹ Von Jungenfeld R. Intersubjectivity and intermediality in the work of Serra // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. – 2011. – Vol. 13, Iss. 3. – Mode of access: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1810&context=clcweb> (Дата обращения: 09.03.2018.)

² Исагулов Н. Интермедиальность в литературе: К определению понятия // Матеріали Всеукраїнської наукової студентської конференції «Зіставлене вивчення германських та романських мов і літератур» / Ред. кол.: Каліущенко В.Д. (відп. ред.), Сенів М.Г., Присєдська В.Є., Іванов А.О. – Донецьк, 2011. – Т. 1. – С. 115–117.

Н. Исагулов расширяет понимание интермедиальности до концепции культурного диалога, который осуществляет через взаимодействие художественных референций.

Доминирующим в отобранном эмпирическом материале сюжетом является история Адама и Евы (22 публикации, 43% от общего числа публикаций). Затем следуют явление Бога Аврааму, сюжет о Ное (по четыре публикации, 7%), явление Бога Иакову, повествование о Каине и Авеле, сюжет о сотворении мира (по три публикации, или 6%). Два материала посвящены Вавилонской башне, а также Иосифу и его братьям. Единичные материалы (4% частотности) затрагивают главы Бытия об Онане, Содоме и Гоморре, искушении Иакова. Отдельные статьи содержат в себе пророчества о Богородице, приходе Мессии и Святой Троице. Также отдельные статьи касаются таких ветхозаветных концептов, как храм, пост и смерть (суммарно – 12% из числа анализируемых материалов).

История Каина и Авеля становится для автора портала «Православие и мир» протоиерея Александра Ильяшенко иллюстрацией современных проблем человечества – в частности, военных действий в Южной Осетии, которые священник описывает таким образом: «Война является физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти (Быт., 4, 3–12). Земные войны суть отражение брани небесной, будучи порождены гордыней и противлением воле Божией. Поврежденный грехом человек оказался вовлечен в стихию этой брани. Война есть зло»¹.

Н.А. Хуббитдинова в статье «Перспективы интертекстуальных исследований фольклорных традиций в башкирской литературе: к постановке вопроса» отмечает тот известный факт, что фольклор является материалом и арсеналом для литературы вообще, и башкирской в частности. Ученые, работающие над этой проблемой, отмечали роль фольклора в становлении и развитии литературы вообще, башкирской в частности, старались выявить степень, приемы использования его конкретными мастерами пера

¹ Прот. Александр Ильяшенко. О войне // Интернет-портал «Православие и мир». – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/o-vojne/> (Дата обращения: 08.03.2018.)

и т.д. Однако следует заметить, что в исследованиях рассматривался аспект влияния фольклора на литературу.

В отечественной науке в целом предпринимались попытки исследования вопросов художественной взаимосвязи и взаимовлияния фольклора и литературы в свете изучения интертекстуальной теории. Проблеме интертекстуального дискурса было посвящено немало работ (М.М. Бахтин, Юлия Кристева, В.М. Жирмунский, Роланд Барт, Д.Н. Медриш, О.Ю. Трыкова и т.д.)¹.

Актуальность рассматриваемого метода в изучении национальной литературы определяется еще и тем, что исследование проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей можно было бы осуществить с применением интертекстуального метода изучения произведений башкирской литературы, в которых обнаруживаются цитации, аллюзии, реминисценции, вызываемые на фольклор. Это во многом способствует всестороннему и глубинному выявлению и анализу механизма, особенностей отражения в литературе фольклорных мотивов, образов, обычаев на определенном национальном историко-культурном пространстве.

Т.А. Болдова в статье «Интермедиальность текстов в сети» рассматривает феномен интермедиальности в сети. Для определения интермедиальности гипертекстов, как показано в статье, необходимо рассмотреть три компонента: мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность. Так, мультимедийность предполагает владение следующими моделями работы с гипертекстами: 1) моделью использования текстов виртуальных сред (виртуальные проекты, e-mail-танделы, игры); 2) моделью организации собственной информации на основе гипертекстов (ее получение, верификация, оценка, использование электронных энциклопедий и словарей); 3) моделью гипертекстового творчества, создание анимаций, фильмов, электронных газет; 4) моделью общения, как общения, которое менее связано с говорением, словом и звуком, а осуществляется через текст, образ, форму.

Второй компонент – интерактивность, когда организуется познавательная деятельность в режиме диалога, когда каждый вовлечен в процесс познания и имеет возможность понимать и реф-

¹ Более подробно см.: Козицкая Е.А. Цитата, «чужое слово», интертекст: Материалы к библиографии. – Режим доступа: <http://archive.li/56pMg> (Дата обращения: 21.02.2018.)

лектировать по поводу того, что знают все и каждый. Интерактивность устанавливает и поддерживает в медиасреде контракты через тексты важнейших поисковых систем, порталов, серверов; конференций, чатов, проектов, часто специально разработанных научными центрами различных стран мира.

Третий компонент – гипертекстуальность, предполагает непосредственно работу с гипертекстом, так как гипертекст и есть структура Интернета.

Пользователи получают информацию через гипертекст. Информация распространяется по всему миру с помощью языка HTML (Hypertext Markup Language), на котором закодирована информация в гипертекстах. Соединение из электронно-связанных мультилинейных сетевых текстовых блоков, которое соединяются через коммуникационные каналы и определяются как Интернет. При этом речь идет об огромном количестве текстов, которые доступны через соединительные узлы глобальной сети и баз данных. Как следствие, возникает новая коммуникативная ситуация, которая фундаментально изменила значение таких понятий, как автор, текст, читатель. Новые технологии повлекли за собой и такие наблюдаемые языковые изменения, как элементы устной речи при диалоговом письме, модернизированные виды текстов, а также новые формы текстов, такие как гипертекст и, так называемый, гипермедиа.

На основе гипертекстов возможна любая работа с информацией: можно брать информацию из Сети, читая ее или делая копии; создавать свою информацию или составлять из предложенных материалов; использовать информацию для дальнейшей обработки. Тексты в Сети имеют графическое и текстуальное представление цепочек из текстов (электронные словари и базы данных, связанные с текстовой работой). С помощью гипертекста индивидуализируется восприятие информации, причем, определяется содержание и важность информации. При использовании гипертекста выделяется два вида проблем: 1) речь идет о «потерянности» в гиперпространстве, о дезориентации, когда не хватает собственного актуального стандарта; 2) речь идет о перенапряжении рабочей памяти человека из-за огромного количества информации (когнитивная перегрузка).

Принцип гипертекста делает возможным форму исследовательской работы. Можно делать собственные открытия, как «исследователь», ведущий поиск в Сети. Принцип гипертекста делает возможным любую форму и ситуативного обучения. В основании ситуативного обучения лежат когнитивные начала личностных процессов и теория поведенческой психологии, которая исследует ситуативные поведенческие факторы. При этом ситуация понимается как материальный аспект (медиа) и как социальный аспект (интеракция между людьми даже на историческом и культурном уровнях). Можно рассматривать два вида творческой деятельности: креативное письмо и виртуальную ролевою игру.

Виртуальная ролевая игра всегда имеет свой текстовой сценарий, содержащий спонтанность, самовыражение, рефлекссию в специфической форме, которая объединяется с метарефлексией. Процесс чтения – это процесс приема. Пользователь становится «активным» читателем, через принятие на себя функций получателя документов, составителя материалов и их упорядочивания, и, исходя из индивидуальной точки зрения, он как бы входит в роль автора. Основные признаки гипертекстуальности определяются как: нелинейность, интертекстуальность и мультиперспективность.

В Сети научные разработки на основе текстов включают в себя и коммуникативные формы, которые не имеют аналогов, вне сети. Так текст имеет выход на различные сайты, где разговор идет в письменной форме, в форме возникающих на экране текстов, которые представляют собой смешанную форму элементов устной и письменной речи. Относительно новым явлением являются сокращенные варианты передач радио и телевидения, на которые выходят соответствующие ссылки. Они принимаются, как правило, синхронно с трансляцией и воспринимаются линейно. Это значит, что пользователь читает новости сразу с трансляцией и в той последовательности, как выстраивает их редактор, а тексты газет и журналов из Сети можно читать в любое время. Текст – принимается линейно через его интеракцию, но далее возникает мультимедийный гипертекст с интерактивным характером познавательной деятельности и деятельности общения.

Очень важен в рассматриваемой ситуации метод эмпатии (личной аналогии, способности проникать с помощью чувств в душевные переживания других людей, сочувствовать им, сопере-

живать). Это «вхождение», «вживание в образ другого». Можно представить себя на месте другого и, исходя из новых ощущений, выбрать адекватное решение проблемы. Гипертекст раскрывает весь спектр культур, разных подходов, при этом происходит идентификация своей культурной принадлежности.

Интеркультурное общение в гипертекстовой сети – открытый процесс, который не ограничивается предварительно структурированными и объективными знаниями о «других», это активная и креативная гипертекстовая совместная работа. Этот процесс является результатом изменения и развития стратегий и умений, с помощью которых человек приближается к «незнакомому» и открывает его. С точки зрения психологии общения очевидно, что именно интенсивное гипертекстовое общение предъявляет повышенные требования к владению культурой межнационального и межсоциального общения, к пониманию партнерами соответствующих культурных, технических и социальных реалий.

Список литературы

1. Безруков А.Н. Функции интертекстуальности в пределах дискурсивной практики // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / Сост.: Исаев Г.Г., Боровская А.А., Громова Т.Ю., Целовальников И.Ю.; под ред. Завьяловой Е.Е. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2018. – С. 8–13.
2. Шурупова О.С. Сверхтекст как форма межтекстового взаимодействия // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / Сост.: Исаев Г.Г., Боровская А.А., Громова Т.Ю., Целовальников И.Ю.; под ред. Завьяловой Е.Е. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2018. – С. 13–17.
3. Даренский В.Ю. Интертекст инициации в структуре литературного произведения // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / Сост.: Исаев Г.Г., Боровская А.А., Громова Т.Ю., Целовальников И.Ю.; под ред. Завьяловой Е.Е. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2018. – С. 17–25.
4. Яровикова В.О. Референциальная интермедийность медиатизированного религиозного дискурса: отсылки к книге Бытия в очерках на портале «Православие и мир» // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / Сост.: Исаев Г.Г., Боровская А.А., Громова Т.Ю., Целовальников И.Ю.; под ред. За-

- вяловой Е.Е. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2018. – С. 30–40.
5. Хуббитдинова Н.А. Перспективы интертекстуальных исследований фольклорных традиций в башкирской литературе: к постановке вопроса // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / Сост.: Исаев Г.Г., Боровская А.А., Громова Т.Ю., Целовальников И.Ю.; под ред. Завьяловой Е.Е. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2018. – С. 40–45.
6. Болдова Т.А. Интермедиальность текстов в сети // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / Сост.: Исаев Г.Г., Боровская А.А., Громова Т.Ю., Целовальников И.Ю.; под ред. Завьяловой Е.Е. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2018. – С. 235–239.

2019.02.014. А.Б. БУШЕВ. ТРАДИЦИОННЫЕ ЖАНРЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: Лингвистические аспекты. (Обзор).

Ключевые слова: жанр; частушка; свадебный фольклор; ирония; пословицы; интернет-жанры; гейм-мышление; анекдот; каламбур; прецедентный текст; черный юмор; обрядовая культура; мифопоэтика; журлор; полилог; агиографическая традиция.

В обзоре рассматриваются традиционные жанры русской культуры. Л.В. Назарова анализирует частушку как показатель культуры звучащей речи в статье «Частушка как показатель культуры звучащей русской речи русского народа». Автор отмечает, что русская народная частушка является одним из наиболее массовых музыкально-словесных жанров. Тематика частушки, как правило, любовно-бытовая. Частушка – это отклик на события дня, обычно рождается как поэтическая импровизация. Частушке «свойственны обращения к определенному лицу или слушателям, прямота высказывания, реалистичность, экспрессия»¹. «В отличие от других песенных жанров фольклора, содержание которых ограничено определенным кругом тем и образов, тематический диапазон частушек поистине безграничен. В ней находит яркое выражение и острая публицистическая мысль, и интимное любовное

¹ Лазутин С.Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы: Учеб. пособие для вузов. – М., 1990. – С. 100.

чувство, и едкая, убийственная сатира, и мягкий дружественный юмор»¹.

В связи с разнообразием частушек вопрос об их классификации достаточно дискуссионный. В дореволюционных частушках учитывался тематический принцип, или принцип назначения и условия исполнения (хороводные, ходовые, плясовые). В антологии З.И. Власовой и А.А. Горелова используется территориальный принцип. В сборниках советского периода тематический принцип сочетается с хронологическим. В сборнике Л.А. Астафьевой выделяются: 1) дореволюционные частушки, 2) частушки советского времени, 3) частушки о любви, 4) частушки деревенских гуляний. Исследователь Н.П. Колпакова называет четыре типа частушек: 1) собственно частушки, 2) плясовые частушки, 3) «Семеновну» 4) «Страдания»². И.В. Зырянов выделяет восемь типов частушек: 1) лирические частушки, 2) гимнические частушки, 3) лозунговые частушки, 4) сатирические и юмористические частушки, 5) детские припевки, 6) частушки-припляски, 7) пословичные частушки, 8) нескладухи-перевертыши, 9) частушки-загадки³. А.И. Лазарев все лирические частушки подразделяет на: 1) частушку-исповедь, 2) частушку-характеристику, 3) частушку-ситуацию, 4) частушку-анекдот⁴. А.А. Горелов предлагает учитывать композиционные особенности частушки⁵.

Исследователи выделяют следующие характерные признаки частушки: 1) лиризм и народная песенность; 2) сжатая четырехстрочная стихотворная форма с перекрестно-концовочной рифмой; 3) субъективно-эмоциональная экспрессивность; 4) тематическое разнообразие; 5) злободневность; 6) народность языка. По мнению О.А. Мануйловой, цель народной частушки – в сжатой словесной

¹ Колпакова Н.П. Типы народной частушки // Русский фольклор. – М.; Л., 1966. – Вып. 10. – С. 266–288.

² Там же.

³ Зырянов И.В. О внутржанровой классификации частушек // Русский фольклор. – М.; Л., 1964. – Вып. 9. – С. 21, 122–131.

⁴ Лазарев А.И. Трудные темы изучения фольклора: учеб. пособие. – Челябинск, 1998. – С. 22; 178.

⁵ Горелов А.А. Русская частушка в записях советского времени // Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. Власова З.И., Горелов А.А. – М.; Л., 1965. – С. 5–27.

форме выразить и донести одномоментное переживание лирического героя или героини, их одномоментное отношение к происходящему и, как следствие, экспрессивно-оценочную одноплановость¹. Ключевыми словами в текстах частушки являются следующие: 1) слова, употребляющиеся в качестве эмоционально-экспрессивных обращений (*милый, милая, миленочек, дряля*); 2) слова, связанные с соперничеством; с обозначением неверности или нарушением контактов между партнерами; 3) слова, связанные с выражением душевных переживаний лирического героя и сильного огорчения; 4) слова, обозначающие черты характера лирической героини или героя (*гордая, боевая, озорная*); 5) междометия, непосредственно выражающие чувства героя (*ох, ах, эх*); 6) личные имена как ласкательные (Коля, Коленька) так и грубовато-фамильярные (*Манька, Дунька*); 7) личные и притяжательные местоимения (*я, ты, она, мы, вы; моя, мой, твоя, наши, ваши*).

Частушке как жанру свойственны обращения к определенному лицу, прямота высказывания, реалистичность, экспрессия. В русской частушке отражаются и диалектные черты северорусских говоров, южнорусских, говоров Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Е.И. Алифференко в статье «Частушка в контексте свадебного фольклора» отмечает, что частушка в условиях XX–XXI вв. оказалась наиболее адаптированным жанром народного творчества. Злободневность, гибкость, быстрота реакции на все происходящее – основные свойства бытования жанра, а также причина его долготлетия. Частушка детализирует жизнь, освещает разные грани ее проявлений, что способствует формированию тематических циклов, каждый из которых характеризуется устойчивой системой мотивов и образов. Частушка не знает обрядовых ограничений, она способна выйти за пределы стандартного образа. Даже типизируя, она находит способы выделить в общем частное, личное, неповторимое. Частушки свадебной тематики и жанры свадебного фольклора (песни и причитания) по-разному раскрывают тему семьи и брака, взаимоотношений невесты и ее новой родни. Классифика-

¹ Мануйлова О.А. Экспрессивно-семантическая структура русской народной частушки как жанра художественной речи и лексические средства ее формирования: Дис. ... канд. филол. наук. – Армавир, 2005. – 231 с.

ция частушек на свадебную тему помогает выявить ведущие направления цикла. Открывается он мотивом желаемого замужества:

*На стене висит пальто,
Меня не сватает никто.
А я выйду, закричу:
– Караул, замуж хочу!*

Отчаяние героини явно иронического свойства. Смеховой эффект несет заключительная фраза, вызывающая ряд ассоциаций, типа: «караул, горим!» или «караул, грабят!». В указанном контексте призыв о помощи выглядит комично. С общепринятой точки зрения девица в вопросе замужества должна быть терпелива, скромна и не выставлять подобные чувства напоказ.

Идеализированный образ жениха в произведениях свадебного фольклора («ясного сокола») разбивается о бытовизм частушки. Частушечный образ более реален, разработан в рамках конкретного жизненного пространства:

*Выйду замуж за цыгана,
Хоть родная мать убьет.
Карты в руки, шаль на плечи
И обманывай народ.
Или вот так:
Милый Шура из культуры –
Культурная вся семья.
Я за Шуру выйду замуж
Культурная буду я.*

Современная свадебная игра не знает строгой регламентации репертуара. Автор утверждает, что частушка свадебной тематики – относительно свободный жанр, не имеющий строгой обрядовой и региональной закреплённости. И тем не менее сам факт существования в саратовском песенном творчестве частушек на свадебную тему говорит о том, что сочинения данной направленности восполнили тот пробел, который наметился после разрушения обряда и исчезновения традиционных жанров свадебного фольклора.

С.Н. Глазкова в статье «Жанровое обновление русской афористики в сетевом фольклоре» замечает, что сегодня говорить о традиционном фольклоре все труднее, материал его ветшает, исторически изживается, однако формы и жанры смеховой культуры русских, взрослые и детские: драма, прибаутка, скороговорка, не-

былица, потешка, заличка, считалка, пословица, скороговорка, загадка, частушка, анекдот, приговорка, дразнилка, мирилка по-прежнему существуют. Среди фольклорных жанров, транслирующих смешное, в основном присутствуют малые жанры, краткие формы.

Самый серьезный из «веселых» жанров – пословица. Ироничность русской пословицы известна. Русский смех в пословице многолик: мягкий юмор (12, 14, 22); насмешливое наставление (1, 6, 11, 13), злая сатира (7, 10); высмеивание общественных пороков (29, 32); ирония над человеческими слабостями (2, 3, 5, 8, 15, 17, 22, 23, 27, 31, 32); беспощадное назидание-обобщение (4, 9, 16, 18, 19, 21, 24, 25, 28, 29).

(1) Что Бог не даст: либо выручит, либо выучит. (2) Брюхо – злодей: старого добра не помнит. (3) Если б не «если б», купил бы деревеньку и жил бы помаленьку. (4) Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет. (5) Охал дядя, на чужие деньги глядя. (6) Авось да небось такая подпора, хоть брось. (7) Бог ведает, кто как обедает. (8) Старые кости захотели в гости. (9) Сосед спать не дает: хорошо живет. (10) По мощам и елей. (11) Пришел марток, надевай двое порток. (12) Где блины, там и мы. (13) Хвались, да не поперхнись. (14) Не надеется дед на чужой обед. (15) Пошел проведать, да остался обедать. (16) Волк лияет, да нрав не меняет. (17) Солнышко на ели, а мы еще не ели. (18) Целых два чина: дурак да дурачина. (19) Голова с куль, а разума нуль. (20) Заморозило у проруби Фотей, а он кричит: «Потею!» (21) Дурак с дураком водились, друг на друга дивились. (22) Двое плешивых за гребень дерутся. (23) Кирила не отворачивает от чарки рыла. (24) У всякого праздника не без безобразника. (25) И от доброго отца родится бешена овца. (26) Милости прошу к нашему шалашу хлебать лапшу, а говядины после покрошу. (27) И медведь костоправ, только самоучка. (28) У злой Натальи все люди канальи. (29) В каждой избушке свои погремушки. (30) Церковь близко, да ходить склизко; Кабак далеконокко, да хожу потихоньку. (31) Кудакнула одна курица – узнала вся улица. (32) Три попа, да заросла в церковь тропа.

Предметом статьи являются фольклорные жанры смешного, пришедшие на смену паремии. Социальная сеть ВКонтакте объединяет более 70 тыс. групп любителей острого слова. Подписчики групп приколов, анекдотов, афоризмов исчисляются миллионами:

приколы – более 10 млн; четкие приколы – 8 млн; убойные приколы – 5 млн; цитаты и статусы – 3 млн; пирожки – 500 тыс.; анекдоты – 3 млн; демотиваторы – 1 млн; веселые открытки – 2 млн. Группы, интересующиеся народной афористикой, очень немногочисленны: пословицы, поговорки – 50 тыс.; русский фольклор – 9,5 тыс.; пословицы и поговорки – 9 тыс. Пословицы переосмысляются, морализаторство в них осмеивается как неискреннее, привнесенное сверху. А.В. Пешкова называет смеховой мир, который «пытается перевернуть иерархию, разрешить запреты, упразднить мораль», «пародией на существующую действительность»¹.

Пословицы модифицируются, осовремениваются: *Чем дальше в гипертекст, тем больше ссылок (Чем дальше в лес, тем больше дров). Всяк web-дизайнер свой сайт хвалит (Всяк кулик свое болото хвалит). Язык до провайдера доведет (Язык до Киева доведет). На то хакеры в Интернете, чтоб Microsoft не дремал (На то и щука в пруду, чтобы карась не дремал).*

На смену острой афористичной паремии приходят новые интернет-жанры смешного. В них преобразается форма комического, множатся мишени для сатиры. Воспитательная сила пословицы обесценивается, и нравоучительное трансформируется в развлекательное. Народная смеховая культура меняет обличье и является в одежде новых жанров афористики. Она, подобно средневековой двуликой культуре смеха, подчеркивает противостояние официальному, выступает от имени огромного демократического большинства. По мысли М.М. Бахтина, «этот смех направлен на самих смеющихся»². В сетевом фольклоре снимаются многие тематические и языковые табу, происходит демократизация и жаргонизация смешного. Приоритет получают такие малые жанры смешного, как приколы, в которых скепсис и шутовство сливаются. Доктрина морализаторства осмеивается с разной степенью противостояния

¹ Пешкова А.В. Русская смеховая культура: (Истоки и становление (XI–XVIII вв.)): Автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2004. – 24 с. – Режим доступа: <http://chloveknauka.com/russkaya-smehovaya-kultura> (Дата обращения 12.12.2017.)

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1965. – С. 15.

официозу от балагурства до глумления, от паясничанья до цинизма, от потехи до ерничанья, от скоморошества до скабрёзности.

Веди себя так, будто ты доверяешь людям, но никогда этого не делай.

Сейчас все жалуются, что тяжело найти любовь. Это вы еще работу не искали.

Моему сыну семь лет. Он говорит сегодня: Знаешь, почему собаки нас лизжут? Потому что у нас внутри кости.

Колкое острословие сплетается с интеллектуальной игрой, смешное в приколах становится «парадоксов другом»:

Даже снег, падая, продолжает идти.

Любой плохой день можно исправить одним хорошим человеком.

Не все, кого мы теряем, являются потерей.

Люди становятся близкими постепенно, чужими – мгновенно.

Выходной – это когда проснулся, позавтракал и уже стемнело.

В соответствии с гейм-мышлением современного человека ведется интеллектуальная игра по разгадыванию каламбуров, узнаванию прецедентных текстов.

В соответствии с цифровыми возможностями XXI в. происходит сенсорно-чувственное обогащение смешного: семантика шуток осложняется через видео- и звукоряд. Примерами визуализации смешного могут служить открытки, мотиваторы, демотиваторы.

В Сети размываются жанровые границы некоторых речевых феноменов, например, анекдота. Происходит его смешение с афоризмом, приколом, статусом. Классическая форма анекдота, каким его знают по бытованию в прошлом веке, деформировалась. Анекдот хранится в одной папке с приколами, статусами и пр.

– Вставай. Будильник звонит.

– Передай, что я перезвоню.

Это действительно анекдот. Однако в этой же папке «Анекдоты» лежат другого жанра шутки:

Спать на работе – грех, не для того вам там дан бесплатный Интернет!

Знаете, в чем отличие мужчины от женщины? Она заплачет – и забудет. А он нагуляется – и вспомнит!

Это действительно больше похоже на статус либо прикол. О статусах следует сказать отдельно. В них звучат отзвуки раскати-стого народного смеха:

Отдалась работе... Раньше думала, что за деньги, но по-смотрела на зарплату и поняла – нет... по Любви!

Черный юмор «пирожков», их нарочитая нескладность, подчеркнутая конфронтация с литературной традицией усиливает комизм четверостиший:

*врачи пересадили глеба
из скорой на асфальт шоссе
и с криком мы его теряем
умчались в ночь под вой сирен*

*способность говорить цензурно
вернулась где-то через час
но ты уже взяла билеты
и к маме ехала с детьми
просила Яна ожерелье
но не расслышал дед мороз
и ожирение в подарок
принес*

*Я человек своих иллюзий
Вот например одна иллюзь
Я дождь в засушливой пустыне
И льюсь*

В Сети рука об руку с назидательностью идет то шутовское и каламбурное, то сатирическое и скептическое, то глумливое и циничное, как, например, в приколе ниже.

И тогда я решила стать доброй, потому что поняла – па-тронов на всех не хватит.

В Интернете шедевры смешного соседствуют с пошлым, скабрёзным, сальным либо прямолинейным. Однако тиражируются, становятся по-настоящему популярными в общем потоке юмористической продукции чаще всего если не шедевры, то удачные шутки. Интернет-фольклор повторяет путь традиционного устного слова: отшлифовывается лучшее, отсеивается худшее.

Так и процесс архаизации малых традиционных фольклорных комических жанров двояк. С одной стороны, субституция назидательного увеселительным и отвлекающим стала фактом. Малосодержательное и зрелищное быстро делается ведущим компонентом жизни людей, подменяя нравоучительность. Нравственный аспект, традиционно важный для русских, постепенно, но неуклонно обесценивается. Пословица терпит национальное бедствие. Происходит историческая смена репертуара русской афористики. С другой стороны, национальное не исчезает бесследно в столь короткий срок, и новые жанры комического передают любовь русских к острому слову, насмешке и самоиронии. Феномен смешного в Интернете сегодня – это буйство юмора в самых разных оттенках.

А.В. Мугалимова в статье «Жанр похоронного причета в обрядовой культуре русского народа» отмечает, что среди традиционных жанров русского фольклора причет (причеть, причитания) является одним из самых древних типов песнопений. Именно похоронный причет, по мнению В.П. Аникина, Е.В. Барсова, Н.Н. Велецкой, В.И. Ереминой, Н.П. Колпаковой, А.А. Котляревского, Д.С. Лихачева, В.И. Смирновой, Н.И. Толстого, О.М. Фрейденберг, К.В. Чистова, является прародителем других видов обрядовых причетов. Интересно, что причитать профессиональные исполнительницы начинают не сразу, а только после того как принесут крест и иконы. Оплакивание начинается только через часа два после смерти, так как считается, что так можно «раскричать» человека. Публичность придавала причитаниям широкую огласку, вызывала общественный резонанс трагедии. Кульминационным моментом в обряде можно считать «прощание» покойного с домом: *«больше всево [причитают] как с дому выносят»* (ФЭЦ 2990–54), *«тогда уж тут – о! – кричишь как без пámети»* (ФЭЦ 2848–17). Общее звучание усиливалось, если причитали несколько человек одновременно, но это не является групповым исполнением причети, напротив, это наложение нескольких вариантов одного и того же плача: *«Вот уцпились все за гроб. И дети, две дочири. Я вот с ними, <...> и все мы арем. Сами ни слушаим чшаво друх друшку. А хто чшаво тока знает, тот причитаит»* (НЦНМ И. 2529–17). Причитания продолжались по дороге в церковь, а иногда даже в самой церкви. Тогда к звучанию плачей при-

соединялся погребальный колокольный звон, который сопровождал похороны по дороге из церкви на кладбище. Завершается обряд причитания на улице: исполнение приобретает более громкий и экспрессивный характер. Таким образом, причитания в похоронном обряде являются основным и важнейшим средством для воплощения трагического содержания.

Н.Е. Украинцева в статье «Эквиполентные оппозиции в фольклоре Южного Зауралья» рассматривает фольклор казаков Южного Зауралья – бывших новополинейных станиц Оренбургского казачьего войска (ОКВ), расположенных на территории нынешней Курганской области. Мифопоэтика моделирует мир с опорой на бинарные оппозиции, однако в фольклорное слово заложены не только противопоставления положительного и отрицательного, но и качественные различия в изображении тождественных явлений (эквиполентные оппозиции). Образные воплощения тех и других оппозиций в фольклоре тесно связаны, с их участием образуются и немифологизированные сюжеты и мотивы. Яркой иллюстрацией фольклорных эквиполентных оппозиций являются образы баллады о «дочке-пташке». Здесь оппозиция жизнь–смерть дает песенный образ дочери, выданной замуж и появляющейся возле родительского дома в виде поющей птицы. Родные братья не хотят видеть и слышать, как она жалобно поет, и даже грозятся ее убить, и только сердце матери подсказывает, что это дочка-пташка. В фольклоре казаков Южного Зауралья встречается несколько вариантов песни о дочке-пташке, записанных в разное время: в начале XX в., во второй его половине и в начале XXI в. Так, в с. Озерном вариант долго бытовал в качестве лирической песни (сюжетная линия баллады обрывается), хотя информанты сообщали, что раньше это пелось невесте, когда ее отдавали замуж в другое село: *«Калина-малина рано расцвела, | Не за ровню мамушка рано отдала | На чужую сторону, в дальние края. | Чужая сторонюшка | Без ветру сушит. <...> На родной сторонюшке три года не была – | На четвертый годочек пташкой улечу. | У родимой матери сяду в сад на веточку, | Песенку спою. | Не услышит ли мамонька мой голосок: | – Не мое ли дитячко жалобно поет?»*¹.

¹ Фольклорный архив Курганского госуниверситета. 1980. С. Озерное Звериноголовского района Курганской области. 13, № 9. (Записана в 1980 г. от Е.В. Вороновой; с. Озерное).

В.И. Еремина привлекает для анализа баллады множество ее славянских вариантов и приводит различные методологические подходы. Выявляет постоянные и переменные элементы сюжета, называет лежащие в его основе бинарные оппозиции: «этот» и «тот» мир, «своя» и «чужая сторона»¹. Делается вывод, что архаичной основой сюжета было табу, запрет вступления в контакт с лиминальным существом (меняющим статус в социокультурной структуре, находящимся в промежуточном состоянии, регламентируемом ритуалами² и предохранение от этого существа, в данном случае, от птицы – вестницы из «иног» мира. Сюжет песни явно навеян мифом или сказкой, сохранившей этот архетип. В.И. Еремина пишет: «Было установлено, что данные баллады бытуют, прежде всего, как необрядовые, свадебные и даже похоронные»³. Причина такого бытования кроется не только в использовании архетипа запрета. Противопоставление «своя» и «чужая» сторона активно развивается с обрядностью, таким образом, бинарные оппозиции дают эквивалентные образы: в вариантах баллады идет речь о живых как мертвых и о мертвых как живых. Именно поэтому птица в балладе не только дочка, принявшая такой облик, чтобы навестить родное гнездо, но и вестница с «того» света, опасное существо, поскольку после замужества она приобрела другой статус (ритуально «умерла»), и возврат к жизни в девичестве невозможен. Ее не приветствуют, не приглашают в дом, а брат с целью отпугивания грозит убить. Таким образом, в фольклоре, в лиминальной ситуации, реальное становится нереальным, жизнь – смертью, люди теряют человеческий облик. В крае известна обрядовая свадебная песня «Реченька» (изначально, по-видимому, причет) невесте-сироте, которая перед свадьбой поминала усопших родителей. Обращение сироты к реченьке воспринимается исполнителями и слушателями как грустное обращение невесты к силам природы реального мира, к родным рекам Тоболу или Ую, о чем свидетельствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы (речка, реченька): «*Ох ты, река, речка быстрая, |*

¹ Еремина В.И. *Художественный мир народной поэзии.* – СПб., 2016. – С. 5–32.

² Геннеп А. *Обряды перехода.* – М., 1999. – 64 с.

³ Еремина В.И. *Художественный мир народной поэзии.* – СПб., 2016. – С. 31.

Ты текешь, моя реченька...». Но далее текст подсказывает, что река эта необычна, она течет, но не «скольбнется», и если всколыхнется, то потечет не в русле, а в определенном значимом месте: «Ой, ты текешь, моя реченька, да, | Ты текешь, не скольбнешься, да. | Скольбнулась реченька, да, | К одному круту бережку, да, | К Александре на улочку, да. | Ой, чисто улочка выметена, да, | Полна горница гостей названа, да, | Нет родимого батюшка»¹. Перед нами не что иное, как образ реки, уносящей в мир иной. Невеста навсегда прощается с жизнью в родительском доме, поэтому, чтобы попросить благословления у батюшки, она соприкасается с рекой, которая уносит в мир мертвых. В другом варианте песни идет диалог, и речка отвечает: «Отчего мне колыхаться – | Нет ни ветру, нет ни вихорю, | Нет погоды полуденною», т.е., она всегда холодная, течет там, где нет движения воздуха². Так качественные различия в изображении природы приоткрывают древние верования, с ними увязывается дань памяти родителей.

Н.В. Шестеркина в статье «Антропоцентризм и антропоморфизм березы» отмечает, что антропоцентризм декларирует такое восприятие вселенной, когда «человек есть мера всех вещей» (согласно философу Протагору, V в. до н.э.). Антропоцентрическая модель мира предполагает, что человек есть средоточие вселенной и цель всех совершающихся в мире событий, центр и высшая цель мироздания.

Другой важнейший аспект – человек как код, как инструмент познания мира. Антропоморфизм в широком смысле подразумевает наделение объектов внешнего мира не только его прямыми чертами, но и атрибутами, формами и свойствами всего человеческого мира, всего, что создано человеком вокруг себя.

Дерево и человек часто описываются с помощью одних и тех же понятий и признаков, символизируют и даже заменяют друг друга в сходных, языковых и обрядовых. В традиционной культу-

¹ Иванов-Балин Г.И. Русские народные песни Зауралья: Для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд. / Предисл., авт. рец. Ю.Е. Красовская. – М.: Советский композитор, 1988. – 200 с.

² Сторона ли ты, моя сторонюшка: Сб. народных песен из репертуара казачьего ансамбля станицы Звериноголовской / Сост. Ю.В. Скворчевский, отв. ред. Л.А. Саверский. – Курган, 2003. – № 4. – 60 с.

ре и фольклоре жизни (и судьбы) человека и дерева могут быть параллельны друг другу (как растет дерево, так растет и человек). Внешне дерево подобно человеку. Если это женское дерево, то эпитеты дерева подчеркивают его женственность, красоту и пр. Частям тела человека соответствуют части дерева, например, ветви – руки, вместо вершины – голова. Деревьям приписываются свойства человека и шире – некоего раздающего здоровье существа, которое следует лишь хорошо попросить о чем-либо.

Образ мирового дерева выступает одним из олицетворений мировой оси, аналогии мирового столпа, мировой горы, символом центра мира. Три космические сферы ассоциируются с тремя частями дерева: *нижний мир* – его корни (*преисподняя*), *земля* – ствол, *крона* – *небеса*. Горизонтальная структура дерева указывает на четыре стороны света, соотносясь с квадратом, она моделирует числовые и пространственные отношения, времена года, части суток, стихии.

В качестве эмпирического материала автором используются народные загадки о березе из сборника под редакцией В.В. Митрофановой¹.

Как и для любого явления природы, для березы характерен 1) природно-ландшафтный код: *на поле на Арском; зелена, а не луг; на полянке девчонки*; 2) биоморфный код: *Дерево; летом цветет*; 3) перцептивный код (зрительный подкод: *Хоть малая, хоть большая; Летом мохнатенька, зимой суховатенька*); *хохлушка*; цветовой подкод: *столбы белы, шапки зелены; шапочки зелены; зелена, а не луг, / бела, а не снег; В белых рубашонках, / В зеленых полушалках; Церковь белена, кисти зелены; аудиоподкод: где стоит, там и шумит*; тактильный подкод: *зимой греет*); 3) артефактный код: *Рубище татарское* (одежда из грубой, толстой ткани); *шапки; шапочки зелены; В белых рубашонках, / В зеленых полушалках*; 4) архитектурный подкод: *Столбы белы; столбы белены; церковь белена; изба белена, а маковка зелена*; 5) духовный код – *церковь, маковка* (верхушка церкви); 6) антропоморфный код: *девица, молодница; девчонки; Летом хохлушка, зимой молодница*, включая и антропонимы – *Федосья; Фома, Филарет*; соматический код: рас-

¹ Загадки / Сост. Митрофанова В.В. – Л., 1968. – 255 с.

пустив *волосья*; Кудрява, а не *голова*; две *кожи*; потечет *слеза*;
7) временной код: *зима – лето, весна*.

Итак, проведенный анализ подводит к заключению, что безреза – символ современной России – имеет много общего с человеком и делает много добра для человека, согласуясь с антропоцентричностью и антропоморфностью.

Д.М. Бычков в статье «О возрождении агиографической традиции в современной литературе» утверждает, что жития святых становятся для писателей нашего времени объектом дискурсивных репрезентаций. Подобные произведения как явление современной прозы нуждаются в определенной интерпретации. При этом основной подход, который необходимо использовать при их литературоведческом анализе, естественно, должен быть связан с принципами когнитивно-дискурсивного подхода к филологическому анализу и интерпретации художественного текста.

Кроме того, актуализация житийной традиции в новейшей прозе порождает особый тип дискурсивной практики в русской литературе – агиографический дискурс, природа которого определяется не только индивидуально-авторским замыслом писателя (об этом мы говорили выше), но важно учитывать, что рецепция этого дискурса во многом зависит от характера читателя и его статуса в контексте современной культуры.

Подобное обновление литературного дискурса не было бы возможно, если бы не происходили принципиальные изменения в российской культуре, в структуре общества – все большее количество людей приобщается к Православной Церкви. С начала 1980-х годов появилась большое количество «пересказов» духовных источников, в том числе и Евангелия для неопитов. Римейк священного текста, как и житийного сочинения в принципе не возможен, но концептуальное обновление предтекста позволяет иначе интерпретировать сюжет и идею в контексте современной культуры.

В современной прозе древнерусская житийная традиция, дошедшая до нас в амальгаме форм авторских рецепций и разностадиальных в русской культуре интерпретаций в предшествующие литературные периоды, обусловила функциональные характеристики специфического агиографического дискурса, природе которого и посвящена настоящая монография.

Образовавшийся культурный контекст становится определяющим фактором для появления «неоагиографических» произведений, модифицирующих древнерусский предтекст. Следствием наметившегося в современной литературе курса становится естественным фактом, что житийная традиция особо проявляет свой характер в плоскости жанров современной публицистики, в жанре очерка, в формате парафразы, в становлении нового жанра – «агиоромана». Актуализация традиции способствует реанимации кодов восприятия житийной прозы.

А.В. Кляузер в статье «Категории пространства и времени в устных рассказах ветеранов-афганцев» обращается к такому жанру фольклора, как устный рассказ о былом (меморат). Несмотря на индивидуальность восприятия, в рассказах разных людей можно обнаружить созвучные истории и схожую оценку событий. Следовательно, существуют общие механизмы отбора информации. Постараемся выявить их на материале устных рассказов офицеров, принимавших участие в боевых действиях в Афганистане в 1979–1989 гг.

Устные рассказы воинов-интернационалистов имеют типологическое сходство с воспоминаниями ветеранов Великой Отечественной войны (в обоих случаях предмет повествования становятся военные реалии и отношение к ним). Л.В. Домановский, исследуя устные рассказы участников Великой Отечественной войны, делает вывод о форме их повествования, которая и отражает механизмы отбора: «Большинство рассказов Великой Отечественной войны носит характер воспоминаний. Иногда они развернуты в широкие мемуарные повествования, в которых говорится о целой цепи событий. Но чаще рассказ сосредоточивается только на одном жизненном эпизоде, памятной встрече или событии, поразивших рассказчика своей необычностью, яркостью или типичностью»¹.

Для рассказов ветеранов-афганцев характерно традиционное деление пространства на «свое» и «чужое». Вступление на территорию другой страны отражается в сознании военных как переход в другой мир: *«Никогда не забуду, как мы пересекали речку: на*

¹ Домановский Л.В. Устные рассказы // Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. Гусев В.Е. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 198.

этой стороне Советский Союз, а там уже Афганистан» (зап. в 2017 г. Кляузер А. от А.В. Корчагина – в 1982–1983 служил в Афганистане – г. Чебаркуль).

Ю.И. Корсакова в статье «Дискурсивные маркеры установления контакта в сказах П.П. Бажова» исследует дискурсивные маркеры (*слышь, смотри, гляди, вишь, знаешь, понимаешь*). Лингвистическое своеобразие наследия П.П. Бажова, особенно диалектная и народно-разговорная стихия в его произведениях, детально проанализировано в фундаментальном справочнике «Бажовская энциклопедия» (2007). Языковой потенциал бажовских сказов не исчерпывается диалектизмами и регионализмами. Имитация спонтанной устной речи в рамках данного жанра предопределила его диалогичность. Так, Б.О. Корман отмечает, что «рассказчик в сказе не только субъект речи, но и объект речи»¹, что подразумевает «двухголосый» характер повествования.

Именно диалогичность определяет значимость исследования дискурсивных маркеров, присущих жанру сказа. В частности, большой интерес представляют маркеры, с помощью которых рассказчик устанавливает контакт со слушателем. Чаще всего данные единицы выражены так называемыми контактными глаголами – «группу глагольных форм с ослабленной семантикой, регулирующих речевое взаимодействие между участниками коммуникации (от привлечения внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержания речевого контакта в течение разговора и до доведения его до логического завершения) и выполняющих в речевом акте различные прагматические задачи»².

В сказах П.П. Бажова выявлено более 160 употреблений контактных глаголов, представленных формой 2-го лица единственного числа или императивом. Все дискурсивные маркеры (*слышь, смотри, гляди, вишь, знаешь, понимаешь*) соотносятся с категорией несовершенного вида. Императивы несовершенного вида (*слышь, смотри, гляди*) в тексте П.П. Бажова выражают пози-

¹ Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / Предисл. и сост. Чулков В.И. – Ижевск, 1992. – С. 60.

² Маслова Е.Р. Функционирование контактных глагольных форм в русской устной речи: Вып. квалиф. работа ... магистра лингвистики. – СПб., 2016. – С. 38–39.

тивную вежливость, поскольку рассказчик в жанре сказа настроен на вовлеченность слушателя в диалог, сближение с ним.

При обращении к контактными глаголам слухового восприятия было выявлено 56 случаев употребления формы *слышь-ко*. Любопытно, что форма *слушай* не встречается в текстах сказов Бажова ни разу.

Дискурсивный маркер *слышь-ко* создает доверительную тональность сказа, сокращает дистанцию между рассказчиком и слушателем. С точки зрения синтаксической позиции *слышь-ко* никогда не стоит в абсолютном начале предложения и, как правило, разделяет тему и рему (*Она, слышь-ко, научилась шелками да бисером шить. Они, слышь-ко, хитрость одну знали – руду с солью варить. Не продал их, слышь-ко, никому, тайно от своих сохранял, с ними и смерть принял.*). Такое положение способствует активизации внимания слушателя, поддерживает его интерес к повествованию. Желание слушать стимулируется также смягченной формой императива, неизменно употребляемого с постпозитивной частицей *-ко*. При этом у других глаголов возможны вариации: *смотри, смотри-ка* и *смотри-ко*; *гляди, гляди-ка* и *гляди-ко*. Безальтернативность *слышь-ко* фиксирует внимание на контексте употребления и позволяет почувствовать рассказчика.

Контактоустанавливающие глаголы с исходной семантикой зрительного восприятия в сказах Бажова представлены весьма широко. К ним относятся дискурсивный маркер *смотри* – 20 примеров (включая *смотри-ка* и *смотри-ко*), *гляди* – 21 пример (включая *гляди-ка* и *гляди-ко*), *вишь* – примеров употребления (включая *вишь-ты*).

Частотный и семантический анализ глаголов *слышь-ко*, *смотри*, *гляди*, *вишь*, *понимаешь* и *знаешь* дает основание утверждать не только важность категории слушателя в сказах, но и близость его к рассказчику. В речи персонажей произведений рассмотренные дискурсивные маркеры используются как с целью привлечения внимания, так и для того, чтобы сделать правильный выбор слова и заполнить паузы гезитации.

М.В. Загидуллина в статье «Журлор: как работают механизмы фольклоризации информационного пространства» рассматривает современную форму фольклора в журналистской среде – журлор. В основе понятия лежат механизмы распространения ин-

формации, само циркулирование информации в определенной форме в современной информационно-технологической среде. В статье особое внимание уделяется следующим моментам: 1) актором фольклорного явления становятся не отдельные языковые личности и сознания, а организации (редакции СМИ; конкретные журналисты, действующие от их лица, исполняют действия, предписанные им организацией и правилами ее существования в информационном пространстве); 2) действия редакций обусловлены процессами медиатизации – в определенном смысле, это «медиатизация второго порядка», когда сами СМИ оказываются «понижены» в информационных процессах до уровня обычного рядового пользователя – участника коммуникации, а то, что ранее делало их эксклюзивными обладателями доступа к информации, утрачено (уникальная в прошлом возможность доступа к собственно тиражированию информации – каналу эфира или печатному станку – подменено сейчас всеобщей цифровизацией и технологиями интернет-коммуникации, которые делают наличие технической оснащённости редакций второстепенным и даже ненужным, архаичным; во всяком случае, точно не влияющим на популярность и востребованность в аудитории; некоторое исключение можно сделать для программ телевидения, однако в части новостной повестки они тоже уступают Интернету). Редакции СМИ, для которых в недавнем прошлом самым важным было «завести свой сайт», сегодня оказываются в ситуации плотной конкуренции не столько с другими СМИ, сколько с разрозненными и все более разнообразными акторами интернет-коммуникации – непрофессиональными каналами, отдельными пользователями, коллективами, которые больше не нуждаются в сложной официальной институционализации (как полноценная редакция СМИ). В этих условиях редакция СМИ живет по законам вторичной медиалогии – чтобы ее сообщение было услышано аудиторией, она должна а) быть первой в передаче сообщений, имеющих высокий потенциал аккумуляции внимания аудитории; б) в принципе быть в числе тех, кто транслирует даже не первым «модные» новости; в) подстраивать контент своего издания под интересы массовой интернет-аудитории; 3) на практике СМИ сегодня образуют полилог коллективных «индивидуальных голосов», звучащих на одном информационном поле, подобном средневековой базарной площади.

В статье отмечается, что попадающая в информационное пространство новость немедленно передается всеми другими СМИ под воздействием двух основных факторов: 1) фактора времени (как можно быстрее); 2) фактора уникального текстового сообщения (чтобы поисковики не теряли эту информацию в выдаче). В результате возникает феномен «СМИ-судачения»: одно и то же сообщение появляется в интернет-пространстве в десятках «форм»; авторы ищут собственный способ подачи новости, а следовательно, остальные журналистские действия (например, фактчекинг), отодвигаются на второй план.

В статье приводится следующий пример. Поисковик при выборе раздела «Новости за 24 часа. Челябинск» (дата обращения – 13 января 2018 г.) выдает 64 источника по новости об исчезновении ребенка.

Ниже приведены заголовки только 21 ресурса:

1. *В Челябинске по пути в школу пропал 13-летний мальчик*
2. *В Челябинске ищут мальчика, который ушел в школу и не вернулся*
3. *В Челябинске ищут пропавшего по пути в школу подростка*
4. *13-летний мальчик пропал по пути в школу в Челябинске*
5. *В Челябинской области пропал ребенок*
6. *13-летний ребенок пропал по пути в школу в Челябинске*
7. *В Челябинске разыскивают 12-летнего мальчика*
8. *В Челябинске третьи сутки ищут 13-летнего ребенка*
9. *На Южном Урале третьи сутки разыскивают 12-летнего ребенка*
10. *В Челябинске ребенок пропал по дороге в школу*
11. *В Челябинске 2-й день ищут пропавшего ребенка*
12. *СРОЧНО! 12-летний парень не дошел до школы*
13. *Челябинский школьник третий день не может добраться до дома*
14. *В Челябинске ищут 13-летнего Ваню, который ушел в школу два дня назад и не вернулся*
15. *Школьник пропал по дороге в школу. С черной сумкой на ремне*
16. *На Южном Урале третьи сутки разыскивают 12-летнего мальчика*

17. *В Челябинске по пути в школу пропал тринадцатилетний парень*

18. *Не дошел до школы: в Челябинске пропал 12-летний мальчик*

19. *В Челябинске разыскивают 12-летнего ребенка*

20. *13-летний парень пропал по пути в школу в Челябинске*

21. *Не дошел до школы: в Челябинске пропал 12-летний парень*

На этом примере можно увидеть, как происходит формирование новости: каждому автору важно придумать, как одно и то же донести иными словами (разные способы указания на возраст ребенка, а также широкое использование контекстных синонимов – школьник, парень, мальчик, ребенок). Ни один из этих заголовков не повторяет другие в точности (и именно поэтому попадает в выдачу). При этом авторам важно «подать» новость так, чтобы читатель зашел именно на их сайт (отсюда, например, вынесение главной «негативной» части в самое начало фразы – «Не дошел до школы»).

Список литературы

1. Назарова Л.В. Частушка как показатель культуры звучащей русской речи русского народа // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 37–40.
2. Алиференко Е.И. Частушка в контексте свадебного фольклора // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 8–10.
3. Глазкова С.Н. Жанровое обновление русской афористики в сетевом фольклоре // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 10–14.
4. Мугалимова А.В. Жанр похоронного причета в обрядовой культуре русского народа // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 33–37.

5. Украинцева Н.Е. Эквивалентные оппозиции в фольклоре Южного Зауралья // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 46–49.
6. Шестеркина Н.В. Антропоцентризм и антропоморфизм березы // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 66–69.
7. Бычков Д.М. О возрождении агиографической традиции в современной литературе // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 74–79.
8. Кляззер А.В. Категории пространства и времени в устных рассказах ветеранов-афганцев // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 95–97.
9. Корсакова Ю.И. Дискурсивные маркеры установления контакта в сказах П.П. Бажова // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 151–154.
10. Загидуллина М.В. Журлор: Как работают механизмы фольклоризации информационного пространства // 8-е Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: Ренессанс базовых ценностей?»: Сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: В 2 ч. – Челябинск, 2018. – Ч. 1. – С. 17–20.

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

2019.02.015. ФЕРНАНДЕС А.Г. ВСЕМИРНАЯ СЕТЬ КАК КОРПУС ДАННЫХ.

FERNÁNDEZ A.G. La web como corpus: Un esbozo // *Lengua y Habla*. – 2017. – N 21. – P. 126–150.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; компьютерная лингвистика; автоматическая обработка текста; обработка естественного языка; Интернет; Всемирная сеть.

В статье А.Г. Фернандес представлен обзор современных подходов к описанию Всемирной сети¹ как корпуса данных. В работе описываются позиции таких ученых, как А. Килгаррифф и Г. Гrefенштедте², М. Хундт³, У. Флетчер⁴, Д. Кристалл⁵ и др. Сопоставляя принципы построения и диапазон применения традиционных корпусов и Всемирной сети, автор статьи приходит к выводу, что использование сети в качестве корпуса данных имеет ряд преимуществ.

Появление всемирной сети Интернет значительно способствовало развитию коммуникации, экономическому и научному прогрессу, в целом, и развитию лингвистического знания, в частности. Благодаря большому объему текстов, доступных в Сети, их актуальности и простоте обработки стали активно развиваться такие лингвистические направления, как корпусная лингвистика и компьютерная лингвистика, в которых отдельно выделяется обработка

¹ Для обозначения одного явления автор использует следующие обозначения: Всемирная сеть (World Wide Web), Сеть, всемирная сеть Интернет, Интернет. – *Прим. реф.*

² Kilgarriff A., Grefenstette G. Introduction to the Special Issue on the Web as Corpus // *Computational linguistics*, 2003. – Vol. 29 (3). – P. 333–347. – Mode of access: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=964752>; Kilgarriff A. Web as corpus // *Proceedings of the Corpus linguistics Conference (CL 2001)*. Univ. Centre for computer research on language technical paper. – Lancaster, 2001. – Vol. 13, Spec. iss. – P. 342–344. – Mode of access: <http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2003/CL2001%20conference/papers/kilgarri.pdf>.

³ *Corpus linguistics and the web* / Ed. by Hundt M., Nesselhauf N., Biewer C. – Amsterdam; Atlanta, 2007. – 312 p.

⁴ Fletcher W.H. Facilitating the compilation and dissemination of ad-hoc Web corpora // *Corpora and language learners* / Ed. by Aston G., Bernardini S., Stewart D. – Amsterdam, 2004 a. – P. 271–300.; Fletcher W.H. Making the web more useful as a source for linguistic corpora // *Applied corpus linguistics: A multidimensional perspective* / Ed. by Connor U., Upton T. – Amsterdam, 2004 b. – P. 191–205.; Fletcher W.H. Concordancing the web: Promise and problems, tools and techniques // *Corpus linguistics and the web* / Ed. by Hundt M., Nesselhauf N., Biewer C. – Amsterdam, 2007. – P. 25–46.; Fletcher W.H. Corpus analysis of the world wide Web // *Encyclopedia of applied linguistics* / Ed. by Chapelle C. – L., 2012. – DOI: 10.1002/9781405198431.wbeal0254. – Mode of access: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=098072500C15FBA6E587DABEC8C7BF94?doi=10.1.1.360.9984&rep=rep1&type=pdf>

⁵ Crystal D. *Language and the Internet*. – Cambridge, 2003. – 272 p.

естественного языка, извлечение информации, семантический анализ текста и другие языковые технологии. Таким образом, всемирная сеть Интернет открывает новые горизонты и предоставляет большое количество языкового материала для исследований в области лингвистики.

В настоящее время сформировалось два подхода в отношении использования Интернета в корпусной лингвистике. В первом Интернет рассматривается как неисчерпаемый *источник языковой информации*, которую можно напрямую использовать для исследования функционирования и использования языка. То есть предполагается, что Интернет является корпусом данных (*the web as corpus* – p. 127). Второй подход предлагает использовать Сеть в качестве *источника текстового материала* для создания общих и специальных корпусов данных, предназначенных для анализа языковых явлений (*web for corpus* – p. 133).

Автор статьи уделяет большое внимание первому подходу, т.е. рассмотрению всемирной сети Интернет как огромного, постоянно изменяющегося и расширяющегося корпуса языковых данных. Автор выделяет следующие преимущества данного подхода:

- большую представленность лексических и морфологических единиц, грамматических явлений, в том числе и новых, только возникающих и еще и не закрепившихся в языке;
- представленность различных вариантов языка;
- появление новых жанров и субжанров;
- небольшие экономические издержки на лингвистические исследования с использованием интернет-данных;
- возможность изучения «языка Интернета»¹.

К недостаткам использования Сети как корпуса данных автор относит неготовность современных поисковых систем выполнять роль интерфейса данного корпуса, закрытость некоторых материалов и непостоянный характер получаемых результатов исследований ввиду динамической природы самого корпуса.

¹ Автор ссылается на работу Crystal D. *Language and the Internet*. – Cambridge, 2003. – 272 p., в которой вводится понятие «язык Интернета» («netlish», «Internet language», «cyberspeak», «electronic discourse», «electronic language», «interactive written discourse») о «computer-mediated communication (CMC)». – *Прим. реф.*

В статье подробно обсуждаются следующие характеристики Интернета как корпуса: аутентичность (р. 136–137), репрезентативность (р. 137–139), объем (р. 139–141), содержание (р. 141–144), а также вопросы авторского права (р. 144–145).

Аутентичные тексты, представленные в Сети, в большинстве своем являются продуктом каждодневной деятельности человека и характеризуют актуальное состояние языка.

Репрезентативность является одним из основных условий, необходимых при создании текстового корпуса. Она позволяет эмпирически формулировать и доказывать гипотезы и изучать отклонения. Интернет как корпус является репрезентативным, т. к. включает тексты как традиционных, так и новых, не до конца сформированных жанров (например, блог, чат, форум и т.д.).

Объем Сети как корпуса на несколько порядков превышает объем традиционных корпусов, что обеспечивает представленность и позволяет изучать даже малораспространенные языковые явления и дает исследователю возможность шире взглянуть на рассматриваемую задачу.

Содержание Сети как корпуса охватывает материалы на различных языках, разнообразные темы, регистры и жанры.

Спорным остается вопрос об *авторском праве* в Интернете. В отличие от традиционных корпусов в Интернет как корпус входят только те тексты, которые находятся в открытом доступе. В связи с этим исследователь (составитель корпуса) ограничен в возможностях лишь в меньшей мере, чем создатель поисковой интернет-системы (web-crawler – р. 129).

Обобщая все вышесказанное, автор делает прогноз о будущем Сети как корпуса: развитие компьютерных технологий продолжится, что повлечет за собой качественное изменение инструментов обработки текста. Это позволит развивать уже существующие и создавать новые междисциплинарные исследовательские и конструкторские проекты на стыке лингвистики и информационных технологий.

Е.В. Майорова

НЕЙРОЛИНГВИСТИКА

2019.02.016. В.В. ПОТАПОВ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ЭЛЕКТРОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАБОТЫ МОЗГА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВОСПРИЯТИЮ РЕЧИ В МОНО- И ПОЛИКОДОВОМ РЕЖИМАХ. (Обзор).

Ключевые слова: речевые и иконические жесты; перцептивно-слуховой анализ; родной (L1) и неродной (L2) языки реципиента; электроэнцефалография (ЭЭГ).

Известно, что аудиторы-носители языка при нейронной обработке, поступающей на вход системы восприятия поликодовой информации, объединяют два канала: слуховой и зрительный, т.е. наряду с речевыми сигналами задействованы жестовые сигналы, что, по мнению авторов исследования (1), может привести к эффекту снижения порога понимания собственно речевого высказывания. Вместе с тем правомерна постановка вопроса относительно специфики нейронной обработки поликодовой информации испытуемыми (в данном случае аудиторами), не являющимися носителями языка, на котором реализуется коммуникация. Какую роль играет в этом случае зрительный канал реципиента? Каким образом фиксируется на нейронном уровне обработки поликодового сигнала испытуемым, не являющимся носителем языка поступающего на вход системы восприятия суммарного сигнала, речь и жесты?

Для продвижения по пути исследования в данном направлении была проведена серия экспериментов с привлечением ЭЭГ. Предъявляемые реципиентам-носителям языка и реципиентам, не являющимися таковыми, видеоролики содержали различные способы передачи информации: речь (например, глагол движения без соответствующего сопровождающего жеста и тот же речевой стимул с соответствующим сопроводительным *жестом*, обозначающим *движение*). Кроме того привлекался третий вариант предъявляемого стимула: речевой сигнал и *жест*, не совпадающий с глаголом движения (не жест движения, сопровождающий в первом случае произнесение глагола движения, а жест, соотносящийся с действием «пить»).

В проведенном исследовании рассмотрено, каким образом реализуется нейронная обработка сигнала восприятия монокодовых и поликодовых стимулов реципиентами-носителями языка и не являющимися таковыми. В ходе исследования удалось обнаружить следующее: несмотря на то, что испытуемые-носители языка (группа I) и испытуемые, не являющиеся таковыми (группа II) продемонстрировали сходные поведенческие реакции, полученные результаты на основе ЭЭГ имели ряд различий и показали, что испытуемые I-й группы и II-й группы в своих реакциях интегрируют (совмещают) речь и жесты по-разному. Это относится как к эксперименту с совпадением речевого и неречевого знаков, так и к эксперименту при условии несовпадения этих знаков. При ухудшении условий предъявляемого речевого стимула происходит переориентация обеих групп испытуемых на нейронную обработку жестового стимула. В некоторых случаях переориентации на нейронную обработку вызывала эффект прогнозирования семантики слова, что вело к увеличению нейронных ресурсов. Учет изменения значений амплитуды нейронного показателя на ЭЭГ позволил выделить ступенчатые различия в нейронной реализации в зависимости от условий эксперимента: несоответствие речевого и двигательного стимулов характеризуется максимальной амплитудой N 400, далее располагается по нисходящей: унифицированное соответствие, резкое несоответствие и полное совпадение. В связи с этим предполагается, что увеличение нейронной активности вызвано передачей семантической жестовой информации, что в свою очередь приводит к аддитивному эффекту обоих видов стимулов (речи и жеста).

Выявлено также, что для результатов анализа группы II свойственна ограниченная обработка слуховых образов, что приводит к увеличению нейронной активности визуальных центров, используемых при обработке изображения, вводимого в проводимые эксперименты.

Лингвисты-физиологи в более ранних исследованиях правого полушария головного мозга приводят данные по активации чувствительности при интеграции речи и жестов. При этом обнаружена разница при использовании и обработке семантической информации с жестом и без жеста. Для группы I (испытуемые – носители аналогичного языка) и группы II (не являющиеся носи-

телями анализируемого языка) достаточно надежно реализуются данные ЭЭГ относительно правополушарной активации для вышеуказанных условий. Для группы II полученные показатели ЭЭГ при вводе в эксперимент жестового знака увеличиваются ввиду меньшей степени использования вербально-семантической информации. Речевой сигнал в данном случае, по мнению авторов исследования, участвует в нейронной обработке поступающей поликодовой информации в меньшей степени. Вместе с тем этот процесс может протекать по-разному в зависимости от степени подготовки испытуемых с учетом их профессионального, семантического контекста, способа совмещения речи и жеста.

Статья (2) посвящена описанию экспериментального исследования, посвященного выявлению степени влияния на головной мозг стимулов, соотносящихся с факторами их перцептивно-слухового восприятия, а также понимания на лексическом уровне. В основу исследования положено использование одного из электрофизиологических методов изучения органических функций, основанных на регистрации биопотенциалов, возникающих в тканях живого организма (в данном случае мозга испытуемых) спонтанно или в ответ на внешнее раздражение, что соотносится с задачей исследования. С помощью ЭЭГ регистрировались изменения степени силы активации биотоков головного мозга в процессе реакции на речевые стимулы: вербально аутентичные и вербально частично известные реципиентам.

Предполагалось, что устно-речевое общение на родном и неродном языках оказывает влияние на изменение биопотенциалов мозга как применительно к перцептивно-слуховой системе, так и к глубинной лексической обработке речевого сигнала. Электроэнцефалографические записи были получены в процессе использования материалов беседы коммуникантов-носителей английского языка (группа 1), носителей корейского языка (группа 2), носителей английского языка со знанием корейского языка (группа 3) и носителей корейского языка со знанием английского языка (группа 4). Кроме того, условия эксперимента были усложнены с помощью ввода в эксперимент негативного фонового эффекта – беседы иных присутствующих при этом коммуникантов, затрудняющих восприятие речевой коммуникации говорящими – основными участниками эксперимента. В ходе исследования непосредственно

измерялась энергия изменения ЭЭГ биопотенциалов испытуемых с параллельной синхронизацией записи ЭЭГ и акустической огибающей уровня интенсивности речевого сигнала. В процессе проведения эксперимента было обнаружено влияние стимулов, реализованных на родном и на неродном изучаемом языке, на изменение ЭЭГ биопотенциалов испытуемых. На данном этапе группы испытуемых включали представительниц женского пола в возрасте до 35 лет: 14 – для корейского языка и 12 – для английского языка. Интерферирующая речь была представлена группой носителей корейского языка (Южная Корея), изучавших английский язык в школе и никогда не живших в Великобритании.

Экспериментальные вербальные стимулы, использованные для перцептивно-слухового анализа, включали 720 пар высказываний, которые предъявлялись испытуемым как бинаурально, так и моноурально. В процессе эксперимента на базе ЭЭГ испытуемые реагировали на стимул путем нажатия специальной кнопки. Длительность межстимуляционных интервалов варьировала от 1,5 до 1,7 с.

Результаты эксперимента позволили обнаружить следующее: усиление величины ЭЭГ-активности головного мозга при нейронной обработке значений реакции испытуемых, не являющихся носителями языка, но обладающих определенными знаниями этого языка в интерференционно-акцентуированной форме, проявляется достаточно регулярно. Для носителей языка была характерна картина, также свидетельствующая об увеличении ЭЭГ-активности в определенной степени в связи с восприятием акцентуированной речи. Что же касается лексической обработки речи, то было установлено, что активность нейронных реакций в формате ЭЭГ также увеличивалась.

Однако в данном исследовании не учитывались такие факторы, как степень беглости речи в рамках предъявляемого стимула, наличие пауз в высказывании, эффект замедления скорости артикуляции при речевом формировании стимула, что также могло оказать существенное влияние на характер формирования биопотенциалов мозга в процессе перцептивно-слуховой обработки сигнала. При обращении к лексической составляющей задача усложняется наличием знакомой и незнакомой лексики, что зависит от степени прогнозирования смысла в целом.

Таким образом, вполне возможно, что на повышение степени усилий при обработке перцептивно-слухового и лексического сигналов на основе регистрации биопотенциалов мозга оказывают прямое воздействие факторы, непосредственно связанные со степенью владения анализируемого языка.

Список литературы

1. Драйверс Л., Озюрек А. Влияние статуса «родной язык» слушающего на изменение интегративных нейронных процессов обработки речевых и иконических жестов в незатрудненных и затрудненных условиях аудирования. Drijvers L., Özyürek A. Native language status of the listener modulates the neural integration of speech and iconic gestures in clear and adverse listening conditions // Brain a. lang. – 2018. – N 177/178. – P. 7–17.
2. Сонг Дж., Айверсон П. Интенсификация процесса перцептивно-слуховой реакции при слуховой и лексической обработке речи аудиторами, не являющимися носителями языка, а также частично владеющими иностранным языком. Song J., Iverson P. Listening effort during speech perception enhances auditory and lexical processing for non-native listeners and accents // Cognition. – 2018. – N 179. – P. 163–170.

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

2019.02.017. ЯКИМОВ П.А. КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОРЕНБУРЖЬЯ: Филологические очерки. – Оренбург: Изд-во «Оренбургская книга», 2017. – 96 с.

Ключевые слова: коммуникативное пространство региона; культурно-языковая ситуация в регионе; топонимические образования; стилистические средства региональных СМИ.

Цель монографии П.А. Якимова – системное изучение коммуникативного пространства региона Оренбуржья и выявление факторов, влияющих на взаимодействие его разных уровней. Книга состоит из 11 глав-очерков.

В первом очерке «Коммуникативное пространство Оренбуржья: Аспекты исследования» анализируется понятие «коммуникативное пространство», используемое разными филологическими дисциплинами. В общефилологическом представлении автор ориентируется на определение Б.М. Гаспарова, в котором

коммуникативное пространство представлено как целостная среда, «в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» (с. 6). В этой среде автор выделяет межличностное (неформальное) и публичное взаимодействие. Важным является также взаимодействие разных форм языка, что позволяет противопоставить диалектное коммуникативное пространство и пространство города, народную и городскую культуры, каждая из которых имеет свои языки.

В очерке «Языковая ситуация Оренбуржья» представлен анализ типов идиомов, присутствующих в регионе. Язык региона гетерогенен, он существует в виде четырех социально и культурно обусловленных подсистем, которые в разных сферах деятельности взаимодействуют между собой, составляя единое коммуникативное пространство. Этими подсистемами являются: 1) литературный язык, который обычно соотносят с элитарной культурой. Автор отмечает, что принадлежность к элитарной культуре – это не только хорошее владение литературной нормой и возможностями языка, но также креативное его использование. Следует ввести также понятие среднелитературной культуры, в которой образованность сочетается с некоторой стилистической неряшливостью и частичным нарушением норм; 2) диалекты и говоры, которые соотносятся с народной культурой. В эту сферу включается язык фольклора, в частности фольклор оренбургского казачества; 3) просторечие (литературное и нелитературное), которому соответствует феномен, называемый автором «третьей культурой» (с. 18). Для «третьей культуры» характерна массовость, она связана со зрелищными мероприятиями. Ее успех в значительной степени обеспечивается занимательностью. Ее отличие от прежних форм низовой культуры состоит в том, что она опирается на современные технологические достижения. Ее современный языковой аспект – чрезмерное использование «модных» иностранных слов, наблюдаемое в речи не только представителей молодого поколения; 4) жаргон и арго как элементы профессиональных субкультур.

Очерк «Культурная ситуация Оренбуржья» посвящен специфике взаимодействия единиц культуры и языка в регионе. Выявляются два направления: описание вербализованных компонентов русской культуры, доминирующей в регионе, с одной стороны,

и описание диалога культур – с другой (с. 25). Задача первого направления – изучение культурных концептов, безэквивалентной лексики, лексем, выражающих архетипы, а также примет, обрядов и ритуалов и связанных с ними фразеологизмов и паремий. Задача второго направления – исследование взаимодействия русской, татарской, башкирской, казахской культур, контактирующих в регионе.

В очерке «Основные теоретические подходы к исследованию картины мира» выделены психолингвистический, семиотический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический и лингвистический подходы к объекту. Все подходы постулируют тесную связь когнитивной и языковой картин мира. П.А. Якимов подчеркивает, в соответствии с теорией А.Я. Гуревича, что картина мира задает определенную «сетку координат», через призму которой каждая цивилизация, культура или социальная система воспринимают мир (с. 40)¹. Особенно важной для выявления специфики картины мира социума является трактовка универсальных категорий, таких как 'пространство', 'время', 'субъект'.

В очерке «Названия жителей Оренбуржья в коммуникативном пространстве» рассматриваются оттопонимические наименования жителей г. Оренбурга и Оренбургской области. Название жителей города вариативно, но наиболее распространенной сейчас является форма *оренбуржец* (соответственно, *оренбурженка*, *оренбуржцы*). Устаревшими формами, которые использовались ранее, являются *оренбургец* и *оренбурец*, встречающиеся у А.С. Пушкина и С.Т. Аксакова. Отмечается, что *оренбуржцами* в СМИ области называются также жители всего региона. Катоиконимы области делятся на три группы: собственно лексические номинации (*Кушкуль*, *Форштадт*, *Сырейка*), суффиксальные образования (*Авиагородок*, *Башилка*) и словосочетания (*Хлебный городок*, *Ростошинские пруды*). Наименования жителей населенных пунктов области в своем большинстве являются суффиксальными: *Адамовка* – *адамовцы*, *Бугуруслан* – *бугурусланцы*, *Медногорск* – *медногорцы*, *Орск* – *орчане*, *Сорочинск* – *сорочинцы*). При этом наблюдается асимметрия в употреблении форм: не от всех топонимов употребляются суффиксальные формы женского рода.

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972. – 350 с.

В следующем очерке – «Заголовочные тексты в информационно-коммуникативном пространстве Оренбуржья» анализируются способы применения культурных фреймов в заголовках информационных заметок в Интернете (в информационном портале ORENI.RU). Фрейм понимается автором как форма хранения знаний о мире, состоящая из фоновых знаний и вербальной части. Культурные фреймы всегда коллективны, но ими оперируют отдельные личности – носители языка. Среди культурных фреймов, активно используемых в Сети, – пословицы и фразы, связанные с кинофильмами и музыкальными шлягерами, фразы известных личностей. Реже встречаются элементы произведений русской и зарубежной классики. Такое соотношение объясняется ориентированностью информационного портала на багаж знаний «среднего читателя».

Общей закономерностью заголовков, основанных на культурных фреймах, является их игровая трансформация, в том числе обыгрывание знакомой фразы в контексте: *«Из огня да не в полымя. Что делать при пожаре?»*; *«А чё это вы здесь делаете? Директорам детсадов Оренбурга “приказывают” следить за работниками в соцсетях»* (с. 54–55). Используются также приемы сокращения фразы или замены ее элементов: *«Кто рано встает. Идет ликвидация второй смены в школах Оренбурга»* (с. 55); *«Хорошего человека должно быть мало. Обзор оренбургской блогосферы за неделю (8–14 июля)»* (с. 57).

Е.О. Опарина

УРОВНИ ЯЗЫКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

2019.02.018. Е.О. ОПАРИНА. ИДИОМЫ КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА. (Обзор).

Ключевые слова: авторская идиоматика как средство стилизации; образные идиомы; категория диатезы и дистрибуция глагольных идиом; ментальная репрезентация идиом.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский (1) указывают, что авторские идиомы обычно связаны с общезыковыми выражениями по форме или значению, так как через эти ассоциации актуализируются базовые свойства фразеологизмов – устойчивость и воспроизводимость¹. Собственно авторские идиомы, которые не встречаются в речи других людей, авторы характеризуют как исключительно редкие, «поскольку они в известном смысле противоречат одному из признаков идиомы – повторяемости и устойчивости в дискурсе. Тем не менее данный тип полезно выделять, поскольку он отражает потенциал использования языка» (1, с. 194). Авторская идиоматика характеризуется в статье как речевой феномен, который применяется в художественных текстах в стилистических целях – для маркирования специфики речи говорящих.

В работе анализируются идиомы-неологизмы, которые используются в произведениях современных писателей для стилизации дискурса под «прошлые эпохи». Например, словосочетание

¹ Типы авторских преобразований идиом были выделены в следующих работах: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008. – С. 495–550; Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии: Краткий курс. – М., 2013. – С. 188–204. – *Прим. реф.*

восхольмие Венеры, отсутствующее в имеющихся корпусах текстов XVIII–XIX вв., выявлено только в рассказе В. Сорокина «Настя», а также в реакциях на этот рассказ и в контекстах, аллюзивно связанных с ним (1, с. 195). Идиома *жилку подрезать* в значении 'в решающий момент наказывать кого-л. за неправильное поведение, тем самым обеспечив исправление этого человека' встречается у В. Аксенова. Ее нет в корпусах русского языка или в лексикографических источниках, поэтому ее также можно считать настоящей авторской идиомой: «– *Тожже в юности шалил и понес наказание... Вы бы видели, как работал, – ну просто американец! Вот что значит вовремя жилку подрезать, а вы говорите – клапан...*» (В. Аксенов, «Любовь к электричеству») (1, с. 199).

Некоторые авторские фразеологизмы создаются через контаминацию существующих выражений, т.е. они все же связаны с языковой идиоматикой. Часто стилизованные устарелость и архаичность совмещаются с эффектом просторечия и «народности». Так, идиома *лаптем пахнут, ногтем жнут* появляется в произведении В. Сорокина как знак отхода от цивилизации: «– *Тогда, батюшка, давайте в каменный век вернемся!... Будем как в песенке: лаптем пахнут, ногтем жнут!*» (В. Сорокин, «Настя») (1, с. 196). Она ассоциируется с идиомами *не лаптем щи хлебаем* и *корягой пахнут, ногтем жнут* (последняя, как отмечают авторы статьи, встречается в рассказе А. Платонова «Сокровенный человек»).

Для стилизации «народного» или устаревшего языка используется также прием модификации существующих идиом: «*На мой взгляд это называется пускать козу в огород, если употребить народное выражение*» (Б. Акунин, «Коронация») (1, с. 196) – соотносится с общеупотребительной современной формой *пускать козла в огород*.

Искусственная архаизация достигается и другими способами, например выбором менее частотной формы фразеологизма. Так, вариант *крепкий орех* встречается намного реже, чем узуальное *крепкий орешек*, поэтому он дает эффект «состаривания» текста: «*Одним словом, как говорят в народе, крепкий орех*» (Б. Акунин, «Коронация») (1, с. 197).

Авторские лексические преобразования идиом также воспринимаются как фактор «устаревшего» языка. Так, замена лексемы в пословице *Встречать по одежке, провожать по уму* в кон-

тексте исторического произведения воспринимается не только как игровой прием, но и как прием состаривания дискурса: «...ибо в нашем высшем кругу, как известно, по одежке встречают, а по уму выпроваживают» (Б. Окуджава, «Путешествие дилетантов») (1, с. 198).

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский отмечают, что для воспроизводства дискурса ушедшего времени авторы в идеале должны были бы ориентироваться на идиомы, действительно употреблявшиеся в соответствующий период. Однако это не всегда дает необходимый стилистический эффект уже потому, что значительная часть идиом русского языка XIX в. перешла в XX, а идиомы XX в. употребляются в XXI. Поэтому способность авторских идиом вносить элементы остроты в речь персонажей оказывается выше.

В статье (2) на материале экспериментальных данных рассматривается вопрос о способе хранения в сознании и памяти говорящих идиом и о зависимости этого явления от характеристик их глагольных компонентов, обозначаемых понятием диатезы¹. Анализ проводился на материале образных фразеологизмов, в которых формы глаголов являются начальными компонентами. Анализировались идиомы с переходными vs непереходными глаголами, глаголами в формах активного vs пассивного залога, а также с адъективными единицами со значением пассива (авторы называют эти формы *adjectival passive*)². Цель эксперимента состояла в том, чтобы установить, воспринимаются ли идиомы, имеющие одинаковый лексический состав, но разные типы диатезы как варианты одной фразеологической единицы или же как «уникальные», не имеющие вариантов. Этот круг проблем связан с такими вопроса-

¹ Диатеза – «(от греч. *diáthesis* – расположение, размещение) – соответствие между ролями глагольной лексемы и выражающими их членами предложения (подлежащим и дополнениями)»; «С помощью понятия Д., таким образом, фиксируются любые соответствия между ролями глагольной лексемы и выражающими их членами предложения. Этим понятие Д. отличается от понятия залога» (Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. – М., 1990. – С. 135). Предыдущие исследования показали, что явление вариантности идиом зависит от характера диатезы их начальных глагольных элементов. – *Прим. реф.*

² К этой группе, например, относилась идиома *matu'ax be-arba sikot* – букв. затянутый (стянутый) четырьмя булавками, в значении «тщательно или элегантно одетый» (2, с. 200). – *Прим. реф.*

ми, как потенциал моделей дистрибуции идиом, системность данного явления, а также способность носителей языка «предсказывать» возможность появления того или иного грамматического варианта идиомы.

В роли испытуемых выступали студенты университета в Тель-Авиве, носители языка иврит. Им предлагались специально созданные для данного эксперимента идиомы (всего 12 фразеологических единиц), в действительности не существующие в иврите, но созданные по моделям французских фразеологизмов и более или менее «прозрачные» по семантике. Например, во французском языке существует идиома *ne pas avoir froid aux yeux* – букв. не иметь холода в глазах, означает «быть смелым, не бояться чего-л.». По ее модели авторами была создана сходная по образу и смыслу идиома: *hitkarer ba-eynaim* – букв. иметь холод в глазах, т.е. «испугаться чего-л.». Идиомы были представлены говорящим с пояснениями их значений и с примерами, иллюстрирующими их употребление. Участникам эксперимента давалось определенное время (несколько дней) для того, чтобы они выучили искусственно созданные идиомы и ответили на вопрос о том, могут ли они употребляться в других глагольных формах, выражающих явление диатезы, как варианты. В тех случаях, когда соответствующей идиомы в других видах диатезы не было, идиому относили к классу «уникальных» (*unique*). Например, идиома с переходным глаголом как начальным компонентом считалась такой в том случае, если испытуемые заявляли об отсутствии аналогичной идиомы с непереходным глаголом, имеющим то же значение (или непереходной формой того же глагола). И наоборот, идиомы с формой глагольного пассива или с непереходным глаголом считались «уникальными» в том случае, если говорящие были убеждены в отсутствии аналогичной идиомы с формой переходного глагола.

Авторы исходили из предположения, что знание идиом является в своей основе лингвистическим и базируется на знании лексикона и на ассоциациях между языковыми единицами по форме и содержанию. Поэтому идиомы хранятся в памяти говорящих как «подвиды» (*subentries*) знаний о лексических единицах, которые являются их составляющими и ментально репрезентированы как отдельные «словарные статьи» (*entries*). По мнению авторов, главную роль в этой репрезентации играют начальные ком-

поненты идиом. Этой точке зрения противостоит предположение о вневлигвистической природе компетенции носителей языка в идиоматике, которая подобна знанию исторических, географических и других энциклопедических фактов, не связанных напрямую с языком¹.

Анализ ответов показал, что идиомы, начинающиеся формой глагольного пассива, наиболее часто определялись участниками эксперимента как имеющие вариант с формой переходного глагола. Фразеологизмы с непереходными глаголами и с адъективным пассивом рассматривались как имеющие такие параллели значительно реже. Авторы не выявили для идиом этих двух групп системных критериев, обуславливающих их единственность или, наоборот, способность в дистрибуции с другим типом диатезы. Так, идиома с начальным непереходным глаголом *yaca be-šen va-ayin* – букв. выйти / выбраться с зубом и глазом, имеющая значение «выйти из ситуации с серьезным ущербом», была отнесена испытуемыми к разряду «уникальных». Вместе с тем для начинающейся с того же непереходного глагола идиомы *yaca te-ha-kelim* – букв. сойти с инструментов / с оборудования, в значении «потерять самообладание» был дан переходный вариант со значением «заставить кого-л. потерять самообладание».

Авторы пришли к выводу, что результаты эксперимента подтвердили первоначальную гипотезу о том, что идиомы репрезентированы в сознании как часть языковой компетенции. Зависимость вариантов идиом от категории диатезы доказывает их принадлежность к языковому (а не общему энциклопедическому) знанию. Кроме того, неравный потенциал типов диатезы в дистрибуции идиом свидетельствует о том, что общим маркером, объединяющим варианты идиом в одну ячейку, является лексическая единица. Если бы в этой роли выступал корень начального слова, варианты со всеми типами диатезы рассматривались бы участниками эксперимента как равно возможные.

¹ Существует также гипотеза о том, что идиомы репрезентированы в языковом сознании говорящих через корни их словесных компонентов. – *Прим. реф.*

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Авторская идиоматика: Конкуренция узу-ального и индивидуального // Конкуренция в языке и коммуникации / РГГУ; отв. ред. Федорова Л.Л. – М., 2017. – С. 193–200.
2. Хранение идиом и лексикон / Силони Т., Хорват Дж., Клуновер Х., Векслер К. Idiom storage and the lexicon / Siloni T., Horvath J., Klunover H., Wexler K. // J. of linguistics. – Cambridge, 2018. – Vol. 54, Iss. 1. – P. 189–215.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

2019.02.019. ТЕРМИНЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: Материалы науч.-практич. конф. с междунар. участием «Современные проблемы экологии языка» (10 февраля 2017) / отв. ред. Маджаева С.И. – Астрахань: Изд-во Астрахан. ГМУ, 2017. – 349 с.

Из содерж.:

АБРАМОВА Е.И. Слова-реалии в аспекте транслингвальной эколингвистики: (На примере кельтских реалий в английском языке). – С. 8–16.

ДЖУЛДУЗБАЕВА З.Ж., ЧЕРНУХИНА О.А. Основные аспекты формирования «идеального» билингва. – С. 24–29.

ИОНОВА С.В. Эколингвистика в системе экологического знания. – С. 29–37.

КАЛМАЗОВА Н.А. Национально-культурные черты медицинских терминов в русском и английском языках. – С. 193–198.

СЛОЖЕНИКИНА Ю.В., КУХНО И.Ю. Проблема авторского термина в отечественном языкознании. – С. 260–268.

ЧУРУШКИНА А.Н. К вопросу о понятии маскулинного дискурса. – С. 167–173.

Ключевые слова: терминология; эколингвистика; лингвокультурология; реалии культуры в языке; разновидности дискурса; билингвизм.

В статье С.В. Ионовой рассматриваются цели эколингвистики как инструмента формирования гармоничной среды для жизнедеятельности, коммуникации и социального взаимодействия. Сторонники этого направления исходят из установки, сформулированной Д.С. Лихачёвым: экологию не следует ограничивать только зада-

чей сохранения природной среды, сохранение культурной среды так же необходимо для психического и физического здоровья человека, для его духовной жизни¹.

Одним из аспектов эколингвистики является разработка охранных мер по отношению к самому языку – анализ природных, социальных и культурных условий, необходимых для сохранения лингвокультурных особенностей этнических общностей. В то же время сам язык выступает как носитель энергетической силы, как элемент воздействия на социальную среду, о чем свидетельствуют, в частности, такие словосочетания, как *языковая среда*, *информационная среда*. Между тем в условиях повышенной эмоционализации современного российского общества дискурсы, в том числе институциональные, часто способствуют развитию негативных эмоций. Происходит это, например, через наращивание отрицательно заряженных эмотивных единиц при характеристике оппонентов или через присвоение одной из общественных групп функции распоряжения: «Язык коммуникации власти с народом отнюдь не выработался, но при этом уже подает все признаки бюрократического языка» (с. 35).

В заключение автор отмечает: «Языковеды должны позаботиться о включении в круг языковых компетенций носителя языка лингвоэкологической компетенции, состоящей, в том числе, в овладении ими знаниями о средствах противодействия влиянию негативной языковой и коммуникативной среды» (с. 36).

Е.И. Абрамова анализирует модификации, происходящие с кельтскими заимствованиями в английском языке.

В центре внимания автора – особенности ассимиляции слов, напрямую связанных с культурой языка-источника. Эти особенности, затрагивающие разные уровни языковой структуры, по особому проявляются в письменном употреблении наименований кельтских реалий: этнических праздников, элементов музыкальной культуры, предметов и обычаев домашнего обихода. Так, слово *ceilidh*, обозначающее вечеринку в дружеском кругу с разговорами и традиционной гаэльской музыкой и танцами, никогда не имело в английском языке устоявшейся орфографии. Первоначальные его написания и фиксации в английских словарях в XIX в. в формах

¹ Лихачёв Д.С. Экология культуры // Москва. – М., 1979. – С. 173–179.

kailie, *caley* были обусловлены большей близостью этих вариантов к произношению в гаэльском. Однако в первой половине XX в. оригинальное написание данного слова в англоязычных контекстах было восстановлено вследствие роста популярности на юге Шотландии кельтских традиций и связанных с ними мероприятий.

Однако семантика слова различна для носителей гаэльской лингвокультуры, с одной стороны, и английской – с другой. В английском языке слово употребляется для обозначения любой танцевальной вечеринки в народном стиле: «*She' goin' out to ceilidh this night and it's fine*» (с. 11) – «Она идет сегодня вечером на танцы, и это замечательно». Кроме того, в английском это слово ассимилируется морфологически и может образовывать глагол по конверсии: «*...she had done little but sit and ceilidh during the whole evening*» (там же) – «...она ничего не делала весь вечер, только сидела и получала удовольствие от праздника целый вечер». Слово *piobaireachd* в гаэльском языке обозначает мелодии волынки горной Шотландии – это этнический музыкальный жанр, не имеющий аналога в англосаксонской культуре. В английских контекстах и в словарях обычно употребляется упрощенный англизированный вариант *piobach*, однако в сообществе музыкантов, в том числе на англоязычных сайтах, представители разных лингвокультур используют гаэльский вариант. Оригинальное написание гаэльских слов распространено также в исторических и искусствоведческих текстах, в брошюрах для туристов, в названиях магазинов сувениров.

Таким образом, орфография слов, обозначающих культурные реалии, может сохраняться или вновь приближаться к первоначальному написанию даже при условии распространения и некоторой семантической ассимиляции этих слов в заимствующем языке. Написание зависит от ситуации и цели употребления слов-реалий. Пример развития гаэльских заимствований в английском показывает, что этот процесс может быть связан с повышением статуса миноритарного языка в регионе, с интересом к его культуре, с туристическим бизнесом.

Н.А. Калмазова рассматривает научную картину мира с совокупностью ее концептов как часть концептуальной картины мира. Соответственно, ее языковое выражение, терминология, представляет собой часть общезыковой картины мира того или иного народа – носителя языка.

Анализируя концептосферы английской и русской медицинской терминологии, автор выделяет в них как культурно-специфические, так и универсальные признаки. Культурная специфика проявляется во внутренней форме терминов и в том, как они функционируют во фразеологии, выходя за пределы терминологической системы. Так, слова-эквиваленты в русском и английском языках *больной* и *patient* принадлежат к числу qualificативных терминов, имеющих общеотраслевую семантику. Однако в основе плана содержания одного из них понятие 'боль', а другого – 'терпение'. Это различие отражается в словарных определениях: «человек, пораженный какой-либо болезнью, страдающий от нее», с одной стороны, и «a person receiving or registered to receive medical treatment» – «человек, который получает медицинскую помощь или должен, согласно записи, ее получить» (перевод мой. – Е. О.) – с другой. Эти различия в дефинициях квалифицируются в оценочном плане как «негатив vs позитив».

Многие медицинские термины являются одновременно частью общелитературного языка и образуют общеупотребительные фразеологизмы. А это – слой языка, в образной семантике которого ярко проявляется культурно-национальная специфика. Например, значения русских идиом с субстантивом *сердце*: *сердце падает / дрогнуло / оборвалось* – о внезапном ощущении испуга, тревоги; *сердце щемит / сжимается / разрывается* – о состоянии душевной боли, тревоги, тоски. В английском языке фразеологизмы со словом *heart* чаще обозначают настроение, смелость, энтузиазм: «*They found him well and in good heart*» – «Они обнаружили его в хорошем состоянии и настроении»; «*Mary took heart from the encouragement handed out*» – «Мери обрела храбрость (бодрость духа) от поддержки, которую ей оказали» (перевод мой. – Е. О.).

Существуют также способы вхождения культурно-специфической информации в термины, остающиеся в пределах термино-системы. Примером могут служить термины-словосочетания, в которых один из элементов указывает на имя ученого, описавшего болезнь: *болезнь Бехтерева*, *болезнь Паркинсона*. Однако в данных случаях энциклопедическая информация, относящаяся к происхождению ученого и его принадлежности к той или иной стране, остается периферийной, фоновой по отношению к медицинской информации.

Ю.В. Сложеникина и И.Ю. Кухно анализируют подходы к понятию «авторский термин» и предлагают свой подход к его трактовке, базирующийся на антропоцентрической и коммуникативно-когнитивной парадигмах.

В языкознании возникло множество терминов для обозначения и описания авторской языковой индивидуальности: «идиостиль», «идиолект», «языковая личность», «коммуникативная личность», «словарная личность», «речевой портрет», «речевой имидж» и ряд других (с. 261). Появление авторского термина бывает обусловлено различными обстоятельствами. Он может быть связан с открытием какого-либо явления определенным ученым и содержать в своем составе его имя: так, *зона Брока* и *зона Вернике* обозначают зоны мозга, открытые этими учеными. Однако так бывает не всегда: например, лингвистический термин *терминологическое поле*, указывающий только на объект изучения, был введен А.А. Реформатским для отграничения области, в которой термин принципиально нейтрален, от других, в которых он теряет свою нейтральность (с. 266). Наиболее часто авторские термины встречаются в текстах «проблемных» работ, связанных с новыми направлениями и ракурсами исследования. Приводятся примеры: *слово как действие* (термин Дж. Остина в русском переводе), *ментальные перформативы* (в научном тексте) (Н.К. Рябцева) (с. 265).

По мнению авторов статьи, авторским термином следует называть центральное специальное понятие исследовательской работы, несущее основную нагрузку в тексте. Оно должно поддерживаться другими языковыми выражениями, эксплицирующими его смысл. Таким образом, понятие «авторский термин» относится не просто к слову-окказионализму, но к авторскому концепту, авторской предикации, авторской интерпретации понятия или исследуемой ситуации в тексте и дискурсе.

В статье А.Н. Чурушкиной на основе анализа исследований ведущих отечественных и зарубежных специалистов (Т. ван Дейк, З. Тремель-Плетц, А.В. Кирилина) описывается понятие маскулинного дискурса.

Маскулинность рассматривается как социальный конструкт, изменчивый и приспособляющийся к социально-политическим переменам, однако обладающий также рядом стабильных характе-

ристик. Маскулинный дискурс понимается автором как коммуникативное действие, которое по формам проявления может быть устным и письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Данный термин характеризует речь мужчин как социальной группы в плане определенных тематических предпочтений и стилистических черт. Маскулинный дискурс отражает мужскую систему ценностей и нацелен, как правило, на достижение или сохранение независимости и высокого социального статуса.

З.Ж. Джулдузбаева и О.А. Чернухина устанавливают характеристики, которые должны быть присущи настоящему билингу. Авторы определяют билингвизм как способность индивида пользоваться попеременно двумя языками и реализацию этой способности на практике. При этом обе языковые системы должны использоваться самостоятельно и активно.

Выделяются психологические и лингвистические критерии, которым должен соответствовать идеальный билингв. К психологическим авторы относят умение творчески строить свою речь на обоих языках, и эта речь должна обеспечивать реализацию коммуникативной функции языка. Билингв должен уметь в одной и той же ситуации общения применять оба языка, свободно заменяя один другим при необходимости. Важный психологический фактор – непосредственная связь обоих языков (в том числе в случае, если один из них неродной) с мышлением. К лингвистическим критериям относится, в первую очередь, правильность речи билинга и его способность одинаково свободно владеть обоими языками. Соответствие этим требованиям авторы называют продуктивным и координативным билингвизмом. Идеальный билингвизм должен также уметь осознанно сопоставлять формы выражения в двух языках и выбирать оптимальный вариант перевода. При этом необходим навык синхронного перевода.

Для соответствия данным требованиям уровень параллельного и осознанного владения билингом двумя языками должен постоянно развиваться. Поэтому важную роль в формировании идеального билингвизма играет культурный фактор – поддержка контактов с обоими лингвокультурными сообществами, желание билинга говорить на обоих языках и читать аутентичные тексты. Идеальный билингв «полностью контролирует и дифференцирует собственную этническую принадлежность, перевоплощается по

мере необходимости в новой культуре» (с. 28). Такие условия предполагают наличие у билингвальной личности двух картин мира, соответствующих двум языкам. При этом ни одна из них не подменяет и не вытесняет другую, подобно тому, как языки в ситуациях общения не смешиваются.

Е.О. Опарина

ЯЗЫКИ МИРА

2019.02.020. Э.Б. ЯКОВЛЕВА. КОНТРАСТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ РАЗНЫХ ТИПОВ. (Обзор).

Ключевые слова: типология языков; контрастивные исследования; разновременные контакты; исторические судьбы; генетическая структура; языковая семья; группа (ветвь) языков.

Сходства и различия между языками интересуют лингвистов и историков как лингвистический и исторический феномены, поскольку сходное и различное в них может быть результатом как развития унаследованных общих черт более древнего состояния и разновременных контактов этих языков и соответственно их носителей, их исторических судеб, так и изолированного развития вследствие проживания отдельных этносов в географических регионах, полностью или частично лишаящих их контактов с представителями других этносов.

Книга Д.И. Эдельман «Иранские и славянские языки. Исторические отношения» (3) посвящена изучению ирано-европейских и, в частности, ирано-славянских лингвистических связей. Автор отмечает, что достижения в этой области общеизвестны в трудах XIX и первой половины XX в., а также в работах отечественных языковедов в 60-е годы XX в. Обзор проблематики, критическое рассмотрение взглядов различных исследователей, обобщение их, анализ новых открытий в период до середины 60-х годов XX в. содержатся в трудах двух ученых – А.А. Зализняка и М.И. Абаева (3, с. 3). Ценные сведения содержатся также в работах указанного периода в исследованиях и других авторов, где анализируются конкретные исторические соответствия между языками двух ветвей и типичные ареальные и типологические схождения. В связи с этим Д.И. Эдельман указывает на труды В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева.

В главе «Краткая характеристика языков» отмечается, что иранские и славянские языки в генетическом отношении представляют собой отдельные семьи, входящие через определенные промежуточные этапы в большую индоевропейскую семью, в одну из составляющих ее групп, условно называемую группой «сатэм» (3, с. 4). Помимо этого дальнего генетического родства их сближают некоторые общие черты, объясняемые сходными типологическими линиями развития. Кроме того, ряд общих черт и элементов объясняется языковыми контактами между иранскими и славянскими языками, т.е. ареальными факторами.

Исследователь указывает, что при изучении иранских языков в последние десятилетия подверглись пересмотру и были существенно уточнены их генетические связи с другими языковыми группами и семьями, а также генетическая структура самой иранской семьи. Кроме того, уточнению подверглись и те характерные признаки трансформации иранских языков, которые считались генетически общими для определенных языковых групп, но при более глубоком исследовании оказались общими в типологическом или в ареальном планах и независимыми от степени генетического родства этих языков.

В частности была уточнена генетическая позиция иранских языков среди других арийских. При общепризнанной и несомненной принадлежности иранской семьи к более древней арийской общности выявились более четкая схема и относительная хронология их вычленения из этой общности. «Стало ясно, что арийская семья в своей филиации прошла определенные этапы “ветвления”»: а) наиболее ранний (во всяком случае, по фиксируемым ныне данным) – вычленение из нее нуристанской (традиционное название – “кафирская”) группы языков, в то время как собственно индоиранская группа еще сохраняла относительное единство, и б) более поздний, или поздние, – вычленение из индоиранской группы дочерних групп – индоарийской и иранской, а также, возможно, других, в частности дошедших до нас дардских языков» (3, с. 5). При этом, как указывает Д.И. Эдельман, вычленение иранских языков как единой семьи происходило уже с ее изначальной диалектной неоднородностью. Все эти этапы характеризовались определенными историко-лингвистическими (в основном историко-фонетическими) инновациями, свойственными тому или иному праязыку

(общеарийскому, общенуристанскому, общеиранскому, общеиндоарийскому), которые теперь приходится учитывать при сопоставлении иранского материала с неиранским.

Исследования последних десятилетий внесли еще и некоторые коррективы в наши представления о праиранской языковой системе. Как пишет автор, отчасти это вызвано появлением новых материалов по некоторым «малым» иранским языкам, которые до тех пор не имели сколько-нибудь полного описания и словарей, и интерпретацией этих материалов в генетическом, типологическом и ареальном аспектах. Включение в реконструкцию праязыка свидетельства ряда «малых» и иных иранских языков, хранящих иногда рефлексы более архаичного состояния, чем фиксируемое языками древних памятников, дало возможность выявить более древний облик общеиранского праязыка. Ныне доказано, что действительно общее для всех иранских языков праязыковое состояние оказалось более архаичным и более «отодвинутым» к общеиндоиранскому, чем оно реконструировалось ранее на основании только авестийского и древнеперсидского языков. А это, в свою очередь, не только выявило хронологическую и ареальную неоднородность иранской праязыковой системы, но и задало иные ориентиры для сравнения истории иранских и славянских языков.

Сообщается, что общеиранская, или праиранская, система представляется ныне в более детализированном виде, с ее хронологической и ареальной неоднородностью: определились некоторые этапы как вычленения праиранских диалектов из индоиранской группы (при их неоднородности уже в тот период), так и их дальнейшей дивергенции.

Хотя общее для всех иранских языков праязыковое состояние оказалось более архаичным, чем представлялось ранее, оно не было единым и монолитным по всему иранскому ареалу: в праязыке, как указывает автор, совершенно отчетливо выступают диалектные или ареальные варианты, выявившиеся в их историко-фонетических чертах: «1) “продвинутый”, обладающий определенными инновациями центральный подареал и более архаичные (либо развившие собственные инновации) маргинальные, что отразилось, например, в рефlekсах индоевропейских палатальных согласных, которые, вопреки расхожему мнению, не становились сибиллянтами по всему праязыковому общеиранскому ареалу;

2) западный и восточный подареалы, в которых по-разному преобразовались рефлексы индоиранских звонких (и отчасти глухих) согласных» (3, с. 6). Последнее членение и переросло затем в генетическое размежевание всех иранских языков.

На основании генетических, главным образом историко-фонетических, признаков (прежде всего, рефлексов индоиранских звонких согласных) все иранские языки делятся на две большие группы, условно называемые «западной» и «восточной» (по месту расселения древних носителей иранских диалектов в I тысячелетии до н.э. по отношению к району Деште Кавир – Большой Соляной пустыни в Иране).

Западная группа – южная подгруппа – вымершие: древнеперсидский, среднеперсидский; живые: продолжения среднеперсидского в виде классического и современного персидского, таджикского и дари, татский язык, лурские и бахтиярские диалекты, кумзари, группа диалектов башкарди и другие малые языки и диалекты; северная подгруппа – вымершие: мидийский, парфянский; живые: курдский, белуджский, талышский, гилянский, мазандеранский, семнанский, сивенди, диалекты тати, малые языки и диалекты Центрального Ирана и др.

Восточная группа – северная подгруппа – вымершие: скифо-сарматские языки и диалекты, согдийский, хорезмийский языки; живые: осетинский, ягнобский; южная подгруппа вымершие: бактрийский, сакские языки и диалекты; живые: пашто (афганский) с родственным ему языком / диалектом ванеци, мунджанский с близкородственным йидга, ваханский, ишкашимский языки и диалекты шугнано-рушанской группы (наиболее значимые – шугнанский, хуфский, рушанский, бартангский, рошорвский, сарыкольский), язгулямский язык (и вымерший в конце XIX в. старованджский язык). Термин «восточноиранские» по отношению к этой группе в значительной мере условен, как указывает автор, поскольку скифские и сарматские языки (и потомок скифских диалектов – осетинский язык) не находятся на востоке иранского ареала. Условно, по мнению исследователя, и ее членение на северную и южную подгруппы, поскольку оно опирается, главным образом, на географию в отличие от западной группы.

Язык Авесты – религиозных текстов зороастрийцев – выявляет черты восточных и западных языков (что может быть связано

с распространением их в среде жрецов с родным западноиранским языком), а также следы доиранских архаизмов, сохраняя отдельные формы слов и словосочетания, возникшие значительно ранее праиранского периода и имеющие аналоги в других индоевропейских языках.

Поскольку различные иранские языки, принадлежащие к разным группам и подгруппам, контактировали в разные периоды с неиранскими, в частности со славянскими языками, и поскольку эти контакты носили различный характер – от тесного общения (и даже двуязычия) до разового (при торговле), представляется важным отождествление того или иного контактировавшего иранского языка, и следовательно, выяснение свойственных именно ему тех или иных лингвистических характеристик.

Как уже говорилось, основными признаками генетического членения иранских языков являются определенные историко-фонетические инновации в каждой из групп. В поисках же признаков их расхождения на более высоких языковых уровнях (морфолого-синтаксическом, лексическом) приходится учитывать существенные историко-типологические изменения в их системах. В результате коренной перестройки морфолого-синтаксической системы иранских языков в эпохи, последовавшие за древнеиранской, трудноопределимыми или вовсе неопределимыми оказались соответствия в исчезнувших элементах древней флексии и аффиксов. В итоге выявление общих материальных рефлексов древних морфологических элементов, по мнению исследователя, удастся далеко не всегда. Выяснилось, что ни один из немногих выделявшихся традиционно классифицирующих морфологических признаков западной или восточной группы иранских языков на деле таковым не является: каждый из них присущ лишь части языков той или иной группы.

Так же слабо фиксируется членение иранских языков на генетические группы и в лексике: наличие / отсутствие определенных лексем, считавшееся традиционно классифицирующим, в результате более глубокого исследования лексического фонда иранских языков, с появлением более полных словарей тоже оказалось генетически несущественным. В связи с этим обстоятельством, автор считает, что продуктивными представляются поиски словообразовательных моделей, средств словообразования и осо-

бенно материальных словообразующих элементов, углубленное изучение которых является делом будущего.

Приступая к общей характеристике славянских языков, Д.И. Эдельман отмечает, что в течение последних десятилетий значительно увеличились лингвистические знания об индоевропейских языках Европы, их истории и генетических взаимоотношениях, особенно о славянских языках и их генетических связях с другими языками группы «сатэм». Появилось много работ, рассматривающих проблему генетических отношений славянских языков с балтийскими. Существует немало теорий балто-славянских отношений. Согласно основным теориям: 1) существовал единый балто-славянский праязык, или праязыковая общность; 2) происходило независимое, параллельное развитие близких балтийских и славянских диалектов; 3) различия между балтийскими и славянскими языками были еще на уровне индоевропейских диалектов, а затем, после выделения арийцев, произошло вторичное сближение балтийского и славянского языкового мира и образование балто-славянской общности, но без общего праязыка; 4) была древняя общность балтийских и славянских языков, затем длительный перерыв и новое сближение; 5) славянский образовался из периферийных диалектов балтийского (3, с. 9). Как заключает автор, все эти гипотезы основаны главным образом на анализе сравнения историко-фонетических законов и на этимологии отдельных морфем и слов.

Отмечается, что существуют и другие теории (со ссылкой на приверженцев) о взаимоотношениях балтийского и славянского языков.

Вместе с тем многие исследования последних лет, особенно в области этимологии и исторической лингвогеографии, «(содержащие реконструкцию ряда общих для балтийских и славянских языков словообразовательных моделей и линий семантического развития, а также учитывающие огромный диалектный материал, в том числе не отраженный ранее в специальной литературе), имеют результатом утверждение (или, во всяком случае, основательную базу для него) о существовании в древности эксклюзивных балто-славянских изоглосс и – в конечном счете о возможности существования единой в генетическом плане праязыковой балто-славянской системы» (3, с. 10).

Отмечается, что процесс выделения праславянского языка характеризовался появлением определенных инноваций по сравнению с индоевропейским на разных языковых уровнях: в фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании.

Автор приводит деление славянских языков на генетические группы: 1) восточнославянские: русский, украинский, белорусский (считается, что они довольно поздно – в XIV–XV вв. выделились из общего – древнерусского языка); 2) западнославянские: польский с примыкающими к нему диалектными ареалами – кашубским и словинским; полабский, или залабский (язык, на котором говорили некогда славяне за Эльбой и который вымер в XVIII в.); чешский и словацкий; близкий к чешскому – верхнелужицкий и близкий к польскому – нижнелужицкий (два последних сильно германизированы); 3) южнославянские: четыре живых языка – словенский, сербскохорватский, македонский и болгарский; один вымерший язык – старославянский – с памятниками X–XI вв.).

Различия между этими тремя группами – в исторической фонетике, отдельных морфемах, типах чередований и др. Тем самым, как заключает исследователь, в отличие от иранских языков, членение славянской общности на группы опирается на существенные для каждой из них основные черты на разных языковых уровнях – в исторической фонетике, морфологии и словообразовании.

Говоря об области распространения и языковых союзах, автор отмечает, что о прародине индоевропейского языка нет единого мнения.

О прародине иранской семьи также нет единого мнения. Наиболее реалистичной исследователю представляется общая арийская прародина, соотносимая со степной полосой от Южно-русских степей до Средней Азии, где кочевали носители арийских диалектов, и откуда затем они распространялись в места их более позднего обитания, постепенно утрачивая языковое единство.

Д.И. Эдельман указывает, что при этом совершенно очевидно, что в отличие от славянских и других индоевропейских языков Европы, о прародине которых ведутся дискуссии, но которые все же распространены в относительно компактном ареале – Европе, иранские языки ни в одном из регионов их нынешнего бытования не являются автохтонными. Их распространение на историческую

и современную широкую территорию Евразии сопровождалось одновременными и разнотипными контактами с языками разных семей. В связи с этим особую существенную роль в изучении истории иранских языков играют сведения о тех ареальных общностях, в которые входят иранские языки в разных регионах.

В исследованиях последних десятилетий более явными стали результаты вхождения семьи в целом либо отдельных ее компонентов в различные вторичные общности конвергентного происхождения, включая языковые союзы.

Наиболее ярким представителем таких общностей является большой Центральноазиатский языковой союз, охватывающий языки различных семей и групп: часть языков восточноиранской генетической группы, отдельные языки западноиранской группы; нуристанские языки; дардские; часть индоарийских; некоторые неиндоевропейские языки ареала. «Этот языковой союз, возникший на относительно едином субстрате (предположительно на языке бурушаски в его раннем состоянии или на родственном ему языках / диалектах), выявляет ряд общих структурных черт в фонологии, морфологии, синтаксисе, пласты общей лексики, некоторые словообразовательные модели, а также систему «скрытых» категорий и элементов языкового мышления, указывающих на то, что субстратом послужил язык активной типологии» (3, с. 12). Данный факт, по мнению исследователя, не исключает последующего «цементирования» данного языкового союза дальнейшим конвергентным развитием оказавшихся в разных зонах его ареала языков, однако элементы общего субстрата выявляются здесь практически на всех языковых уровнях, во всех подсистемах.

Отмечается, что внутри этого союза прослеживаются определенные подареалы, часть которых представляет собой своего рода микросоюзы, характеризующиеся набором своих лексических и структурных элементов, а в некоторых случаях и элементов языкового мышления. Один из таких микросоюзов охватывает Памиро-Гиндукушский регион, состоящий из трех ярко выраженных подареалов, в том числе и одного восточноираноязычного: это группа памирских языков, восходящих к разным древним восточноиранским диалектам, развивших тем не менее весьма сходные фонологические и морфолого-синтаксические структуры и имеющих большой пласт общей лексики. Эта общность сложилась бла-

годаря единому субстрату, конвергентному развитию самих данных языков при их контактах, а также благодаря адстратному и частично суперстратному воздействию таджикского языка и родственных ему таджикско-персидско-дари диалектов, который на протяжении многих столетий является в этом ареале языком культуры и межэтнического общения.

Осетинский язык входит в ареал кавказских языков, выявляя субстратные черты, свойственные последним, как и другой индоевропейский язык ареала – армянский.

Имеется и ряд других, более частных ареальных объединений. Кроме того, во многих иранских языках наблюдается большое количество ареальных элементов, обязанных происхождением различным процессам – спонтанным и контактными.

Автор сообщает, что в последние десятилетия уточнены некоторые сведения об ареале славянской прародины и ареалах бытования славянских языков в разные периоды и об их ранних контактах с балтийскими и другими языками. В качестве славянской прародины называют «Дунайский регион» (3, с. 13). С теорией дунайской прародины славян связана и концепция центральноевропейского ареала древних индоевропейцев.

Из вторичных конвергентных объединений, в которые входят славянские языки, важным является наличие Балканского языкового союза, куда помимо части славянских входят также отдельные индоевропейские языки (греческий, албанский, румынский и др.) и неиндоевропейские (например, турецкие диалекты, отчасти гагаузский язык).

Из менее крупных языковых союзов, в которые входят славянские языки и диалекты, исследователь отмечает выявленный относительно недавно языковой союз в юго-восточной Прибалтике («так называемый *Peipus-Bund*») (там же), центром которого является эстонский язык.

Относительно иранистики особый интерес для обсуждаемой проблемы, с точки зрения автора, представляют иранские языки западного ареала, контактирующие или контактировавшие прежде с неиранскими языками Европы, включая славянские.

Наиболее интересен для лингвистов, историков и этнологов скифско-осетинский мир. С одной стороны, субстратное кавказское воздействие и продолжающиеся контакты с кавказскими язы-

ками сближают в типологическом плане осетинский язык как с ними, так и еще с одним индоевропейским языком ареала – армянским. С другой стороны, продолжение в осетинском языке скифских диалектов, в течение длительного времени взаимодействовавших со славянскими и частично с балтийскими и германскими, а также с финно-угорскими обусловило наличие в нем определенного количества прямых лексических заимствований и ряда структурных черт, общих для части этих языков.

Немалый интерес для рассматриваемой проблемы, по мнению Д.И. Эдельман, представляет и персидский язык на разных этапах его истории. Здесь важны не только явные элементы его взаимодействия со славянскими диалектами и позднее с русским языком, но и те черты внутреннего развития структуры этого языка, которые имеют определенные параллелизмы в языках Балканского языкового союза и происхождение которых нуждается в дополнительном объяснении.

Отмечается, что в плане ранних иранско-славянских контактов особый интерес представляет собой так называемый «Дунайский регион». Со ссылкой на О.Н. Трубочева указывается, что славянско-иранские контакты относятся к периоду не ранее середины I тысячелетия до н.э. В эпоху контактов в «Дунайском регионе» славян со скифами и, возможно, с индоарийцами, они вобрали иранские элементы, и это было не в глубокой древности.

Отдельную проблему составляет возможность сохранения еще в I тысячелетии до н.э. в Скифии, в Северном Причерноморье, на территории правобережной Украины, в предгорьях Северного Кавказа, наряду с иранским (скифским), индоарийского этнического компонента и соответственно возможность проникновения в славянские языки индоарийских заимствований.

В вопросе о типологических чертах ирано-славянских языков немалый интерес, по мнению автора, представляют иранско-славянские общие системные черты, развившиеся в результате общих и / или сходных историко-типологических процессов. Их анализ показывает, что развитие таких типологически сходных черт тоже значимо для сравнения материала языков этих двух семей, поскольку их появление может диктоваться разными причинами. «Они могут возникнуть: а) в каждой из рассматриваемых групп независимо, благодаря некоторым общим тенденциям в раз-

витии человеческого мышления, б) также независимо, но в результате общего стимула в виде единого «первотолчка», обусловленного какими-то явлениями общеиндоевропейской прасистемы (что может пролить свет на некоторые принципы развития и других индоевропейских языков), в) в зависимости от иноязычного воздействия в результате контактов с другими индоевропейскими или неиндоевропейскими языками и т.д. (3, с. 15). Такие поздние схождения могут быть чисто структурными или стимулироваться некими конденсивными схождениями.

Отмечается, что при исследовании иранской языковой семьи высветились различные пути историко-типологических трансформаций разных иранских языков, позволяющие установить как определенные общие линии развития, так и те отличия от «генеральных путей» (там же), которые наблюдаются в различных языках и / или ареалах. Среди таких отклонений имеются черты, возникшие благодаря спонтанным изменениям системы конкретного языка, а также черты, обязанные своим происхождением разновременным и разнотипным контактам. Указывается, что историко-типологическая трансформация славянских языков менее разнообразна. Сопоставление ряда типологических черт иранских и славянских языков позволяет уяснить соотношение генетической и типологической составляющих в общей массе схождения этих языковых семей.

Переходя к обсуждению возможностей сравнения иранских и славянских языков, автор говорит о том, что ей пришлось проанализировать заново происхождение ряда относительно поздних характеристик некоторых иранских языков и поздних схождения со славянскими. Как видно из представленного обзора, сравнение материала языков этих двух ветвей или подветвей индоевропейских языков, относящихся к группе «сатэм», – задача отнюдь не простая, поскольку в процессе такого исследования автору пришлось учитывать целый ряд обстоятельств их истории и неодинаковую степень их изученности. В частности, в ходе сравнения следовало иметь в виду следующие моменты (3, с. 16–17).

1. Языки иранской и славянской групп имеют разную степень «внутрисемейной» (3, с. 16) дивергенции: иранские разошлись несравнимо раньше и глубже, чем славянские, и их намного больше. Этому способствовало их древнее распространение на

обширных территориях Евразии. По мнению исследователя, это обстоятельство затрудняет сравнение иранских языков со славянскими по принципу «семья с семьей» или «праязык с праязыком» (3, с. 16), однако в случаях лексических заимствований из иранских языков в неиранские, в частности славянские, облегчает нахождение конкретного иранского языка-источника.

2. Языки иранской и славянской семей имеют разную степень доказанного внешнего родства с другими близкими им индоевропейскими языками. Поэтому, с точки зрения автора, в ходе их сравнения необходимо в различной степени учитывать свидетельства других языков, родственных тем и другим по отдельности. Для реконструкции раннего состояния иранских языков весьма существенны свидетельства нуристанских, индоарийских и дардских языков, а также реконструируемые элементы «промежуточных» праязыков тех генетических групп, в которые они входили на разных этапах истории. Свидетельства же балтийских языков для изучения истории славянских, по ее мнению, играют роль скорее «бокового освещения» (там же), чем необходимого опорного элемента реконструкции.

3. Языки иранской и славянской семей имеют разную абсолютную и относительную хронологию прослеживаемого древнейшего праязыкового уровня. Это частично подтверждается абсолютной хронологией старейших памятников отдельных языков. Автором приводятся сравнения с языком Авесты (там же): с одной стороны, язык Авесты, существовавший уже к началу II тысячелетия до н.э. и передаваемый в устных текстах как минимум с этого периода, и фиксированные тексты наскальных надписей древнеперсидского языка VI–IV вв. до н.э., а с другой – памятники старославянского языка X–XI вв. н.э., т.е. эпохи, которая для иранских языков считается не древней и даже не средней, а новой. Это отражается и на определении относительной и абсолютной хронологии праязыкового состояния. Праязыковая система иранских языков мало отличается от индоиранской, и ее существование относится условно к самому началу II тысячелетия или скорее к концу III тысячелетия до н.э., учитывая, что язык Авесты уже имеет ярко выраженные диалектные черты, развившиеся значительно позднее распада праиранского состояния. Праязыковая система славянских языков предстает в значительной мере «продвинутой»

(3, с. 17) в своем развитии, и начало ее распада может относиться ко второй половине I тысячелетия н.э.

Указывается, что в данном случае приходится учитывать также ареальную и хронологическую стратификацию праязыка как для иранской, так и для славянской семей, т.е. возможные существенные различия между ранним и поздним состоянием относительно общей прасистемы, и диалектную неоднородность праязыка при распространении его на более или менее обширный ареал. Для иранских языков это были различия между центральным и маргинальными подареалами, а также между западным и восточным ареалами; для славянских языков членение праязыкового ареала было еще более дробным.

4. Иранские и славянские языки изучены далеко не в одинаковой степени. Если славянские языки практически все нашли свое освещение в научной литературе, в словарях (включая этимологические), то большая часть «малых» иранских языков (особенно на территории Афганистана и Ирана) еще нуждается в подобной фиксации и исследовании. Материал многих из них зафиксирован относительно фрагментарно, с разной степенью достоверности.

5. Языки иранские и славянские очень резко различаются по сохранению в них древних элементов и подсистем в фонологии, в морфологии, а также в синтаксических структурах.

Несмотря на все эти и другие различия принадлежность и иранских, и славянских языков к большой индоевропейской семье и переплетение судеб части и тех и других давно уже создали стимул для их сравнения.

В заключение отмечается, что при этом исследования языков и иранской, и славянской групп не только в сравнительно-историческом, но и в историко-типологическом и ареальном аспектах, особенно развернувшиеся в последние десятилетия, выявили ряд неизвестных ранее существенных моментов как в синхронных системах этих языков, так и в специфике их диахронического развития. Это позволило уточнить наши знания, с одной стороны, о внутренних, спонтанных изменениях в истории конкретных иранских, славянских и других индоевропейских языков Европы и Азии, а с другой – о тех чертах, которые могли быть приобретены ими благодаря контактам и внешним воздействиям.

В результате наметились заново некоторые контуры тех общностей (генетических, типологических, ареальных), в которые входят эти семьи в целом и их отдельные представители (или группы таких представителей). А это позволило, в свою очередь, пересмотреть некоторые, ставшие уже традиционными, хрестоматийные случаи схождения характерных структурных черт или отдельных материальных элементов языков данных семей, включая этимологии конкретных слов, получившие в последние годы новое толкование. В некоторых случаях в таком пересмотре нуждаются не только хронологические и ареальные границы образования тех или иных общих явлений, но и причины их возникновения и даже само представление об их действительной или мнимой общности.

Контрастивный подход используется и в исследовании Н.В. Солнцева (2). Оно посвящено изучению языков Восточной и Юго-Восточной Азии (далее – В и ЮВА).

Отмечается, что, по сути, этот подход является основой типологических, когнитивных и контактологических исследований.

Различают два варианта контрастивного подхода: внешний и внутренний. Внешний подход направлен на изучение как отдельных межъязыковых явлений, так и целостных языковых систем. В последнем случае контрастивный подход обладает классифицирующим свойством. При внутриязыковой направленности контрастивный подход может свидетельствовать о тенденциях в историческом развитии языка или его отдельных явлений. Этот подход также может фиксировать диалектные различия синхронного и диахронного состояния языков.

Контрастивный подход может использоваться при исследовании разнотипных языков, а также при исследовании языков одного типа.

С точки зрения автора, следует учитывать, что именно контрастивное отличие явлений в языках типа китайского от соответствующих явлений в европейских языках нередко служило основанием для отрицания самих этих явлений. Отрицание явления, как правило, связано с неучитыванием особенностей структуры исследуемых языков и действующих в них механизмов. Так, в изолирующих языках, как и в языках иной типологии, существует множество различных подклассов слов, которые оказывают влия-

ние на функционирование разнообразных единиц, как на морфологическом, так и синтаксическом уровнях.

Одна из особенностей изолирующих языков состоит в наличии в них особых лексико-грамматических подклассов типа медийных глаголов или подклассов имен одушевленных и имен, обозначающих неодушевленные понятия. Как указывает исследователь, главная же особенность языков данной типологии заключается в том, что на свойства подклассов и языков в целом значительное влияние оказывает надязыковая категория одушевленности / неодушевленности. Влияние может быть непосредственным и опосредованным.

Автор ссылается на письменные памятники, в которых сообщается, что категория одушевленности / неодушевленности была присуща древнекитайскому языку. Категория одушевленности уже тогда повлияла на процессы грамматикализации и продолжает влиять и поныне. В частности, она повлияла на формирование морфологических показателей. При этом категория одушевленности влияет на процесс грамматикализации не только в китайском языке, но и в других изолирующих языках региона. Это проявляется в том, что большинство морфологических показателей глагола этимологически восходят к глаголам обозначающих действие одушевленных лиц.

В ряде языков различают глаголы *лежать*. Глагол, имея значение *лежать*, включает значение *спать*. Во всех языках региона употребляются два глагола со значением *болеть*. Один обозначает состояние человека, другой – состояние частей его тела. В данном случае наличие таких двух глаголов в языках В и ЮВА аналогично наличию подобных пар предикатов в английском языке: I am ill (or sick) и My hand (/foot) hurts.

При наличии аналогичных пар глаголов, один из глаголов *болеть* в языках В и ЮВА отличается контрастивными чертами, которые проявляются не в простых предложениях, а в сложных предложениях особого типа. Это предложения с развернутым сказуемым. Их называют также предложениями с двумя подлежащими. Китайские ученые называют их объемлющими предложениями. В предложениях с двумя подлежащими имя в главном подлежащем обозначает нечто целое, а имя в подлежащем в составе развернутого сказуемого часть целого, названного в главном

подлежащем. Между именами существуют семантические отношения «неотчуждаемой принадлежности» (2, с. 88). В составе развернутого сказуемого употребляются непереходные глаголы состояния и прилагательные.

Контрастивность проявляется в разных планах.

Языки В и ЮВА отличаются наличием большого числа форм пассивного залога, а также большим числом показателей, образующих пассивные формы. Большинство из показателей, которые в языках ЮВА функционируют во многих случаях по-разному, проявляя внутритипологические контрастивные черты, были заимствованы языками ЮВА или непосредственно из китайского языка, или опосредованно через вьетнамский. Это – контрастивность контактологического типа. Контрастивные черты сложились под влиянием и категории одушевленности и принадлежности глаголов к разным подклассам.

Отличительной чертой языков В и ЮВА является то, что пассивные формы в этих языках в основном образуются от глаголов активного физического действия.

Между языками ЮВА и китайским языком, существует ряд отличий. В языках ЮВА используются два вида пассивных залогов, различающихся своей коннотацией. Один из них – это «неблагоприятный пассив» (2, с. 90), обозначающий действие неблагоприятное для объекта в подлежащем. В качестве показателя этого пассива чаще всего используется элемент с этимологическим значением ‘подвергаться’, который большинством языков ЮВА был заимствован из китайского языка, но подвергся интерференционному преобразованию.

Другой вид пассива «благоприятный пассив» (там же), обозначающий благоприятное для объекта в подлежащем действие. Показатель заимствован из китайского языка с этимологическим значением *получать (ся)*.

Обе формы возникли под действием категории одушевленности, и поэтому изначально в роли подлежащего выступало только имя со значением одушевленного лица. С развитием языков наметилась определенная тенденция к нейтрализации этих двух форм пассива.

При нейтрализации также стало возможным употребление и показателя неблагоприятного и благоприятного пассивов. Автор

отмечает, что в тайских титульных языках – тайском языке Таиланда, лаосском языке и тайских языках, чьи народы проживают на территории КНР, имеется только одна форма с оттенком неблагоприятности. Однако в языках народов, проживающих на территории СРВ, которые вьетнамские ученые относят к тай-кадайским языкам, развиты обе формы пассива – благоприятного и неблагоприятного.

Для языков ЮВА в отличие от китайского характерно оформлять с помощью пассива переходные глаголы двух типов. К первому типу относятся собственно переходные глаголы. Ко второму типу – производные переходные глаголы.

Исследователь отмечает еще одно отличие языков ЮВА от китайского, а также от титульных тайских языков. В языках ЮВА в форме неблагоприятного пассива употребляются медийные глаголы, но только по схеме: «показ. неблаг. пасс. + глагол» (2, с. 91). Субъект никогда не указывается. Эта форма глагола употребляется вследствие определенных причин или в определенной ситуации. Ситуации выступают в роли воздействующего фактора.

Как отмечается далее, для языков В и ЮВА существуют и общие контрастивные черты, отличающие их от языков иной типологии. Например, в этих языках имеется залоговая форма у глаголов нефизического действия. Она образуется в китайском языке с помощью показателя уои с этимологическим значением *'исходить из'*. Этот элемент был заимствован из китайского языка многими языками ЮВА. Вторая общая контрастивная черта состоит в том, что в этих языках глаголы в форме неблагоприятного пассива свободно употребляются в предложениях с двойным подлежащим. Третья, по мнению автора, главная особенность всех пассивных форм заключается в отсутствии у них реляционного характера, что определяется изолирующим типом языков региона.

В языках В и ЮВА все элементы, образующие пассивные формы, являются агглютинативными аффиксами, наделенными свойством отделяемости.

В качестве материала исследования А.Н. Ливанова (1) выбрала параметрические прилагательные в норвежском языке в сравнении с русским и японским языками, входящие в лексико-семантическое поле размера. Параметры дают информацию о том, сколько места объект занимает в пространстве или каковы разме-

ры пространства внутри объекта. Пространство на Земле организовано одинаково, и потребность обмениваться сведениями о характеристиках представленных в нем объектов, является насущной.

Отмечается, что в европейских языках имеются слова, соответствующие русским парам параметрических прилагательных большой / маленький, длинный / короткий, высокий / низкий, толстый / тонкий, т.е. «концептемы параметров» (1, с. 146). Значение соответствующих прилагательных относительно и приблизительно. Относительность их проявляется в том, что для разных объектов значение этих прилагательных будет разным. Для параметрических прилагательных ключевыми понятиями являются шкала и норма. Они обычно выступают антонимическими парами, обозначая разные полюсы шкалы, и толкуются через понятие нормы: длинный – ‘больше нормы длины’ vs короткий ‘меньше нормы длины’; и т.д. Причем норма – это не просто среднее значение данного параметра: норма определяется по отношению к определенному классу объектов.

В современной семантике прочно утвердилась концепция антропоцентризма, согласно которой в когнитивной области человек служит мерой всех вещей. Однако и само человеческое тело служит предметом измерения. Черты лица и пропорции тела человека описываются при помощи тех же параметрических прилагательных, что и иные объекты. Автор задается вопросом, полностью ли это соответствует истине. Притом, что координаты пространства и особенно пропорции человеческого тела в целом повсюду одинаковы, концептуализируются они разными языками по-разному.

А.Н. Ливанова указывает, что в данном случае ее интересовали норвежские параметрические прилагательные в сопоставлении с таковыми в русском языке, в том числе и в плане потребностей преподавания, и в типологически далеком японском языке. Такое сопоставление, по ее мнению, позволяет нагляднее продемонстрировать различные сочетаемостные возможности изучаемой лексико-семантической группы, и особенности терминов пространственной характеристики по вертикали и горизонтали, при описании черт лица, особенностей фигуры и одежды.

В заключение делается вывод о том, что концептуализация одних и тех же явлений может быть разной в родственных и схо-

жей в далеких и в генетическом, и в географическом отношении языках.

Список литературы

1. Ливанова А.Н. Параметрические прилагательные в норвежском языке в контрастивном освещении // Контрастивные исследования языков мира: Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. – М., 2009. – С. 146–151.
2. Солнцева Н.В. Контрастивный подход к исследованию языков Восточной и Юго-Восточной Азии // Контрастивные исследования языков мира: Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. – М., 2009. – С. 86–93.
3. Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. – М.: Ленанд, 2018. – 232 с.

LINGUA-RETRO

2019.02.021. М.Б. ПАРЕНКО. ИССЛЕДОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ. (Обзор).

Ключевые слова: итальянский язык; текстуализация; грамматико-лексикографическая кодификация, узуально-стилистическая кодификация; местоимение.

В книге профессора Московского университета, доктора филологических наук А.П. Лободанова¹ «Синтаксис и стиль местоимений. Главы из исторической грамматики итальянского языка» (1) рассматриваются вопросы текстуализации и грамматико-лексикографической кодификации личных, неопределенных и отрицательных местоимений итальянского языка XIII–XVI вв.

Ориентированное на узкий круг специалистов, данное издание дает всестороннее представление о разнородных процессах формирования и эволюции категории местоимения на материале староитальянского языка, поэтому будет представлять интерес не только для историков языка, занимающихся проблемами общего и романского языкознания, но и переводчиков со староитальянского.

¹ Лободанов Александр Павлович – доктор филологических наук, профессор, декан факультета искусств Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Среди его работ: Разыскания в области старофранцузского языка. – М., 1996. – 231 с.; Из истории преподавания итальянского языка на Москве и в Московском университете. – М., 1997. – 100 с.; История ранней итальянской лексикографии. – М., 1998. – 509 с.; Основы семиотики: Семиотика искусства. – М., 2007. – 215 с.; Язык. Литература. Искусство. – М., 2009. – 311 с.; Юрий Владимирович Рождественский: Очерк творческой биографии. – М., 2009. – 230 с.; Семиотика искусства: История и онтология. – Изд. 2-е. – М., 2013. – 680 с.; Словарная практика и филологическая мысль итальянского Возрождения. – М., 2016. – 515 с.; Язык итальянских школьных грамматик: норма и узус. – М., 2017. – 228 с. (в соавт. с А.А. Сидоркиным); и др.

Как отмечает автор в предисловии, «один из методов исторического изучения грамматики языка, отраженных в предлагаемой книге, – анализ определенного языкового явления в контексте осмыслений и оценок, содержащихся в ранних грамматиках и словарях, дававших первые попытки его лексико-грамматической систематизации и узуально-стилистической кодификации» (1, с. 14).

Для того, чтобы указанные выше группы местоимений были представлены полно и объективно, А.П. Лободанов исследовал тексты разнообразных функционально-стилистических сфер их бытования как в прозе, так и в поэзии (1, с. 17–18). Были исследованы тексты документально-деловой, административно-религиозной письменности, переложения латинских оригиналов, ряд оригинальных текстов ранней развлекательно-дидактической прозы, художественная проза (тексты Данте, Боккаччо и др.), а также грамматики и словари.

Таким образом, местоименные формы рассматриваются в данном труде в тройном аспекте – «тексты (языковая реальность своего времени), грамматика (попытки кодификации языка в терминах традиции), словарь (современный узус и перспективная норма) – пользуясь терминологией современных технологий, как бы в формате 3 D» (1, с. 36).

В работе «Словарная практика и филологическая мысль итальянского Возрождения» (2) А.П. Лободанов прослеживает основные этапы взаимодействия лексикографической практики и филологической мысли в Италии XV – начала XVII в. Также рассматриваются внешние и внутренние закономерности развития лексикографии, анализируются этапы формирования метода толковой лексикографии во взаимосвязи с развитием филологической мысли в Италии эпохи Возрождения, обосновываются принципы исторической теории лексикографии – «от средневекового глоссирования к современной лексикографии» (2, с. 7).

Данная работа включает в себя шесть частей (Часть первая – «Рукописные словари второй половины XV – начал XVI в.», часть вторая – «Первые печатные словари: Ранний период развития итальянской толковой лексикографии (20–30-е годы XVI века)», часть третья – «На путях к сознательному нормотворчеству, словари 40–50-х годов Чинквеченто», часть четвертая – «Начала

итальянской идеографии: От “politamente parlare” к “copiosamente favellare”. Словари 60-х годов Чинквеченто», часть пятая – «Утверждение принципов нормативной толковой лексикографии», часть шестая – «Библиографический отдел»). Книга снабжена иллюстрациями.

Список литературы

1. Лободанов А.П. Синтаксис и стиль местоимений: Главы из исторической грамматики итальянского языка. – М.: Изд-во «БОС», 2015. – 448 с.
2. Лободанов А.П. Словарная практика и филологическая мысль итальянского Возрождения. – М.: Изд-во «БОС», 2016. – 516 с.

2019.02.022. Л.Р. КОМАЛОВА. ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИГРАНТОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИНОРИТАРНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ И МЕКСИКЕ. (Обзор)¹.

Ключевые слова: мигрант; иммигрант; европейские страны; учебник; обучение; расизм; дискриминация; мультикультурность; иностранный язык; каталанский язык; Мексика; Испания.

В работе (1) описывается исследование учебников и учебных пособий, одобренных в 2012–2015 гг. Министерством образования Мексики для преподавания в первом-шестом классах общеобразовательных школ. Авторы проанализировали 522 иллюстрации и их описания из 50 учебников. Иллюстрируются различные сцены из жизни коренного населения страны, которые формируют у детей легитимированное представление о превосходстве потомков колонистов-завоевателей над индейцами.

Было выявлено, что коренное население Мексики в учебниках, как правило, представлено в ситуациях, описывающих 1) доиспанское прошлое страны (индейцы ассоциируются с культурным наследием); 2) сельский быт индейцев; 3) фольклорные мотивы бытия коренного населения; 4) образ индейца как прародителя нынешних жителей Мексики – потомков от смешанных

¹ Обзор подготовлен в рамках государственного задания по теме «Языковые аспекты миграционных процессов: Языковая динамика в эпоху глобализации».

браков с колонистами; 5) обездоленность и жизнь в нищете; 6) городскую жизнь индейцев и языковое разнообразие. По мнению авторов, на основе подобных иллюстраций с самого раннего возраста учащиеся формируют дискриминирующее отношение к коренным жителям Мексики. Индейцы ассоциируются с бедностью и отставанием в культурном развитии. В современном мексиканском обществе они символизируют связь с ранними этапами развития Мексики.

В статье (2) рассматриваются учебники каталанского языка как второго, в которых описывается повседневная жизнь мигрантов, проживающих в Каталонии (Испания). Целью исследования было определение различий в описании двух групп мигрантов: 1) выходцев из западных стран (Германия, Чехия, Франция, Италия, Англия) и 2) выходцев из «незападных» стран (Аргентина, Индия, Украина, Марокко, Румыния, Эквадор, Китай, Сенегал, Мексика, Колумбия, Россия и др.) по сравнению с представителями Испании и других европейских стран с использованием методологии критического дискурс-анализа. Реконструкция идентичности мигрантов на страницах учебников проводится в соответствии с их социальным статусом, возрастом и полом, а также на основе так называемых «историй из жизни» – нарративов о достижениях мигрантов, рассказов о семье, положении в обществе, учебе и работе.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что мигранты из западных стран всегда изображаются как представители высшего / среднего класса, занимающие руководящие позиции (практически на равных правах с жителями Испании, каталонцами), в то время как выходцы из «незападных» стран описываются как представители рабочего класса, менее обеспеченных слоев населения, занимающие подчиненные позиции в обществе. Они характеризуются негативными физическими или гендерными стереотипами, в то время как в отношении западных мигрантов приводятся положительные характеристики.

Авторы отмечают, что в историях из повседневной жизни в исследуемых учебниках представлена идиллическая и бесконфликтная картина жизни мигрантов в Каталонии (персонажи кажутся счастливыми, достигают поставленных целей, никто не жалуется на трудности), что, по мнению авторов, приводит к тому,

что учащиеся (иммигранты) не борются за свои права на включение их в принимающее общество.

Авторы обнаружили также отсутствие культурологических сравнений и / или информации о странах происхождения иммигрантов или их жизни до прибытия в Каталонию. В учебниках нормы поведения в каталонском обществе обычно представляются без каких-либо упоминаний о культурных различиях или опыте межкультурного взаимодействия, который переживает новоиспеченный член общества (иммигрант). Это отрицание культурного и семейного фона иммигранта может отрицательным образом сказываться на учащихся, формируя представление о незначительности их культуры в принимающем обществе, о необходимости по прибытии в Каталонию забыть свои корни и без всяких сомнений принять все нормы каталонского общества.

Исследователи рекомендуют авторам учебников избегать отрицательных стереотипов, включать больше информации о традициях, убеждениях и ценностях иммигрантов и не скрывать внутренние конфликты, с которыми сталкиваются иммигранты в Каталонии. «Таким образом, учебники по каталанскому языку как второму языку для взрослых стали бы инструментом для социальных перемен» (2, с. 74).

Список литературы

1. Berkin S.C., Le Mûr R. Racismo en la imagen de los indígenas en los libros de texto gratuitos (2012–2015) // Comunicación y sociedad. – Guadalajara, 2017. – Núm. 28. – P. 11–33. – Mode of access: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0188-252X2017000100011&lng=en&nrm=iso
2. Bori P., Petanović J. The representation of immigrant characters in Catalan as a second language textbooks: A critical discourse analysis perspective // Lengua y migración. – Alcalá, 2017. – Núm. 9 (2). – P. 61–75. – Mode of access: https://www.academia.edu/35555285/The_representation_of_immigrant_characters_in_Catalan_as_a_second_language_textbooks_a_critical_discourse_analysis_perspective

2019.02.023. Л.Р. КОМАЛОВА. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА. (Обзор).

Ключевые слова: заимствование текста; язык урду; корпус текстов; аннотация; синтаксис; логическая регрессия; эллипсис; неполное предложение; английский язык.

В работе (3) предпринята попытка решения задачи отслеживания повторного использования текста (заимствования текста из существующих документов для создания новых текстов), которая в настоящее время осложняется наличием и легкодоступностью публикаций из крупных онлайн-хранилищ. По мнению авторов, основным препятствием в разработке существующих и оценке новых методов одноязычного повторного использования текста (особенно для южноазиатских языков) является отсутствие стандартизированных контрольных корпусов.

В статье описывается подобный контрольный корпус для языка урду. «COUNTER (COrpus of Urdu News TExt Reuse)» содержит 1200 документов с реальными примерами повторного использования текста на материале институционального дискурса СМИ. Массив текстов, составляющих корпус, был аннотирован вручную и представляет три уровня повторного использования: 1) полное заимствование, 2) частичное заимствование и 3) отсутствие заимствования. В статье приводится ряд методов оценки сходства с целью демонстрации возможностей использования корпуса для разработки, оценки и сравнения систем обнаружения повторного использования текста для языка урду.

Авторы статьи (1) приводят результаты эмпирического исследования эллиптических конструкций в неполном предложении (*verb phrase ellipsis*) на материале корпуса публикаций всех разделов «Wall Street Journal». Предложенная аннотация проводилась вручную (три аннотатора): кодировался вспомогательный глагол, при котором опускалась глагольная фраза; начало и конец antecedenta; синтаксический тип antecedenta и тип синтаксической связи между исходными и целевыми предложениями эллиптической конструкции и его antecedентом. Далее результаты аннотирования сопоставлялись с результатами, полученными на том же материале при помощи системы автоматического аннотирования «Penn Treebank».

В ходе исследования было обнаружено 487 эллиптических конструкций (включая предикативный эллипсис; antecedent, содержащий делецию; сравнительные конструкции и псевдоопуще-

ния), а также 67 случаев использования смежных приемов, таких как анафора. Согласие между аннотаторами было высоким ($F = 0,97$). Авторы пришли к выводу, что разработанная ими аннотация не зависит от применяемого в исследовании теоретического подхода и дает лучшие результаты, чем иные аннотации, основанные на автоматических методах. Полученный аннотированный корпус будет полезен для изучения эллиптических конструкций в неполном предложении, а также для оценки систем обработки естественного языка, оснащенных алгоритмами, учитывающими использование многоточия.

В работе (2) представлены алгоритмы автоматического извлечения и аннотирования образцов дативного чередования (dative alternation) на базе корпуса текстов на английском языке. В качестве языкового материала используется два набора данных, отобранных вручную: 930 образцов из корпуса устной и письменной речи на британском варианте английского языка (ICE-TRAD) для адаптации разрабатываемых алгоритмов и оценки ошибок; 2349 образцов из корпуса американского варианта английского языка (SWB-TRAD) в качестве тестового корпуса для количественной оценки результативности разрабатываемых алгоритмов.

Предлагается следующая последовательность действий для автоматического обнаружения исследуемого явления: 1) создание списка дативных глаголов; 2) извлечение всех предложений с этими глаголами из корпуса; 3) разбор предложений с помощью парсера FDG; 4) извлечение образцов из парсера; 5) фильтрация образцов с применением эвристических правил. При помощи построения модели логической регрессии результаты автоматического аннотирования сопоставляются с результатами ручного аннотирования.

В ходе исследования было выявлено, что парсер FDG обнаруживает образцы дативного чередования недостаточно успешно: больше всего трудностей возникает при обработке образцов устной спонтанной речи, длинных предложений. Отвечая на вопрос о применимости в ходе лингвистических исследований разработанных алгоритмов автоматического извлечения и аннотации образцов дативного чередования в том случае, если они содержат ряд ошибок, авторы приходят к выводу, что данный подход применим для выявления синтаксических, семантических и дискурсивных

особенностей, но по-прежнему требует сопровождения и коррекции со стороны специалиста.

Список литературы

1. Bos J., Spenader J. An annotated corpus for the analysis of VP ellipsis // *Language resources and evaluation*. – 2011. – Vol. 45. – P. 463–494. – DOI: 10.1007/s10579-011-9142-3. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10579-011-9142-3>
2. Evaluating automatic annotation: Automatically detecting and enriching instances of the dative alternation / Theijssen D., Boves L., van Halteren H., Oostdijk N. // *Language resources and evaluation*. – 2012. – Vol. 46. – P. 565–600. – DOI: 10.1007/s10579-011-9156-x. – Mode of access: http://daphnetheijssen.ruhosting.nl/publications/Theijssen_et_al_2011_Evaluating_automatic_annotation.pdf
3. Sharjeel M., Adeeb Nawab R.M., Rayson P. COUNTER: Corpus of Urdu news text reuse // *Language resources and evaluation*. – 2017. – Vol. 51. – P. 777–803. – DOI: 10.1007/s10579-016-9367-2.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА¹

- Амири Л.П. 02.009
Аммон У. 02.007
Бушев А.Б. 02.013–014
Ильясова С.В. 02.009
Информационная структура текста
02.002
Историческая динамика
дискурсивных практик 02.010
Комалова Л.Р. 02.022–023
Конкуренция языков и языковых
стратегий 02.006
Корпоративная коммуникация в
России: Дискурсивный анализ 02.011
Костева В.М. 02.001
Маджаева С.И. 02.019
Опарина Е.О. 02.018
Потапов В.В. 02.008, 02.016
Раренко М.Б. 02.021
Региональное языковое сознание коми,
русских, татар: Проблемы
взаимовлияния 02.004
Репрезентация событий:
Интегрированный подход с позиции
когнитивных наук 02.003
Термины в коммуникативном
пространстве 02.019
Трошина Н.Н. 02.002, 02.012
Фернандес А.Г. 02.015
Языковое бытие человека и этноса 02.005
Якимов П.А. 02.017
Яковлева Э.Б. 02.020
Ammon U. 02.007
Fernández A.G. 02.015
- Составитель: *Л.Р. Комалова*

¹ В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания РЖ (2019) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 2)

- Автоматический анализ текста
02.023
- Акустическая фонетика 02.008
- Английский язык 02.023
- Ассоциативный эксперимент
02.004, 02.005
- Балканский языковой союз 02.020
- Билингвизм 02.006, 02.019
- Восприятие речи 02.016
- Восприятие текста 02.003, 02.012,
02.013
- Гипертекст 02.013
- Диахрония 02.010
- Дискурс 02.005, 02.010, 02.011,
02.013
- Дискурс политический 02.005
- Дискурсивный анализ 02.001
- Житийная литература и фольклор
02.014
- Заимствование 02.019
- Идентичность этническая 02.004
- Идиоматика 02.018
- Интернет 02.015
– язык и стиль 02.005
- Интерпретация литературного
произведения 02.005, 02.013
- Интертекстуальность 02.013
- Инференция текста 02.002
- Информационная структура текста
02.002, 02.012
- Иранские языки 02.020
- Итальянский язык
– грамматика историческая 02.021
- Картина мира этническая 02.004
- Картина мира языковая 02.005,
02.013, 02.017
- Каталанский язык
– социолингвистические
исследования 02.022
- Кинесика 02.016
- Когнитивная лингвистика 02.002,
02.011
- Коммуникативная стратегия 02.011
- Компьютерная лингвистика 02.015
- Контекст 02.013
- Контрастивный анализ 02.020
- Концепт 02.019
- Корпоративная культура 02.011
- Корпусная лингвистика 02.010,
02.015, 02.023
- Культура речи 02.017
- Лингвокультурология 02.019
- Литература и фольклор 02.014
- Нарратология 02.001
- Научная информация 02.003
- Научная парадигма 02.001

- Нейрофизиология 02.016
 Немецкий язык
 – социолингвистические
 исследования 02.007
 Новиков А.И. 02.002
 Обращение 02.006
- Переключение кода 02.006, 02.016
 Поговорки и пословицы русские
 02.014
 Понимание текста 02.002, 02.005
 Понятие 02.003
 Праздники 02.003
 Просодика 02.008
 Психолингвистический
 эксперимент 02.004
 Психология текста 02.003
 Пуризм 02.001
- Региональная культура
 – Оренбургская обл. 02.017
 Реклама
 – язык и стиль 02.009, 02.012
 Репрезентация 02.003
 Речевое поведение 02.006
- Семиотика культуры 02.013
 Славянские языки 02.020
 Смеховая культура в Интернете
 02.014
 Смысл 02.002
 Социальная дифференциация языка
 02.011
 Сравнительно-исторический метод
 02.020
 Стилистика 02.018
 Стилистика текста 02.013
- Текст 02.002
 Терминология 02.019
 Топонимика
 – Оренбургская обл. 02.017
- Тоталитаризм 02.001
 Урду язык 02.023
 Фокус 02.008
 Фольклорные жанры 02.014
 Фразеология 02.018
- Цветовое обозначение 02.005
 Частота основного тона 02.008
 Частушки русские 02.014
- Эколингвистика 02.019
 Экспериментальная
 нейролингвистика 02.016
 Экспериментальная фонетика
 02.008
 Эллипсис 02.023
 Этнопсихолингвистика 02.004
- Язык и культура 02.012
 Язык и политика 02.001, 02.006
 Язык средств массовой информации
 02.009
 Языковая игра 02.009
 Языковая компетенция 02.018
 Языковая конфликтность 02.006
 Языковая норма 02.009
 Языковая политика
 – Германия фед. респ. 02.007
 Языковая ситуация
 – Испания 02.022
 – Мексика 02.022
 Языковое сознание 02.004
 Языковые контакты 02.006
 Языкознание в тоталитарном
 обществе 02.001
 Японский язык
 – социолингвистические
 исследования 02.006

Составитель: Л.А. Перевезенцева

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса мировой глобализации: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – 202 с. – (Сер.: Теория и история языкознания). ISBN 978-5-248-00863-6.

Представлена систематизация факторов влияния языка международного общения (английского) на национальные языки как развитых, так и на языки развивающихся стран, а также влияние на различные языковые жанры (например, язык науки, язык художественной литературы). Определяются место и роль языка Интернета в сфере языковой коммуникации. Рассматриваются языковые уровни: от фонетико-фонологического до семантико-прагматического. Сборник рассчитан на широкий круг лингвистов, преподавателей иностранных языков, культурологов.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2018. – № 3 (34): Антропоцентрическая парадигма в гуманитарном знании = Anthropocentric paradigm in humanities / Отв. ред. Комалова Л.Р., ред.-сост. вып. Потапов В.В., Казак Е.А. – 214 с. ISSN 1728–9319. DOI: 10.31249/chel/2018.03.00

В рамках антропоцентрической парадигмы рассматриваются вопросы восприятия и оценки действительности, находящей отражение в языковой картине мира отдельной личности и этноса в целом. Исследуется духовное бытие человека в эпоху «глобальных вызовов». Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2018. – № 4 (35): Кенотаф: Человек в обществе глобального сверхпотребления = Cenotaph: Person in the society of global hyperconsumerism / Отв. ред. Хлебников Г.В., ред.-сост. вып. Гранин Р.С. – 230 с. ISSN 1728–9319. DOI: 10.31249/chel/2018.04.00

Выпуск посвящен проблеме человеческого бытия в постиндустриальную эпоху, когда все сферы жизни, политика, экономика, информация и сама человеческая жизнь превращаются в товар. Это сопровождается обесцениваем ценностей, когда акт потребления становится достижением; общество потребления превращается в общество спектакля; ирония – становится постиронией; а последнее прибежище каждого человека – могила, последнее прибежище каждого человека, превращается в симулякр-кенотаф. В этой ситуации приобретает актуальность русский проект – последний бастион традиционных ценностей. Для широкого круга интеллектуалов.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019 № 2

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 28.03.2019

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,75

Тираж 300 экз.

(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 8,6

Заказ № 6

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У